

Per A-1169
273

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK

273

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ
XV

ТАРТУ 1971

Per. A-1169⁻²⁷³

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 273 ВЫПУСК

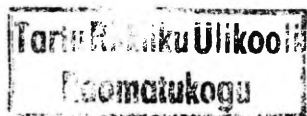
ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XV

Тарту 1970

Редколлегия: Р. Н. Блюм, А. И. Горячева, Т. В. Лойт, М. Г. Макаров,
Я. К. Ребане, Л. Н. Столович (ответственный редактор).

ОБ УРОВНЯХ КАТЕГОРИЙ

М. Г. Макаров

При рассмотрении категорий в их взаимосвязях, взаимопереходах и развитии обнаруживается огромная внутренняя сложность этих форм мышления. Они предстают как многогранные и многослойные структуры, несущие различные познавательные и культурно-идеологические функции. С проблемой различных уровней категорий нам пришлось столкнуться при исследовании истории развития категории цели. Здесь мы попытаемся определить указанные уровни в их общей форме, не приводя всего рассматривавшегося конкретного материала. Нет, конечно, необходимости подчеркивать, что выделение уровней категорий в высшей степени условно и грани между ними относительны.

Среди категорий, которые принято называть «категориями диалектики», имеется значительная группа понятий, соответствующих коренным структурным связям процессов мышления как такового, (общее и отдельное, вещь и свойство, качество и количество, часть и целое, причина и следствие и т. д.). Выражая «закономерности и природы и человека»,¹ эти структурные связи представляют собою общие формы интеллектуальной деятельности человека, сознательно выделяющего себя из природы. Категории играют роль ступеней этого выделения, познания и практического преобразования окружающего мира.² В указанном смысле зачатки категорий диалектики можно найти в любом наиболее простом предложении.³ В основе логических форм, отражающих общие стороны реальной действительности, должны лежать какие-то динамичные образования в мозгу человека, складывающиеся в социально детерминированном развитии личности. Заключение в них информации играет роль операторов, осуществляющихся в мышлении преоб-

¹ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 83.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 318—321.

разований. Совокупность данных структур составляет глубинную архитектуру мышления, общую для различных ступеней культурно-социального развития, существенный момент единства человеческого рода. Это находит свое обоснование в трудовой теории происхождения человеческого сознания. Относящиеся сюда категории возникли как фиксация некоторых инвариантов трудовых операций, отражающих определенные закономерности природы. Подобно простым и абстрактным моментам труда они также могут быть определены как вечные естественные моменты мыслительной деятельности, не зависящие от степени развития общества, его исторических форм. Об этом ядре постигающего мышления Маркс говорит как о «естественном процессе», который может быть «лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, от развития органа мышления».⁴ Конечно, и эти узловые элементы имеют историю, но история их совпадает уже с историей становления самого человеческого мышления вообще. Судить о ней мы можем на основании данных о древнейших пластах материальной культуры, а также — сравнительно-исторического изучения наиболее архаичных форм языка. Определенное значение имеет, очевидно, и сопоставление выводов из этих данных с результатами исследований становления и развития мышления ребенка.

От уровня категорий как объективных закономерностей мышления и сознательно-практической деятельности следует отличать неразрывно связанный с ним, но не тождественный ему, уровень языкового выражения в соответствующих специфических словах, грамматических структурах, предложениях и т. д. Еще один уровень или сторону составляет осознание субъектом категорий как определенных понятийно-речевых комплексов в их обиходном употреблении, их интерпретация в связи с пониманием связей вещей, отражающихся в данных структурах.

Знания, относящиеся к связям вещей, отражаемым в категории, составляют еще один, в высшей мере динамичный, аспект ее содержания. Эти знания могут сочетаться с заблуждениями и фантазиями, а сама категориальная форма выноситься за пределы имеющегося опытного знания.

При рассмотрении истории языкового выражения категорий можно, как нам кажется, в ряде случаев различить слой, отвечающий самому процессу трудовой деятельности, и слой, связанный уже не столько с выражением технологического процесса, в значительной мере застойного и стандартного, сколько с отражением неизмеримо более сложных, подвижных ситуаций в социальных отношениях между людьми. Именно этот слой понятия «общее» имел, очевидно, в виду К. Маркс, когда он

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 32, стр. 461.

связывал его с обозначением общинной земли у древних германцев, говоря, что логические категории вытекают из «наших отношений».⁵ В ряде языков слова, выражающие категорию причины, ведут происхождение от обозначений определенных производственных действий. Санскритское *hetu* происходит от *he* — «кидать», латинское *causa* — от *cudo* — «коло- тить, бить, ковать», греческое *αἴτιος* — от корня *ai* — «раз- махивать, вторгаться» (отсюда же и санскритское *inòti* — «приводит в движение, сообщает, отдает от себя, вынуждает»);⁶ Русское «вина» «причина» происходит от «възвить» — «добыча», «война»⁷, общего с санскритским *véti* — «пресе- дует, стремится» и латинским *venio* — «травить, гнаться, преследовать на охоте». В то же время термины *causa*, *αἴτια*, «вина», верхненемецкое *Sache* (*Ursache*) имели на определенном этапе и этически-правовой смысл. Аналогично этому в некоторых финно-угорских языках понятие причины выражалось словом, означающим также виновность человека (*süü* — в эстонском и ижорском языках). Возможно, что не- которые фундаментальные категориальные формы получают четкое словесное выражение и осознаются только на уровне выражения социальных отношений и через соответствующие этому уровню понятия, образы, слова-символы. Возникает так- же много понятий и символов, обозначающих только социаль- ные отношения и не имеющих основы в первом, базисном уров- не форм мышления. Они первоначально включаются в мифоло- гическое и религиозно-этическое сознание в качестве его суще- ственных элементов. Примером этого может служить понятие «демон» в греческой мифологии и ранней философии.⁸ Некото- рые понятия несут с самого начала юридически-политический характер.⁹

На уровне философской абстракции предметом специаль- ного исследования постепенно становится также природа самих понятий. Только здесь мы имеем дело с категориями в строгом смысле слова. Упоминавшиеся выше фундаментальные струк- туры развитого человеческого мышления — «общее» и «отдель- ное», «качество» и «количество», «вещь» и «свойство», «при- чина» и «следствие» и др. — в их понятийном выражении ста- новятся категориями в этом значении. Выражающие их слова или предложения начинают принимать, по мере их определения

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 32, стр. 45.

⁶ W. Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache, Göttingen, 1892.

⁷ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, М., 1964, т. I, стр. 316.

⁸ M. Detienne, La notion de Daimôn dans le pythagorisme ancien, Paris, 1963.

⁹ J.-P. Vernant, Les origines de la pensée grecque, Paris, 1962, p. 59, p. 109.

и соотношения с другими категориями и установления их места в системе соответствующих слов-понятий, характер философских терминов. Не все, конечно, вырабатываемые философией категории представляют собою прямое развитие и выражение общечеловеческих логических структур, стволы которых, поднимаясь теперь на высоту философских систем, распускаются пышными кронами. Среди категорий философии могут находиться и понятия, возникающие в результате преобразования понятий и образов мифологического сознания, как, например, понятия «эрос», «хаос», «даймон» в древнегреческой философии. Данное преобразование проявляется, в частности, в превращении соответствующих мифологии и религии знаков-символов в специализированный языковой знак, термин.¹⁰ Среди основных философских понятий имеются также категории, вырабатываемые полностью только на уровне самой философской абстракции или в сфере научно-теоретического познания. Они служат для выражения основной, специфически философской проблематики и не могут, в этой связи, не занимать центральной позиции в системе категорий философии. К такого рода понятиям можно, очевидно, отнести категории «материя», «объект» и др. Обозначение их в нашей литературе как «метакатегорий»¹¹, хорошо подчеркивает, по нашему мнению, их отмеченное особенное положение, отношение к различным уровням категорий и их своеобразный генезис.

Говоря о категориях на уровне собственно философии как формы общественного сознания можно провести еще одну градацию, различая уровни самой этой формы сознания и, следовательно, — уровни функционирования категорий. Прежде всего — философская система в ее логическом строе, например, — философия марксизма-ленинизма в ее теоретическом изложении в трудах ее создателей, в современных марксистских учебниках, философских исследованиях и т. д. В качестве своего логического каркаса она включает внутренне согласованную систему категорий. Во-вторых, — другой модус существования философии — реализация данной системы в живом сознании и деятельности личностей, определенных социальных классов и групп в конкретных исторических условиях. Так, марксистско-ленинская философия — не только продукт теоретической деятельности определенных специалистов, стройная система понятий и знаний, но и, в настоящее время, составная часть сознания, духовной культуры целых народов, классов и групп населения, «элемент их духовного и нравственного уклада».¹² Философия как достояние широких, внутренне дифференцированных

¹⁰ M. Detienne, *La notion de Daïmon dans le pythagorisme ancien*, p. 14.

¹¹ В. Н. Сагатовский, К вопросу о системе категорий, «Вопросы философии», 1968, № 9, стр. 173.

¹² А. Грамши, *Избранные произведения*, М., 1959, т. 3, стр. 14.

масс, по-разному сочетается с их знаниями и ценностями, несколько модифицируется в соответствии с интеллектуальным развитием, профессиональными и социальными особенностями, структурой общественной психологии, в том числе интересами, пронизывается эмоционально-волевыми моментами, по-разному воспринимается и переживается.

Вряд ли возможно при этом, чтобы категории философии усваивались равномерно, а их понимание и применение не носили бы иногда своеобразного характера. Конечно, необходимо добиваться, и партия добивается этого, чтобы данный модус существования марксистской философии максимально приближался к ее научно-теоретическому выражению, но учитывать своеобразие указанного модуса как реальный факт надо. Пока что нам неизвестны какие-либо конкретные исследования специфики этой реализации философии. Надо думать, что когда-нибудь совместными усилиями психологов, философов, наук-ведов будет исследован и вопрос «философского мышления». Философское мышление или, по выражению Энгельса, «теоретическое мышление» представляет собою развитую способность к специфическому виду интеллектуальной деятельности, в которой применяются характерные для философского исследования понятия, приемы, виды доказательств, материал и т. д. Известно, что глубокое знание философии не всегда совпадает с этой способностью, хотя и является важнейшим средством ее развития. Функционирование категорий в философском мышлении, их особый строй составляют, надо думать, еще один аспект этих философских понятий.

При многостороннем, полном рассмотрении категорий исследуется также применение их в теоретическом научном познании, в практике научного мышления определенной отрасли знания и определенного исторического периода. На этом уровне сливаются уровни развитого естественного категориального аппарата мышления, философской системы, сознательно усваиваемой в деятельности реального познания, бессознательно воспринимаемые элементы категориальной структуры других философских систем, понятия самой специальной науки с их категориальной основой, скрытая в фактическом материале информация об объективных прототипах категорий в исследуемых материальных процессах. Слияние это не переходит в абсолютное тождество, в результате чего возможно возникновение противоречий между указанными различными уровнями и аспектами. Случай таких противоречий был, как известно, исследован В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Смешение разных уровней при изучении их истории, недифференцированный подход к их развитию, влечет за собою серьезные ошибки. В частности, при рассмотрении эволюции категорий причинности и цели подобное смешение служит источником

приписывания детскому сознанию и мышлению человека доклассового общества своего рода мистической телеологии, как исключаящей какую бы то ни было возможность причинного подхода к реальному миру.

Так в одной из ранних работ Ж. Пиаже о развитии понятия причинности у ребенка среди устанавливаемых семнадцати ступеней этого развития указываются также ступени типа «чистой телеологии», магии, артифициализма, анимизма. Утверждается идея «спонтанного антропоцентрического финализма» детского сознания.¹³ Проводится аналогия с историческими стадиями философии и науки: телеологией Аристотеля, физикой перипатетиков и др. Основание: анализ ответов испытуемых детей на вопросы, заведомо выходящие за границы их опыта, знаний, кругозора. Близкое этому понимание вопроса развивается в исследовании М. Лорендо и А. Пинара. В основе приписываемого авторами ребенку анимистического финализма лежит якобы его прирожденный эгоцентризм. Дети переходят к причинному мышлению по мере замены эгоцентризма свойственным взрослым объективизмом.¹⁴ На основе аналогичных испытаний и факта смещения детьми слов «почему» и «для чего» непричинный «стиль мышления» детей доказывает В. Яйде.¹⁵ Ответы детей, на которых строятся подобные теории, соответствуют уровню усвоенных ребенком элементов сказочной мифологии и религиозного мировоззрения, а также — уровню знаний и, отчасти, свидетельствуют о степени развития его языковых средств.

Смешение различных уровней категорий и, в частности, антиисторическое отождествление причинного мышления вообще с его научным уровнем является источником представления мышления народов примитивной культуры как всецело иррационального, анимистически телеологического. Так, Х. Кельзен, собравший в своей работе соответствующие свидетельства этнографов, утверждает, что в отношении дикаря «не может быть и речи о понятии причинности или о тенденции к причинному мышлению».¹⁶ Однако внимательное ознакомление с приводимыми Х. Кельзеном фактами показывает, что им исключается не причинность как структура аппарата мышления дикаря, а наличие осознанного понятия причинности как всеобщего закона и как объективного закона природы, свободного от этических включений.¹⁷ Не подтверждают точки зрения указанного

¹³ J. Piaget, *La causalité physique chez l'enfant*, Paris, 1927, p. 42.

¹⁴ M. Lauredeau et A. Pinard, *La pensée causale*, Paris, 1962, p. 204.

¹⁵ G. Clauss, H. Hiebsch, *Kinderpsychologie*, Berlin, 1961, S. 268.

¹⁶ H. Kelsen, *Society and Nature*, Chicago, 1943, p. 268.

¹⁷ На отсутствие представления о безличных силах природы как на особенность мировоззрения первобытного человека указывается, в частности, в кн.: A. J. Hallowell, *Ojibwa ontology, behavior, and world view*, «Primitive views of the World», Columbia Univ., 1964, p. 59.

автора и работы Леви-Брюля, на которого он ссылается. Широко известно, правда, развивавшаяся последним концепция «дологического», мистической ориентации сознания дикаря, ищущего причины не в предшествующих явлениях, а в мире невидимых сил и мифических существ.¹⁸ Но Леви-Брюль делал разницу между применением причинной формы в ходе практических действий и размышлениями первобытного человека над событиями, лежащими вне цепи знакомых ему явлений. В своих технических операциях дикарь мыслит, согласно Леви-Брюлю, вполне детерминистически.¹⁹ Нарушающие причинную связь, эмоционально окрашенные комплексы в первобытном сознании относятся к сфере отношений между самими людьми, выражают надындивидуальные силы рода, определяющие действия человека.²⁰ Другими словами, французский ученый фактически различает в данном случае указанные нами выше уровни категории. В литературе можно встретиться также с утверждениями о мистической ориентации сознания первобытного человека на уровне коллективных представлений, где полностью отсутствует то, что мы называем «естественными причинами». В крайнем случае оно рассматривается как инструмент оккультных сил.²¹ И здесь же в этой литературе говорится о том, что этот человек умеет прекрасно использовать причинные связи в своей повседневной жизни, в конструировании своих орудий.²² Имеются также свидетельства о том, что, одновременно с господством мифологического мышления, у австралийцев «представления о причинных связях, даже тогда, когда они получены путем аналогии, относятся к наиболее твердым их убеждениям»,²³ у индейцев народа навахо «причинное порождение» является «ключевой нотой» мышления²⁴ и т. д.

Более четкое разграничение уровня категориальных структур в мышлении ребенка ставит под сомнение и концепцию прирожденно мистического, непричинного его характера. Приводятся данные, согласно которым случаи, когда дети трех-четырехлетнего возраста смешивают в сфере знакомого им практического действия причину явления и цель действия, являются, во-первых, крайне редкими (порядка 1%) и, во-вторых, и в таких случаях указанное смешение не представляет собою единственного способа объяснения соответствующих фактов ребен-

¹⁸ А. Леви-Брюль, *Сверхъестественное в первобытном мышлении*, М., 1937, стр. 289.

¹⁹ Там же, стр. 153.

²⁰ Там же, стр. 307—308.

²¹ A. d. Postioma, *I popoli africani e la casualità mistica*, «Filosofia e vita», а. IX, 1968, N 2, p. 79.

²² Там же, стр. 84.

²³ F. Graebner, *Das Weltbild der Primitiven*, München, 1924, S. 24.

²⁴ C. Kluckhohn, *Navaho categories*, "Primitive views of the World", p. 108.

ком.²⁵ В условиях, отвечающих их повседневному опыту, дети «поражали ... натуралистическим характером всех своих объяснений», в которых применялся «простейший вид физических понятий».²⁶ Причинность как форма мышления имеет не всегда словесный характер, первоначально возникая у ребенка на ступени мышления, непосредственно оперирующего действием.²⁷

При исследовании категорий особенно необходимо обращать внимание на эволюцию их выражения в языке. Рассматривая, например, развитие категории цели в классической немецкой философии, нужно иметь в виду изменение значения слова *Zweck* и производного от него *Zweckmässigkeit*. В немецком языке конца XVIII в. значение *Zweckmässigkeit* отвечало согласованности частей некоторого сложного целого вне зависимости от основы и источника этой согласованности, приближаясь к значению термина «гармония» в лейбницевской философии. Кант в своем рассмотрении понятия «целесообразность» в известной степени исходил именно из указанного значения. В немецком же языке первой половины нашего столетия со словом *Zweckmässigkeit* связывалось уже представление только о сознательно-целесообразном, преднамеренном.²⁸ Вероятно немалую роль в таком сужении значения этого слова сыграло массовое распространение образования, элементов научных знаний прошлого века с типичными для них категориями, а также механико-материалистического, грубо антитеологического, мировоззрения. Свойственная им идея принадлежности цели исключительно сознанию человека могла прочно закрепиться в применении, понимании категорий и в языке также и благодаря тому, что в целостной структуре сознания этого периода оно соответствовало воспитанному религией убеждению в уникальности человеческого духа. Не исключено, что происходящие в настоящее время изменения в категории «цель», ее понимании в философии, естествознании, технике, социологии, расходящиеся пока до некоторой степени с привычным значением соответствующих слов естественного языка, приведут в дальнейшем к адекватной модификации этого значения. Тем самым проблема «объективной цели» утратит свою остроту, объяснимую сейчас в известной мере протестом чувства языка.

²⁵ А. А. Венгер, Развитие понимания причинности у детей дошкольного возраста, автореферат, М., 1958, стр. 9.

²⁶ I. Huang, Children's Explanations of Strange Phenomena, "Psychologische Forschung", В. 13, Н. 2—3, 1930, S. 177.

²⁷ А. А. Люблинская, Причинное мышление ребенка в действии, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», отд. психологии, 17, 1948.

²⁸ E. Cassirer, Kants Leben und Lehre, Berlin, 1921, S. 306—307. На продолжающиеся изменения значений слов *Zweck* и *Ziel* указывает W. Brugger, Philosophisches Wörterbuch, Freiburg, 1961.

Языковой аспект категорий должен, очевидно, приниматься во внимание и при оценке философских систем прошлого, поскольку эволюции языка были изменениями и в самом предмете, исследовавшемся в этих системах. Однако указанные изменения далеко не охватывают всего предмета. Забвение последнего обстоятельства, отождествление языка с мышлением, значений слов с категориями в целом ведут к релятивизации истории философии. Наблюдающийся в последнее время в марксистской философии законный интерес к вопросам языка, семантики, перерастая в некоторых случаях в одностороннее увлечение, приводит иногда к релятивистским утверждениям. «Если таблица категорий у Аристотеля (подумаем, например, о его классификации причин), — пишет, как нам кажется, под влиянием такого увлечения М. Симон, — не такая, как у Канта, то это не означает вопреки мнению последнего, что Аристотель был неискусен или ошибался. Как раз наоборот, за период между Аристотелем и Кантом разум, его структура, основные категории, исследование которых составило предмет кантовских размышлений, глубоко изменились.»²⁹ Но в таком случае не было поступательного движения мысли, изучающей категории. Отражение, в конечном счете, в категориях объективных связей реального мира ставится под вопрос. Источником же подобной ошибки является, как можно было убедиться, игнорирование сложной структуры категорий, сведение ее к одному только языковому аспекту.

Жизнеспособная, лежащая на магистрали поступательного движения человеческой мысли, философия может вырабатывать и использовать лишь категории, логически согласующиеся со всем исторически сложившимся комплексом категориальных структур на их различных уровнях. Произвольное конструирование искусственных категорий, не имеющих такой основы, может быть весьма остроумным и даже как-то отражать моменты реальных духовных и социальных процессов, но оно обречено, подобно «экзистенциалам» Хайдеггера, на роль тупика в движении мысли. Развитие категории состоит как в охвате ступеней, отвечающих в реальном мышлении различным уровням единого комплекса, так и в расширении, обогащении, совершенствовании всех этих уровней и сторон. В настоящее время, когда происходящая научно-техническая революция, сдвиги во всем строе научно-теоретического мышления требуют уточнить, переосмыслить ряд традиционных основных понятий диалектики, а также ввести новые, становится особенно актуальным учет различных форм выражения, аспектов и уровней категорий.

Поступила в редакцию
26 октября 1969.

²⁹ М. Simon, Progrès, raison et histoire, «La nouvelle critique», 176, 1966, p. 71.

О ПЕРЕХОДЕ К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ В ХИМИИ

Р. А. Вихалемм

В историко-химических работах категории нередко употребляются некритически, игнорируя философские исследования. Это приводит к тому, что многие логические переходы в движении познания в области химии остаются незамеченными. В данной статье рассматривается логический аспект развития некоторых концепций в истории химии с точки зрения перехода от качественного исследования к количественному.

Как известно, первой целостной концепцией в химии была так называемая теория флогистона. Если теория флогистона объясняла химические превращения, прежде всего наблюдаемые противоположные процессы окисления и восстановления, с качественной стороны, то на следующем этапе все внимание химиков сосредоточилось на измерении веса и объема химических веществ. Это позволило перевернуть («с головы на ноги») найденные химиками-флогистиками отношения. Однако этот количественный подход был для химии дальнейшим качественным определением веществ. Важно отметить, что познание газов как качественно различных видов вещества и разделение их смесей было бы невозможно без помощи весовых и объемных измерений, ибо многие газы не имеют непосредственно чувственно воспринимаемых качественных различий и считались просто «воздухом». Также лишь при помощи количественного критерия Лавуазье мог определить реальные химические элементы, что явилось существенной прелюдией для обоснования химической атомистики.

В начале XIX в. в химии возник вопрос о процессе превращения веществ. Бертолле обнаружил, что не всё исходное вещество превращается в другое вещество, что реакция идет не до конца. Таким образом Бертолле столкнулся с количественной характеристикой вещества. Выяснилось, что реакционная способность вещества зависит, во-первых, от реакционной способности вещества как качества, а, во-вторых, от количества этого вещества.

Другими словами, Бертолле показал, что химическую реакцию следует характеризовать как с качественной (какие вещества реагируют) так и с количественной стороны, что, кроме вопроса о том, реагируют ли данные вещества или нет и как они реагируют, в сравнении с другими веществами, существует и имеет важное значение вопрос и о том — сколько вещества реагирует. Но можно ли сказать, что Бертолле занимался количественным химическим исследованием?

Дело в том, что у Бертолле не было единицы измерения количества химического вещества. Он пользовался абстрактными для химии всеобщими механическими единицами веса. Бертолле фактически совершил логическую ошибку, ибо он, с одной стороны, говорил о разных химических веществах, а с другой стороны, рассматривал эти вещества, как просто массы, хотя и говорил о количестве действующих веществ. Ведь количественное выражение действующих веществ предполагает одинаковость их качества (в каком-то отношении). В чем же одинаковость качества реагирующих веществ, благодаря которой можно говорить о количестве этих веществ, — этого Бертолле не показал. Бертолле исходил из предположения, что атомы всех веществ имеют один и тот же вес: ведь только в таком случае можно сказать, что вес вещества выражает количество данного вещества; вернее: тогда можно сравнивать количества вещества (множества единиц индивидуальных веществ), сравнивая их веса.

Бертолле исходил эмпирически из химии и применял некритически физико-механические знания. Он не перешел к количеству, ибо не выяснил химических единиц, не дошел до максимального качественного различия химических веществ от других определений вещества, а также друг от друга. Логически выходит, что, согласно взглядам Бертолле, следовало бы любые макровещества считать индивидуальными химическими веществами, ибо химическое соединение имеет, по Бертолле, постоянный состав, а вещество состоит непосредственно из химических соединений абстрактных атомов, т. е. является химическим соединением. Но, в то же время было эмпирическим фактом то обстоятельство, что определенное вещество, взятое в различном макроскопическом количестве, остается тем же химическим веществом. Следовательно, надо было допустить, что атомы являются как бы бескачественными; по крайней мере: химическое качество вещества не должно зависеть от количества соединенных атомов. Другими словами, с логической точки зрения, осталось абсолютно непонятным: откуда берется химическое качество (оно являлось для Бертолле просто «данным»), и как совершаются химические превращения вещества (изменения его качества).

Здесь следует иметь в виду следующее. В познании природы

(в механике и физике) было выделено понятие вещества, которое определялось как масса, как — то, что имеет вес (правда, говорили и о «невесомых веществах», но мы имеем в виду лишь «весомые вещества»), и из чего образованы все тела. Такое понимание вещества получилось в результате его предельного выделения из других форм бытия. Это — абсолютная определенность вещества — вещество как таковое, вещество вообще — одно (в определении нет различных веществ, есть лишь одно вещество вообще).¹

На таком определении вещества основывается его количественное выражение в единицах, безразличных к качеству тел. В рамках же химии, которая возникла, так сказать, не на «фоне» природы вообще, а лишь благодаря изучению превращений веществ, задача состояла в различении конкретных веществ, т. е. определение бытия вещества заключалось не в различении вещества среди других форм бытия, а в различении бытия одного или другого химического вещества, в определении индивидуального химического вещества. Предельная качественная определенность бытия химического вещества (одно), через которую происходит переход к количеству, есть определение индивидуального химического вещества как такового. (При количественном рассмотрении все химические вещества отождествляются на том основании, что они все суть некоторые множества индивидуального химического вещества как такового.) С точки зрения физико-механических наук, это значит, что надо было анализировать определение количества вещества, найти качественное количество — меру вещества — для случая такого тела, такого бытия вещества как индивидуальное химическое вещество. Таким образом, мы приходим к выводу, что определить индивидуальное химическое вещество становится возможным тогда, когда, исходя из физико-механических наук, удается конкретизировать вещество как таковое. Так и поступил Дальтон, показывая, что вещество (как таковое) существует в виде атомов, имеющих определенный вес, образование или разложение которых ведет к образованию или разложению определенного химического вещества (как такового). Дальтон обосновал теоретически (на основе атомистики) стехиометрические законы в химии (1803). Дальнейшее установление химических единиц вещества было совершено на основе молекулярного учения (Авогадро, 1811; Канпер, 1814; Канницаро, 1858).

Итак, химические единицы вещества были установлены физическими методами, путем восхождения от абстрактного (и

¹ Это соответствует гегелевскому положению о том, что логический переход к количеству происходит через предельное качественное определение бытия, через индивидуальное, которое есть уже количественное определение — одно, становится единицей для множества. См. Гегель, Соч., т. V, стр. 161—170.

наиболее общего и простого) к конкретному (и сложному). Эти единицы представляли собой: 1) атомы — тело с определенным весом (определенные количества вещества как такового); 2) молекулы — определенные множества этих тел — новые тела с определенным весом. Теперь стало возможным четкое разграничение механического (перемещение вещества в результате перемещения себе тождественных единиц, себе тождественного вещества), физического (механика молекул или изменение вещества в результате перемещения себе тождественных молекул) и химического (физика атомов, или изменение вещества в результате изменения молекул вследствие перемещения атомов) изменения вещества. Это явилось предпосылкой для количественного изучения и постепенного раскрытия сущности химического средства между веществами. Первым количественным исследованием химического равновесия была работа Гульдберга и Вааге (1864), в которой было введено в химию вместо абсолютной массы вещества понятие концентрации веществ.

Некоторые авторы считают, что стехиометрическими законами было количественно выражено химическое средство². Это — недоразумение. Установление определенных весовых пропорций, в которых соединяются элементы, и эквивалентных весов, открытие стехиометрических законов не является еще количественным выражением химического средства, а лишь конкретизацией его качественного определения: дискретного проявления и насыщения средства у элементов. Ведь о количественном выражении химического средства можно говорить лишь после того, когда найдены единицы средства. Для этого надо было, прежде всего, найти предельное качественное определение бытия химического средства. Пока были найдены лишь химические единицы вещества. Благодаря атомистике Дальтона стало возможным трактовать химическое взаимодействие веществ как соединение и разъединение атомов.

Лишь в 50 гг. XIX в. с возникновением учения о валентности (атомности) стало оправданным говорить о каких-то единицах химического средства (Франкланд, Кекуле, Купер, затем, в начале 60 гг., Бутлеров и др.).

² Так, например, Быков отмечает: «Химическое средство нашло в стехиометрических законах свое количественное выражение. В соответствии с высоким уровнем развития механики сущности химического средства давалось механическое истолкование», см.: И. Е. Быков, Об историческом развитии и определении понятия «химическое соединение», в сб.: Философские вопросы физики и химии, Свердловск, 1959, стр. 85. Меншуткин пишет следующее: «... Весовые отношения, или соединительные веса и эквиваленты, были опытным путем найдены для всех элементов и по мере открытия новых определялись и для них. Химическое средство элементов друг к другу, таким образом, было количественно изучено и выражено числами», Б. Н. Меншуткин, Химия и пути ее развития, М.—Л., 1937, стр. 150—151.

Бутлеров оставляет в стороне понятие о физических атомах, а вместе с тем и механическо-геометрическое представление о корпускулах. Он не пытается таким корпускулам приписывать химические свойства, а (исходя из бытия химической силы сродства) определяет понятие о химическом атоме и химическом строении. «Понятие о химических атомах более абстрактно, чем понятие о физических атомах. Говоря о химических атомах, приходилось абстрагировать также от величины, формы, размещения атомов в пространстве, а следовательно, казалось, отпадал вопрос и о пространственном («механическом») строении молекул. Между тем, в химии существовала устойчивая традиция связывать химические свойства молекул с их пространственным строением. Бутлеров порывает с этой традицией.»³ Ю. А. Жданов показывает, что Бутлеров сформулировал исходную абстракцию органической химии. Это удалось ему благодаря тому обстоятельству, что он увидел в явлении изомерии незамеченное его предшественниками недостающее звено этой абстракции.⁴ Бутлеров сам отмечал в 1885 г.: «Не изучались, не были известны изомеры — можно было обходиться без «строения», но время это давно миновало...»⁵

Бутлеров развил также дальше данные Кекулем и Купером определения химического сродства (как такового) между атомами, единицы сродства и количества сродства (как множества этих единиц, т. е. определение экстенсивной величины), а также напряжения или энергии сродства (определение интенсивной величины).⁶

Проиллюстрируем значение открытия того факта, что должны существовать какие-то единицы сродства, анализом довода, приведенного Берцелиусом в свое время против гипотезы Авогадро. Берцелиус писал: «Те ученые, которые предпочитают представлять атомы в виде групп, находят легкое объяснение, допуская, что в соединениях атомы молекул простого тела обмениваются на атомы молекул других простых тел, так что в полученном газообразном соединении число молекул остается тем же для данного объема. Дюма придавал такое большое значение подобному делению, что он даже предложил допустить, что сами атомы делятся, вступая в соединение. Между тем, эту гипотезу, противоречащую теории, на которую она опирается, можно пол-

³ Г. В. Быков, История классической теории химического строения, М., 1960, стр. 85.

⁴ Ю. А. Жданов, Обращение метода в органической химии, Ростов, 1963, стр. 15—18; его же, Очерки методологии органической химии, М., 1960, стр. 15—16.

⁵ А. М. Бутлеров, Химическое строение и «теория замещения», Соч., т. I, стр. 434.

⁶ См. А. М. Бутлеров, О химическом строении веществ, Соч., т. I, стр. 71—72.

ностью устранить признанием групп атомов. Но это последнее предположение, хотя оно дает простейшее объяснение в том случае, когда соединение образуется из одинакового числа атомов каждого элемента, приводит к весьма неправильным отношениям, когда между числами атомов имеются другие отношения, например, когда группа атомов должна потерять путем обмена больше атомов, чем она получает путем замещения, т. е. когда один атом одного элемента соединяется с 2 или 3 атомами другого или когда два атома одного элемента вступают в соединение с 3 или 5 атомами другого. Таким образом, теория о простых атомах, по-видимому, предпочтительней теории о «группах атомов».⁷ Как видно, Берцелиус, рассматривая молекулу с механическо-геометрической точки зрения и не имея представления о валентности атомов, не мог себе представить, как могут заменить друг друга неодинаковые количества атомов. Берцелиус, следовательно, фактически принимал, в данном случае атом (единицу химического вещества) за единицу химического сродства (аналогично тому, как Бертолле принимал единицу массы вещества за единицу химического вещества). Поэтому, когда эти единицы совпадают (это имеет место в отмеченном Берцелиусом случае, «когда соединение образуется из одинакового числа каждого элемента»), т. е. когда соединяются только одновалентные (одноатомные) элементы (скажем, происходит реакция: $\text{H}_2 + \text{Cl}_2 \rightarrow 2\text{HCl}$), тогда Берцелиус соглашается, что гипотеза Авогадро «дает простейшее объяснение» (аналогия с Бертолле: если бы все атомы имели один и тот же вес, а молекул вообще не существовало, то Бертолле бы действительно измерял относительные количества химических веществ).

Итак, приведенный выше анализ показывает, что при рассмотрении развития количественного подхода к химическим явлениям, следует еще специально выяснить, имеем ли мы дело с химическим количественным исследованием, установлены ли химические единицы измерения того или иного химического явления.

⁷ Цит. по: М. Г. Фаерштейн, История учения о молекуле в химии, М., 1961, стр. 106.

О ПРОБЛЕМЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ В ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

М. Х. Вальт

Общеизвестно, что одно из проявлений диалектики познания — развитие науки в форме конкурирующих теорий. На определенных этапах развития науки объективная противоречивость объекта отражается в виде взаимоисключающих концепций и теорий, которые (сами этого до поры до времени не подозревая) по-разному выделяют предмет изучения единого объекта. Так, например, проблему прерывности и непрерывности рассматривали в физике, в геологии (в форме униформизма и катастрофизма), а также в эмбриологии, где одним различием между преформизмом и эпигенезом XVI—XVIII вв. оказалось признание или отрицание структурной прерывности между последующими поколениями.

Абстрактная односторонность таких концепций преодолевается путем синтеза компонентных теорий, что приближает науку к пониманию сущности объекта во всей его диалектической противоречивости и богатстве внутренних связей. Но хорошо известно, что такой синтез уже не является только «внутренней» задачей той эмпирической науки, на материале которой этот синтез совершается; для этого требуется определенный методологический анализ наличной в науке ситуации и ее становления, равно как и сознательное применение комплекса средств, разработанных философией и методологией науки.

В настоящей статье обсуждается с этой точки зрения ситуация, которая имеет место в становлении эволюционизма в XIX в. В исследованиях, посвященных этой проблеме, обычно акцентируется борьба эволюционизма и антиэволюционизма и не анализируются сколько-нибудь подробно противоречия, которые имели место в самом лагере эволюционистов. Между тем существовали достаточно объективные основания для возникновения таких разногласий: они были обусловлены как сложностью и многогранностью самого процесса эволюции, так и тогдашним состоянием ряда биологических дисциплин, которые предоста-

вили материал для эволюционных обобщений. Особо следует подчеркнуть, что эти дисциплины (палеонтология, систематика, морфология, эмбриология) еще не сумели в XIX в. выйти из стадии взаимоисключающих исходных абстракций. В таксономии, морфологии и палеонтологии не была разрешена антиномия непрерывности и дискретности, в эмбриологии же не было ясности в отношениях преформизма и эпигенеза.

Все это, по нашему мнению, вело к тому, что и эволюционизм XIX в. развился не в виде единого, вполне сформированного учения, но в форме конкурирующих теорий, в основу которых легли противоречивые трактовки биологического материала в вышеупомянутых дисциплинах. В связи с этим хотелось бы проанализировать трактовку прерывности и непрерывности — т. е. качественных и количественных изменений — в конкурирующих теориях.

* *

*

В общепhilософском плане «различают две формы развития: эволюционную и революционную. Первая форма развития — это медленные, постепенные, нередко скрытые от глаз изменения в структуре объекта, их называют количественными изменениями. Вторая форма развития — это внезапные, резкие, скачкообразные, так называемые качественные изменения в структуре объекта, связанные с коренными преобразованиями во всем его строении. Между этими двумя формами развития существует сложная диалектическая связь. Эволюция подготавливает революцию, ведет к ней и завершается ею. В свою очередь новое качество, приобретаемое объектом, снова ведет к этапу медленных количественных накоплений. Таким образом, каждый процесс представляет собой диалектическое единство прерывного и непрерывного, переход количественных изменений в качественные и наоборот».¹

Кажется, что сущность обеих форм развития при явлениях морфологической эволюции в довольно общем плане набросана в теории А. Н. Северцова о морфофизиологическом прогрессе, где различают эволюционные изменения в пределах одного уровня организации (а значит, количественные в широком философском смысле) и изменения, повышающие или понижающие существующий уровень организации (и, следовательно, качественные, скачкообразные).² Но такая тонкая трактовка каче-

¹ Б. Грушин, Развитие, «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964, стр. 454.

² А. Н. Северцов, Морфологические закономерности эволюции, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1949.

ственных и количественных сторон морфологической эволюции — всецело дитя XX в. У трансмутационистов прошлого века вопросы такого рода были поставлены куда проще и сводились главным образом к признанию или прерывных, или непрерывных эволюционных изменений. Не следует забывать, что проблема прерывности и непрерывности — центральное звено в теоретических обобщениях биологии XVII—XIX вв., что не могло не воздействовать и на формирование эволюционной проблематики.

В таксономии, которая занимается описанием структурности живой природы (различие таксономических групп и установление их взаимоотношений), в XVII—XVIII вв. господствовала идея непрерывности в форме учения о «лестнице существ». В философско-теоретическом обосновании лестницы существ имели решающее значение труды Лейбница. Разрабатывая таксономическую схему в виде непрерывной последовательности, Лейбниц использовал в качестве модели свою математическую концепцию, в первую очередь идею непрерывности, которая легла в основу созданного им исчисления бесконечно малых. Идея непрерывности вошла в основную ткань обще-теоретических концепций биологии XVIII—XIX вв. Конкретное проявление лейбницевских идей в области морфологии — учение об единстве морфологического типа. На почве вышеупомянутых идей была разработана и соответствующая им эмбриологическая концепция в форме теории параллелизма.³ Более подробный анализ данных биологии привел в начале XIX в. к созданию новой, на сей раз дискретной структурной схемы животного царства. Реформатор систематики животных Кювье разработал основы так называемой теории типов. В 1828 г. Бэр распространяет этот подход на эмбриологию. Так сложились в биологии XIX в. две противоположные системы взглядов: 1) система, связанная с идеей непрерывности; к ней примыкали учение о лестнице существ, о единстве морфологического типа и теория параллелизма, с этой системой был связан и эволюционизм того времени; 2) система, подчеркивающая дискретность; она выражалась в теории типов Кювье и в законе Бэра. (Интересно отметить, что Бэр уже в 1828 г. обратил внимание на эти обстоятельства.⁴)

Первая половина XIX в. характеризуется противоположностью этих конкурирующих направлений преимущественно в морфологических и эмбриологических теориях.⁵ Но с выходом «Происхождения видов» Дарвина в 1859 г. основной акцент

³ Подробнее об этом см. в работе: M. Remmel, K. E. v. Baeri vaadetest loomariigi süsteemi ja arengu kohta, diplomitöö, Tartu, 1969.

⁴ К. М. Бэр, История развития животных, т. I, Л., 1950.

⁵ См. И. Е. Амлинский, Жюффрау Сент-Илер и его борьба против Кювье, М., 1955.

вопроса был перенесен в новую сферу. Известно, что на становление эволюционных взглядов Дарвина заметно повлияли в первую очередь сторонники идеи непрерывности. На этой почве выросли и эволюционные выводы Дарвина: общность морфотипа объясняется общностью происхождения, монофилетизмом; эволюционные изменения, в том числе и наблюдаемые на материале палеонтологии, непрерывны, постепенны, без каких-нибудь скачков.⁶ Отпор сторонников идеи дискретности последовал тут же: уже в 1860 г. Агассиц, один из наиболее известных учеников Кювье, указал на то, что теория Дарвина несовместима с теорией типов и законом Бэра.⁷ (Уместно подчеркнуть, что противопоставление эволюционизма и дискретной структурной схемы животного царства имелось уже в работах Линнея, Кювье, Бэра.)⁸ Таким образом, проблема непрерывности-дискретности была перенесена из таксономо-морфологического плана в эволюционный план. Тем самым она превратилась из проблемы статического описания структурности в проблему трактовки процесса развития. Нетрудно понять, что отсюда выросла новая противоположность конкурирующих теорий, которые — в форме конкретной ступени диалектически противоречивого процесса познания — абсолютизировали тот или иной аспект развития, совершающегося через количественные и качественные изменения. Как известно, значительные трудности обнаруживались уже в толковании качественных сторон эмбрионального развития.⁹ На этой почве и развертывалась в основном дискуссия теорий эпигенеза и преформизма: эпигенетики описывали развитие в виде качественных скачков от бесструктурного к структурному, но не смогли объяснить механизм этого процесса; преформисты же объясняли развитие как чисто количественное изменение и тем самым рассматривали эпигенетическое описание хода развития в качестве артефакта, пустой видимости.

Аналогичные трудности дали себя знать и в развитии эволюционной мысли: возникло резкое противоречие между дискретным описанием структуры (систематика Линнея, теория типов Кювье, закон Бэра) и исходящим из идеи непрерывности объяснением его происхождения (Бюффон, Ламарк, Дарвин).

⁶ См. подробнее: И. И. Канаев, *Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина*, М.—Л., 1963; А. И. Равикович, *Развитие основных теоретических направлений в геологии XIX века*, М., 1969.

⁷ L. Agassiz, *On the Origin of Species*, "The American Journal of Science and Arts", 2-nd series, vol XXX, 1860.

⁸ К. Завадский, *Вид и видообразование*, Л., 1968; К. М. Бэр, *Указ. соч.* и А. И. Равикович, *Указ. соч.*

⁹ А. Е. Гайсинович, К. Ф. Вольф и учение о развитии организмов (в связи с общей эволюцией научного мировоззрения), М., 1961.

По-видимому, проникновение эволюционной мысли в биологию могло вначале произойти только в форме признания непрерывной изменчивости, что, кроме всего, представляется психологически значительно более приемлемым, чем скачкообразное изменение. Об этом красноречиво свидетельствует становление взглядов выдающихся биологов первой половины XIX в.: дискретная структурная схема животного царства стала камнем преткновения для эволюционной мысли. Весьма своеобразно решил этот вопрос Кювье: его теория катастрофизма, согласованная с дискретной схемой структуры, трактовала изменчивость животного царства не в качестве скачкообразного возникновения новых форм, а как скачкообразное уничтожение существующих форм в катастрофах. Идея развития была здесь поставлена на голову.¹⁰

Является симптоматичным и развитие эволюционных взглядов другого крупного представителя теории типов, Бэра. В его ранних рукописях, в которых натурфилософская концепция развития еще не соответствовала строго дискретной схеме, свойственной теории типов, Бэр считал возможным говорить о развитии живой природы — хотя бы в форме распространенного самозарождения — от возникновения жизни до становления человека. В трудах 30—50 гг., в которых Бэр последовательно отстаивал дискретную схему структуры животного царства и в то же время признавал и свойственную истинному эволюционизму генетическую связь между формами животных, он все время сужал границы тех таксономических единиц, в пределах которых может идти речь об эволюции, о превращении одних форм в другие.¹¹ Уместно напомнить, что такого же рода «смещение» имело место и в становлении взглядов Дарвина. Если у Бэра все более последовательное применение дискретной схемы структуры сопровождается «сужением» эволюционных взглядов, то у Дарвина, наоборот, расширение принципа эволюции на все более крупные таксономические единицы приводит к отказу от дискретной схемы структуры. В ранних рукописях Дарвин признал действительными как непрерывную, так и дискретную схемы структуры,¹² но позднее он считал, что все генеалогическое дерево животного царства может быть построено из непрерывных рядов, что развитие биологических форм никогда не было скачкообразным, а произошло через постепен-

¹⁰ См.: Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней, М.—Л., 1948; M. Remmel, G. Cuvier — 200, «Eesti Loodus», 8, 1969.

¹¹ С. Р. Микулинский, Взгляды К. М. Бэра на эволюцию в додарвиновский период. «Анналы биологии», т. I, М., 1959; Б. Е. Райков, Русские биологи-эволюционисты до Дарвина, т. II, М.—Л., 1951.

¹² Ч. Дарвин, Очерк 1842 года, Соч., т. 3, М.—Л., 1939; Ч. Дарвин, Очерк 1844 года, там же.

ные, непрерывные, едва заметные изменения.¹³ При этом существенно отметить, что изменение во взглядах Дарвина произошло не под давлением каких-нибудь биологических фактов, а в результате формального расширения выдвинутых Дарвином факторов видообразования на более крупные таксоны.¹⁴ Ведь Дарвин неоднократно подчеркивал, что выдвинутые им факторы эволюции объясняют только непрерывную изменчивость!

Указать же факторы, обуславливающие качественные скачки в морфологической эволюции, не смогли в то время и те, кто отстаивал идею дискретности. Как уже сказано, Бэр вообще отказался говорить в этом случае об эволюции, Агассиц же, хотя он и требовал, чтобы теория эволюции должна была указывать такие факторы, не смог предложить ничего конструктивного.¹⁵

Только что описанные трудности станут понятными, если учесть, с одной стороны, специфику и сущность рассматриваемых биологических процессов, и, с другой стороны, запас и своеобразие знаний, которыми располагала биология XIX в.

С точки зрения диалектического материализма, механизм качественных изменений сложного объекта включает в себя следующие основные моменты. «В силу системного характера развивающегося объекта, — возникновение (исчезновение) в его структуре какого-либо составляющего никогда не равно только количественному росту (уменьшению), не означает простого прибавления (вычитания) «одного», но ведет к возникновению множества новых связей и отношений, к преобразованию старых связей и т. п., т. е. сопровождается более или менее серьезным субстанциональным или функциональным преобразованием всей массы составляющих внутри системы в целом. В отличие от явлений движения, изменения, которые могут вызываться действием и внешних по отношению к движущемуся объекту сил, развитие представляет собой самодвижение объекта — имманентный процесс, источник которого заключен в самом развивающемся объекте».¹⁶

Следовательно, материалистическая трактовка качественного скачка, который происходит в морфологических структурах, предполагает, с одной стороны, системный анализ организма, а с другой, — определенную совокупность знаний о природе морфогенетических факторов. Действительно, ряд биологов XX в. (Гарстанг, Северцов, де Бер и др.) показывают возможность качественного скачка в эволюции морфологических структур,

¹³ Ч. Дарвин, Происхождение видов путем естественного отбора, Соч., т. 3, М.—Л., 1939.

¹⁴ Ю. Филиппенко, Эволюционная идея в биологии, М., 1926.

¹⁵ L. Agassiz, Указ соч.; Б. Е. Райков, Указ. соч.

¹⁶ Б. Грушин, Указ. соч., стр. 453—454.

опираясь именно на упомянутые моменты.¹⁷ Но на заре эволюционной мысли такая трактовка вряд ли была возможна. Дело не только в том, что эмбриология почти до самого конца XIX в. была преимущественно дисциплиной описательной и опускала вопрос о природе морфогенетических факторов. Существенно и то, что системный подход к организму и эволюционные идеи разрабатывались в рамках конкурирующих и взаимоисключающих для того времени теорий. Первое результативное применение системного подхода в исследовании организма — теория корреляции Кювье. Но Кювье был антиэволюционистом. Первые влиятельные эволюционисты же — Бюффон и Ламарк — отстаивали элементаризм и аналитическое направление в исследовании организма; особенно Бюффон трактовал организм как совокупность относительно независимых частей.¹⁸ Аналитический подход к организму свойствен и Дарвину, что ярко выражается в его теории пангенеза.¹⁹ Именно на такую трактовку организма опиралось учение о непрерывных изменениях по отдельным признакам, путем «простого прибавления (вычитания) «одного»». Такая, склоняющаяся к механизму трактовка организма способствовала эволюционизму того времени и потому, что таким образом по существу снимался вопрос о качественных скачках, а тем более о факторах, их обуславливающих.

Лишь победа эволюционизма и его последовательная разработка на базе аналитической трактовки организма создали предпосылки для того, чтобы стал возможным синтез системной трактовки организма с эволюционизмом и тем самым признание и объяснение дискретного аспекта эволюционной изменчивости, проблема сущности скачка в морфологических структурах. Логичный синтез именно такого рода был предложен в 1876 г. Бэром. (Как известно, до 1859 г. Бэр не смог преодолеть барьер дискретной схемы структуры животного царства и применил эволюционную трактовку лишь к близким формам, которые допускают трактовку изменений как непрерывных.) Вот идея Бэра:

1. «На самом деле развитие организмов есть нечто такое, что может быть сопоставлено с математическими формулами или основывается на них. Таковы отношения, которые называются корреляцией частей».

2. В силу этого эволюционные изменения не могут произойти по отдельным признакам, а охватывают всю коррелятив-

¹⁷ См.: W. Garstang, The Theory of Recapitulation: A Critical Restatement of the Biogenetic Law., "Journal of the Linnean Society of London, Zoology", vol. 35; 1922—1924; G. de Beer, Embryology and Evolution, 1930; А. Н. Северцов, Указ. соч.

¹⁸ И. И. Канаев, Жорж Луи Леклер де Бюффон, М.—Л., 1966.

¹⁹ Ч. Дарвин, Изменения домашних животных и культурных растений, Соч., т. 4, М.—Л., 1951.

ную целостность: «подобное изменение (как возникновение нового типа животных — *М. В.*) не может произойти без изменения всего хода развития».

3. Следовательно, приемлемо трактовать эволюцию в качестве скачкообразного изменения.²⁰

Кстати, при такой концепции эволюционного скачка допустимо и дальнейшее историческое объяснение этого процесса, хотя бы в виде ускорения темпов эволюции во время коррелятивных изменений. Поэтому нам кажется, что если не взгляды самого Бэра и его единомышленников прошлого века, то во всяком случае их дальнейшее развитие (что уже в какой-то мере произошло в трудах некоторых биологов нашего века) существенны для постижения сущности качественного скачка в морфологической эволюции.

Взгляды Бэра на эволюцию в 1876 г. сходны с концепцией, конкурирующей с дарвиновской теорией эволюции, которую Э. Майр называет «онтогенетической концепцией эволюции». Майр подчеркивает также, что эта концепция, противоположная дарвинизму, отстаивала идею дискретности, скачкообразности эволюционных изменений и усматривала причины эволюционных изменений в оттогенезе.²¹ В дарвиновской же теории эволюции, наоборот, подчеркивалась непрерывность эволюционных изменений, а причины онтогенетических изменений усматривались в механизмах эволюций, действующих на надорганизменном уровне (биогенетическое правило Геккеля).²²

Таким образом, рассматриваемые конкурирующие теории различались не только в решении проблемы непрерывности — дискретности, но и в понимании факторов эволюции. Хотелось бы подчеркнуть глубокие исторические корни и этого момента.

Э. Майр считает, что онтогенетическая концепция эволюции является непосредственным продолжением эмбриологического преформизма XVIII в., лишь распространяющая эту онтогенетическую концепцию и на филогенез.²³ Однако исторический анализ показывает, что дело обстоит значительно сложнее и такое сведение чрезмерно упрощает реальный процесс развития обсуждаемого комплекса биологических идей.

Во-первых, оттогенетическая концепция эволюции факти-

²⁰ См.: K. E. v. Baer, Ueber Darwins Lehre, — «Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleinere Aufsätze vermischten Inhalts», Th. II., SPb., 1876, s. 439.

²¹ E. Mayr, Agassiz, Darwin, and Evolution, "Harvard Library Bulletin", Vol. 13, № 2, 1959.

²² Э. Геккель, Основной закон органического развития, в кн.: Ф. Мюллер, Э. Геккель, Основной биогенетический закон, М.—Л., 1940.

²³ E. Mayr, Указ. соч.; Э. Майр, Зоологический вид и эволюция, М., 1968.

чески исходила из разработанной Вольфом и Бэрм эпигенетической эмбриологии.²⁴

Во-вторых, характерная для онтогенетической эволюционной концепции трактовка факторов эволюции уже сама по себе предполагала эпигенетический подход к механизмам индивидуального развития. На самом деле, преформизм не был в состоянии показать, какие силы обеспечивают индивидуальное развитие. Именно это привело к представлению о полной преформированности зародыша. Эпигенетики же считали, что такие силы существуют и попытались объяснить их — в соответствии со знаниями и стилем мышления эпохи — в духе механицизма или витализма.²⁵ Но так или иначе, эпигенетики в общих чертах признавали внутреннюю активность процесса онтогенеза, преформисты же отрицали ее. Именно трактовка онтогенеза как саморазвития, как внутренне активного процесса позволяла эпигенетикам XIX в. выдвинуть гипотезу о том, что онтогенез является фактором эволюции. На самом деле только признание законов, обеспечивающих реальное эмбриональное развитие и обуславливающих качественные изменения в онтогенезе, сделало возможным утверждение о том, что те же законы участвуют и в эволюционном развитии, обуславливая качественные изменения и там. Именно из эпигенетической трактовки онтогенеза вырос принцип онтогенетической теории эволюции, гласящий: «Онтогенез создает филогенез».²⁶

Считалось, что эмбриональное развитие как-то обеспечивает возникновение все более сложных стадий онтогенеза, и за этим скрывается какой-то неизвестный еще общий закон развития, обеспечивающий не только повторение циклов онтогенеза, но и — при определенных условиях — их изменение, а тем самым и возникновение новых организмов и эволюцию.²⁷ (Историей науки доказано, что такое объяснение известного через неизвестное имеет эвристическую ценность в той мере, в какой становятся возможными новые гипотезы относительно сущности этого неизвестного, равно как и пути проверки этих гипотез.) Так, опираясь на дискретную схему структуры животного царства, разработанную Кювье и Бэрм, Кёлликер утверждал, что предлагаемое им объяснение эволюции не нуждается в непрерывных рядах изменений, а распространяется и на дискретную изменчивость.²⁸ Но эволюционное значение работ Кёлликера

²⁴ См. напр.: L. Agassiz, Указ. соч.; K. E. v. Baer, Указ. соч.; A. Kölliker, Ueber die Darwinsche Schöpfungstheorie, «Zeitschrift für Wissenschaftliche Zoologie», 14, 1864.

²⁵ А. Е. Гайсинович, Указ. соч.

²⁶ Именно в такой полуафористической форме противопоставил Гарстанг в 1922 г. свои эволюционные взгляды идеям биогенетического закона (по которым «филогенез есть и причина онтогенеза»); см.: W. Garstang, Указ. соч., р. 82.

²⁷ См.: A. Kölliker, Указ. соч.

²⁸ Там же.

и Бэра не нашло признания их по достоинству. Более того, с легкой руки Геккеля, отождествившего бэровскую критику в адрес дарвинизма и биогенетического закона с антиэволюционизмом,²⁹ Бэра стали незаслуженно считать антиэволюционистом! Чтобы доказать обратное и восстановить историческую правду, требовались специальные объемистые исследования.³⁰ Лишь немногие эволюционисты XX в., хорошо знакомые с историей своей науки (Гарстанг и Северцов, например), смели признать близость своих взглядов взглядом Кёлликера и Бэра.³¹

В то же время нетрудно заметить, что биогенетическое правило, которое противостоит онтогенетической концепции эволюции, само близко к преформистской трактовке онтогенеза. Преформистский акцент характеризует это правило со времен выдвижения его: в процессе онтогенеза не возникает ничего качественно нового, а лишь пассивно репродуцируется созданное в ходе эволюции, т. е. филогенез полностью преформирует онтогенез.³² Характерно, что в XX в. комплекс идей, связанный с биогенетическим правилом, отстаивают генетики, концентрирующие свое внимание на преформистских аспектах индивидуального развития.³³ В их формулировках весьма четко обнаруживается то, что в теорию эволюции включается только преформистская сторона онтогенеза: «Онтогенез — это декодирование кодированной информации, филогения — это создание новых кодов информации»;³⁴ или: «В то время как онтогенез строго программирован таким образом, что он управляется кодированной наследственной информацией... , эволюция регулируется чисто вероятностными законами». ³⁵ В отличие от онтогенетической эволюционной концепции, которая выдвигает онтогенезу как активный, творческий фактор эволюции, современный дарвинизм в виде синтетической эволюционной теории признает эволюционную роль онтогенеза главным образом в форме некоторого ограничивающего (или направляющего) агента эволюционной изменчивости в виде так называемых «эпигенетических запрещений».³⁶

²⁹ Э. Геккель, Мировые загадки, М., 1935.

³⁰ Б. Е. Райков, Указ. соч.

³¹ W. Garstang, Указ. соч.; А. Н. Северцов, Указ. соч.

³² Э. Геккель, Основной закон органического развития, в кн.: Ф. Мюллер, Э. Геккель, Основной биогенетический закон, М.—Л., 1940.

³³ См.: Н. К. Кольцов, Генетика и физиология развития, «Биологический журнал», т. III, № 2, 1934; Н. К. Кольцов, Физико-химические основы морфологии, в кн.: Классики советской генетики, Л., 1968.

³⁴ Е. Мауг, Указ. соч., стр. 181.

³⁵ А. Л. Тахтаджан, Эволюция в терминах кибернетики и общей теории игр, Тез. докл. 2-го совещ. по применению математических методов в биологии, Л., 1959, стр. 46.

³⁶ M. Grene, Two Evolutionary Theories: A Reply, «The British Journal for Philosophy of Science», v. 14, № 54, 1963; Э. Майр, Указ. соч.

Однако следует помнить, что как преформизм, так и эпигенетическая трактовка развития в их оторванности друг от друга односторонни, неполны, по словам Конклина, даже «абсурдны». ³⁷ И то и другое абсолютизирует определенную сторону индивидуального развития. ³⁸ Как мы только что видели, и в эволюционизме наших дней не достигнут синтез обеих сторон индивидуального развития, тем менее можно это ожидать от эволюционистов прошлого века. И это оказало заметное влияние на становление эволюционных концепций, так как трактовка эволюции немыслима без учета проблем онтогенеза. Во второй половине XIX в. сложились и два подхода к проблемам соотношения онтогенеза и филогенеза; один из них исходил из эпигенетической, другой из преформистской трактовки онтогенеза. Первая теория признавала качественные скачки как в онтогенезе, так и в филогенезе (дискретность эволюционных изменений). Вторая же теория подчеркивала преформированность процесса онтогенеза (онтогенез как проявление существующих заранее, созданных в ходе эволюции структур) и непрерывность филогенетических изменений. Однако ни та, ни другая не отражали адекватно объективную противоречивость процесса эволюции. Эти теории охватывали лишь одну из сторон этого процесса, которая не могла быть сколько-нибудь глубоко понята в оторванности от других сторон.

* *
*

Многогранность объекта исследования привела в конце XIX и начале XX вв. к созданию ряда эволюционных теорий и гипотез. Мы остановились лишь на двух из них и, в первую очередь, с точки зрения решения ими проблемы непрерывности и дискретности. Как известно, многие авторы усматривают в трудах Дарвина раскрытие диалектики непрерывного и дискретного в эволюционной изменчивости в виде преодоления односторонности как катастрофизма, так и униформизма. ³⁹ Такая точка зрения кажется нам не вполне обоснованной по следующим причинам.

Вопрос о непрерывности и дискретности морфологической эволюции (а именно об этом шла речь в «Происхождении видов» под названием эволюционной изменчивости организмов) затрагивает многие очень сложные биологические проблемы.

³⁷ E. G. Conklin, Mosaic vs. equipotential development, "American Naturalist", vol. 67, № 711, 1933.

³⁸ А. Е. Гайсинович, Эпигенез, «Большая Советская Энциклопедия», т. 49, 1957; Н. К. Кольцов, Указ. соч.; Дж. Нидхэм, История эмбриологии, М., 1947.

³⁹ См. напр.: Б. М. Кедров, Диалектическая логика как обобщение истории естествознания, в: Очерки истории и теории развития науки, М., 1969; А. И. Равикович, Указ. соч.

Это вопрос о сущности качественного скачка в эволюции морфологических структур.⁴⁰ Проблемы изменчивости на видовом уровне не в состоянии открыть все богатство и внутреннюю сложность морфологического скачка, так как они являются изменениями в пределах одного организационного уровня, то есть, количественными в широком смысле этого слова. Но как раз анализ морфологического прогресса, — то есть, анализ изменения существующего уровня организации, то есть, качественного скачка в морфологических структурах — остался слабой стороной дарвиновского учения.⁴¹ Для решения этой проблемы были необходимы более подробные данные о меха-

Т а б л и ц а

Биологические дисциплины	Соответствующие конкурирующие теории и концепции	
	связанные с идеей непрерывности	связанные с идеей дискретности
Таксономия и морфология	лестница существ и единство морфологического типа	теория типов
Эмбриология:		
1) механизмы индивидуального развития	преформизм	эпигенез
2) морфологические закономерности *	теория параллелизма	закон Бэра
Эволюционная теория:	дарвинизм	онтогенетическая концепция эволюции
1) главные факторы эволюции	естественный отбор (т. е. эктогенез)	общие с факторами онтогенеза (т. е. аутогенез)
2) каузальные отношения онтогенеза и филогенеза **	филогенез — причина онтогенеза	онтогенез — создатель филогенеза

⁴⁰ См. об этом: К. Завадский, Ароморфоз, «Философская энциклопедия», М., 1960; А. Н. Северцов, Указ. соч.

⁴¹ К. Завадский, К пониманию прогресса в органической природе, в кн.: Проблемы развития в природе и обществе, М.—Л., 1958.

* Односторонность обеих концепций и пути критического преодоления их противоречивости показаны в теории филэмбриогенеза Северцова (А. Н. Северцов, Указ. соч.).

** Анализируя, кроме вышеуказанных, и еще некоторые более современные точки зрения по данному вопросу, И. И. Ежиков характеризует их всех концепциями, которые, отрицая друг друга, сами отражают лишь одну сторону действительного соотношения. (И. И. Ежиков, Учение о рекапитуляции и его критика, в: Ф. Мюллер, Э. Геккель, Указ. соч.)

низмах эволюции, чем те, на которые могли опираться основоположники эволюционизма. Мы считаем, что решения проблемы непрерывности и дискретности — в трудах Дарвина и Геккеля, — с одной, Агассица, Бэра и Кёлликера, с другой стороны — остались на уровне взаимоисключающих конкурирующих концепций, не сумевших открыть диалектику качественных и количественных сторон эволюции. Теория эволюции как крупнейшее обобщение в биологии, не выросла из «биологии XIX века вообще», а из определенных, логически совместимых систем теории, причем почти каждая из этих теорий имела своего двойника — антипода. В силу этого и сама теория эволюции возникла в виде конкурирующих теорий (см. табл.). С другой стороны, богатство и многопланность самих феноменов эволюции объективно обуславливали возникновение взаимоисключающих на данном уровне знаний концепций, которые селективно отражали отдельные стороны реального процесса эволюции.

О БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ «СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ»

Я. К. Ребане

Субъектом сознания и познания является не изолированная особь вида *Homo sapiens*, а исторически-конкретный человек, т. е. человек, выросший в определенной социальной среде, принадлежащий к определенной цивилизации, культуре, нации, к определенному классу и социальному слою. Другими словами, сам субъект познания детерминирован двояко: генетически и социально¹. В любом реальном человеке эти разные линии детерминации принимают форму неразличимого единства: его деятельность, умения, навыки, знания, способности — все это обусловлено как генетически, так и социально. При этом, по общепринятому мнению, за несколько последних десятков тысячелетий в биологическом виде *Homo sapiens* не произошло заметных генетических сдвигов, а громадный прогресс человечества достигнут исключительно благодаря социально-культурному развитию. Твердо установлено также, что все нормальные представители ныне существующих человеческих рас, несмотря на имеющиеся генетические различия, способны усвоить любую культуру. Наконец, нет никаких данных в пользу того, чтобы личный опыт, приобретенный в социальной среде, передавался каким-то образом путем генетических механизмов потомкам.

В целях гносеологического анализа социальной детерминации познания необходимо учесть наличие внегенетических механизмов информации, на основе которых складывается картина мира каждого конкретного человека и которые на качественно новом уровне дополняют биологическую наследст-

¹ Говоря о генетической детерминации субъекта познания, необходимо иметь в виду, что генетическая детерминация не тождественна биологической. Но, поскольку нас интересуют биологические предпосылки, ведущие к «внегенетическому» (т. е. вне генетических структур организма) накоплению информации в человеческом обществе, мы применяем сопоставление генетического и социального. Кроме того, при обсуждении конкретных проблем порою невозможно отличить в биологических системах генетическое от эпигенетического.

венность, реализуя преемственную связь между поколениями людей. Эти внегенетические механизмы информации выступают как для каждого конкретного индивидуума, так и для социальных групп, обществ, цивилизаций и т. д. в качестве своеобразного резервуара прошлого социально-культурного опыта. С функциональной точки зрения они выполняют роль «социальной памяти».

Необходимость в механизмах передачи социального опыта осознавалась философами практически всегда. Даже в индивидуалистских схемах познания сенсуалистов 17—18 вв. признавалось, что часть знаний человек получает от других людей, хотя — и в этом выражается специфика этих схем в данном вопросе — он мог бы добыть эти знания с таким же успехом сам, благодаря своей телесной и психической организации. В других случаях известные аспекты социального опыта считались врожденными, генетически передаваемыми в качестве духовно-психических образований (например, теория воспоминания у Платона, врожденное предрасположение к образованию идей у Лейбница, априорные категории у Канта, весь психоанализ 19 в., пробуждения архетипов у К. Юнга и врожденное подсознательное З. Фрейда). Наряду с этим социально-культурному опыту придавалось самостоятельное существование в качестве объективно-идеальных, духовных сущностей (например, идеи Платона, монады Лейбница, духовная субстанция Гегеля, архетипы К. Юнга). Различные философские школы и направления отличаются в данном вопросе друг от друга, как правило, не абстрактным признанием наличия социально-культурной передачи опыта, а конкретной интерпретацией сущности такой передачи. При этом обнаруживается, что неверное понимание, преувеличение, абсолютизация и т. д. определенных аспектов этой передачи является одним из гносеологических условий возникновения («гносеологических корней») идеализма.^{1а}

Функциональная роль внегенетических механизмов информации может быть, на наш взгляд, в целях марксистских гносеологических исследований обобщена с помощью абстракции «социальной памяти». «Социальная память» — это накопленная в ходе исторического развития человечества информация, количественная и качественная совокупность результатов практической и познавательной деятельности, передаваемых из поколения в поколение помимо биологической наследственности, с помощью социальных средств, являющихся основой ин-

^{1а} См. статью автора «О гносеологических корнях идеализма», сб.: Ленинская теория отражения и современная наука, М., 1966.

дивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе развития человечества.

В таком определении наибольшие затруднения вызывает многозначность термина «информация». Проблему «информации» мы рассмотрели в специальной статье.² Из всей совокупности значений «информации» наибольшее значение имеет понимание информации как мигрирующей структуры или того, что придает форму. Такое понимание подчеркивает, что информация — это не какая-то новая мировая субстанция, а известная структурная упорядоченность, передаваемая в пространстве и времени. Оно связано также с понятием количества информации. Кроме того, оно четко показывает, что кибернетическая информация и собственно знания — явления различного порядка.

Понимание информации как передаваемой структурности находится в очевидной связи с ленинской идеей отражения, на которой уже в течение десятилетий базируется конкретная разработка диалектико-материалистической теории познания. В данном случае, при анализе передачи социального опыта, особенно важна связь между понятием информации и понятием опредмечивания, употребляемым Марксом и Энгельсом.³ Знания не могут существовать в чистом виде. Они должны опредмечиваться. В понятии опредмечивания, как известно, находит выражение центральная идея марксистско-ленинской теории познания — идея неразрывного единства, взаимодействия познания и общественно-исторической практики, при решающей, определяющей роли практики. Идеальное, как бы его ни трактовали, только ли в смысле известных аспектов сознания конкретного человека или более широко, т. е. включая в него также воплощение человеческих замыслов путем деятельности в предметах, в их строении, структуре, — идеальное может существовать только при условии, что оно опредмечено с помощью вещества, энергии, отрицательной энтропии. Далее, раскрытие Марксом и Энгельсом с помощью понятия опредмечивания материальных механизмов передачи социально-культурного опыта неразрывно связано с материалистическим пониманием истории, в рамках которого не только раскрываются причинно-следственные связи между различными аспектами социальной и культурной деятельности, но и эти аспекты сами приобретают такой смысл и значение, которые отнюдь не даны непосредственному наблюдателю, руководствующемуся повседневными представлениями «здорового смысла».

² Информация как мигрирующая структура, Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, XII, Тарту, 1969, стр. 14—33.

³ См. нашу статью «К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной сущности познания», Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, XIII, 1969.

При анализе «социальной памяти» целесообразно различать, с одной стороны, социальные средства передачи информации — механизмы, каналы, способы фиксации социальной памяти, с другой стороны, передаваемое с их помощью смысловое содержание, будь это знания, ценности, принципы поведения и т. д.

Средства фиксации социальной памяти могут быть охарактеризованы как с помощью понятия опредмечивания, так и с помощью понятия информации как мигрирующей структуры. На первый взгляд может показаться, что средства передачи социальной памяти должны фигурировать вне людей, в качестве внеорганизменного, внешнего социально-культурного явления. Однако, это не так. Внешнее, пространственное противопоставление человека и социально-культурных условий жизни ничего не дает. (Кстати, длительная эволюция в социально-культурной среде зафиксировалась и в генетической структуре человека как уникальная способность к овладению языком, культурой, как продолжительное детство, способствующее социально-культурному обучению и т. д.).

Центральное место среди всех средств передачи социальной памяти принадлежит реальному, исторически-конкретному человеку как социальному существу. Социальный опыт передается через людей благодаря тому, что человек как бы «программируется» в социальной среде. Это «программирование» касается многообразных сторон жизнедеятельности человека как социального существа и имеет, между прочим, вполне реальный биологический и физический смысл: образование функциональных органов нервной деятельности, включая также прижизненную запись информации на молекулярном уровне, с помощью физико-химических механизмов, аналогичных механизмам записи генетической информации. В конечном счете, в своей элементарной (или фундаментальной?) основе весь социальный опыт кодируется на уровне молекулярных процессов в организмах людей. Это необходимо иметь в виду, поскольку до сих пор встречается известная тенденция социоментализма, противопоставляющая социальность естественно-научному изучению процессов отражения.

Только через живых людей, через их деятельность возникают другие средства фиксации социальной памяти, приобретающие самостоятельное существование — вещественные средства и результаты производственной деятельности, материальная культура в целом, язык (как естественные языки, так и их различные модификации, например, языки науки), совокупность социальных отношений и учреждений. Уже попытка простого перечисления средств фиксации социальной информации (социальная «программированность» людей, материальная культура, язык, социальные отношения-учреждения) показывает, что они образуют сложнейшую, взаимосвязанную систему,

которая даже схематически не может быть изображена с помощью непересекающихся множеств.

От средств передачи социальной информации необходимо отличать смысловое, значимое содержание этой информации или информацию в повседневном значении. Содержание социальной памяти становится достоянием отдельного человека не только путем овладения языком, системой языковых значений, путем приобретения от других людей готовых знаний (эти факторы имеют, как правило, решающую роль), но и путем приобщения его к материальным производственным процессам, к материальной культуре, к объективно сложившимся отношениям и формам социальной жизни. Для анализа содержания социальной памяти существует много возможностей. В целях теории познания целесообразным является различение таких аспектов как а) знания, б) формы общественного сознания и ценности, в) логическая структура мышления в широком смысле, включая аппарат категорий, математический аппарат.

Человеческое познание в своей сущности (мы отвлекаемся здесь от особенностей, вызванных разделением труда) является практически-действенным. Человечество как реальный субъект познания, т. е. коллективный субъект исторически развивающегося процесса познания,⁴ представляет собою также субъект преобразования мира. Каждая новая ступень в познании, осуществляемая даже ученым-одиночкой, опирается на данные, воплощенные в социальной памяти. В результате внутренне-противоречивой природы социальной памяти, основанной на никогда не прекращающемся взаимодействии субъекта (не только субъекта понимания и эмоционального переживания, но и субъекта преобразования) и объекта (объектом познания и преобразования является не только система вне субъекта, но и внутри его), объем социальной памяти оказывается потенциально бесконечным, а не только очень большим, как объем памяти отдельного мозга.

Следует отметить, что понятие социальной памяти вводится нами в целях гносеологических исследований.⁵ В данной статье нам хочется обратить внимание на некоторые аспекты биологической эволюции и существования биологических явлений, делающих возможным возникновение социальной памяти и,

⁴ Совершенно правильным представляется использование понятия социального, коллективного субъекта познания. П. В. Копнин, например, посвящает специальную главу проблеме субъекта-объекта в плане социальной детерминации познания. (См. П. В. Копнин, Введение в марксистскую гносеологию, Киев, 1966, стр. 58—93).

⁵ О понятии социальной памяти см. также Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, X, (1966), стр. 3—12; XI (1968), стр. 54—63; J. Rebane, Tunnetuse ühiskondlikust iseloomust, Tallinn, 1967.

следовательно, человеческого, социально опосредствованного отражения.

*

В определенный период укоренилась в учебной и отчасти в научной деятельности тенденция трактовать марксистско-ленинскую теорию познания в качестве диалектизированного варианта сенсуализма 17—18 вв. В настоящее время эта тенденция успешно преодолевается. Ее отзвуки встречаются разве лишь в некоторых плохих учебных пособиях по курсу диалектического материализма, а также у некоторых представителей пограничных с теорией познания областей (например, эстетики). Отождествление гносеологии марксизма со схемами познания домарксовских сенсуалистов порождает и соответствующее отношение к использованию в философии данных конкретных наук. Например, биологические предпосылки мышления рассматриваются в таком случае узко — только с точки зрения морфологической эволюции головного мозга. В результате этого процесс развития нервной системы, центрального звена в интегративной биологической эволюции, ведущей к человеку, приобретает известный финалистский оттенок. Естественной, хотя ничем не оправданной реакцией на такую, чисто-морфологическую интерпретацию биологической предистории человеческого сознания является социоментализм и воинствующий антисциентизм, доходящие до абсурдных предположений, что человек якобы не подчиняется уже биологическим закономерностям, что изучение мозга не может ничего дать для понимания сознания и т. д.

В связи с этим следует отметить, что философский анализ человека, общества, мышления не может быть научным, если в нем игнорируется биологическая природа человека. Такое игнорирование, по мнению основоположников марксизма, неизбежно ведет к идеализму, к религиозному представлению о божественной сущности человека. В связи с этим Ф. Энгельс писал; «... Изучая сравнительную физиологию, испытываешь величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над другими животными».⁶

Эту точку зрения Ф. Энгельс проводит не только в отношении физического строения, но и некоторых базисных логических структур и зачатков мышления у высших животных. Например, он пишет: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности»⁷ (речь идет о мышлении собаки). Он говорит также о том, «как безошибочно лисица умеет применять свое великодушное знание местности»⁸. Придирчивый критик мог бы усмотреть в этих высказываниях антропоморфизм. На деле

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 29, стр. 276.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 537.

⁸ Там же, стр. 495 (разрядка моя. — Я. Р.).

же не только для своего времени, но и для общего развития науки прогрессивное значение имела фиксация эволюционного и функционального единства человека с другими животными.

Напомним, что Ч. Дарвин постоянно сопоставлял чувства человека и животных. Такое сопоставление и связанный с ним «антропоморфизм» соответствовали языку научной биологии второй половины прошлого века. В этом выразилось признание общности биологических основ поведения человека и животных, возможности изучения естественной эволюции человека. Противоположная точка зрения, одностороннее подчеркивание физической и духовной уникальности человека, носила открыто реакционный, идеалистический, религиозный характер.

Единство биологического и социально-культурного в человеке является для К. Маркса и Ф. Энгельса чем-то само собой подразумеваемым. Раскрывая сущность труда, К. Маркс в «Капитале» указывает на аналогию между производством, с одной стороны, и обменом веществ и другими функциями организма, а при анализе товарного фетишизма, например, он пишет, что несмотря на все различия в производственной деятельности, «с физиологической точки зрения это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.»⁹

К. Маркс также употребляет биологическое понятие «обмен веществ» для характеристики труда: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы»¹⁰.

К. Маркс также неоднократно характеризовал свое понимание истории как естественно-исторического (*naturgeschichtlich*) процесса, законов истории — как естественных законов (*Naturgesetz*)¹¹. Эти черты исторического материализма специально подчеркивал В. И. Ленин, критикуя субъективизм народников и противопоставляя ему марксистский взгляд на общество как

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 81.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 188.

¹¹ Одно семантическое замечание. Как «*naturgeschichtlich*», так и «естественно-исторический» переводится на эстонский язык как «*loodustooline*» т. е. «естественно-научный». В переводе отсутствует «история» в смысле «человеческой истории», иногда ошибочно приписываемой этому выражению К. Маркса. Это соответствует и значению слова «*Naturgeschichte*» («естествознание») — «*Naturgeschichte*» — «*Naturwissenschaft*», Meyers Lexikon, VIII Band, Leipzig, 1928; «*Naturgeschichte*» — «название для биологической науки (Unterricht), особенно до Дарвина», (Der große Brockhaus, XII Band Leipzig, 1932).

на естественно-исторический процесс и как на социальный организм¹².

С другой стороны, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин резко возражали против механического переноса в социологию биологической терминологии. Ф. Энгельс был знаком с современными ему работами по зоопсихологии (например, работы Ш. Летурно, А. Эспинаса, Э. Вестермарка и др.), но считал, что данные о сообществах приматов пока совершенно недостаточны и на их основе нельзя делать выводы о человеческом обществе.¹³ Это мнение было совершенно верным, учитывая характер этих работ. В. И. Ленин, ссылаясь на критику К. Марксом перенесения в социологию «борьбы за существование», писал: «Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»¹⁴. Справедливость подобных упреков в адрес словесных манипуляций очевидна. *Признание качественной специфики человеческой социальности — одна из основных идей марксистской социологии.* Оно зафиксировано и терминологически — понятие «социальные отношения» применяется только к человеческому обществу.

Но при реализации двух принципов, с одной стороны, принципа биологического единства и, с другой стороны, принципа социально-культурной уникальности человека — возникают известные затруднения. В области теории сознания и познания их суть состоит в следующем. Человеческое сознание и мышление являются не только физиологической функцией организма (мозга, нервной системы). Кроме генетически детерминированного мозга для возникновения мышления необходимы и социально-культурные условия. Однако, невероятно, чтобы в процессе биологической эволюции вдруг, без многочисленных предварительных стадий отбора на коллективную, координированную деятельность, возникало бы высокоорганизованное существо, способное к труду, к социально-культурному творчеству. Особенно невероятным это оказывается в том случае, если в качестве основного объекта эволюции и отбора принимается отдельный организм, как это делалось в прошлом веке. Характерное для 19 в. допущение передачи по наследству прижизненно приобретенных навыков, конечно, снижало эту невероятность. Но и в том случае, как указал уже Ч. Дарвин, считавший основной чертой человеческой социальности моральное поведение¹⁵, обычная схема индивидуального отбора организмов не годится.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 139, 166—167.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 38—39.

¹⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 349.

¹⁵ Ч. Дарвин, Происхождение человека и половой отбор, гл. V, О развитии умственных и нравственных способностей в первобытные и цивилизованные времена, Сочинения, т. V, М.—Л., 1953, стр. 242—244.

Для философии и гуманитарных наук интересны, прежде всего, глубокие качественные изменения, связанные с переходом от биологических процессов к процессам социально-культурным и служащие основой для человеческого познания, миропонимания, мышления. Но не всякое признание качественной специфики диалектично.

Метафизический подход состоит не только в игнорировании качественных различий, но и в том, что качественная специфика рассматривается сама по себе, вне связи с количественными и структурными различиями, вне развития, раз и навсегда данной. В проблеме человека такой подход характерен, например, для христианства.

Говоря о биологических предпосылках возникновения социальной памяти, мы имеем в виду ту структурно-количественную основу, на которой базируется качественно-специфическая и уникальная человеческая, социально-культурная эволюция. В отношении этой структурно-количественной основы можно считать установленным, что все организмы, в том числе и человек, подчинены основным биологическим законам наследственности, рекомбинации генов, мутации, естественного отбора: элементарной эволюционирующей структурой является специфическая биологическая система — популяция; в самом процессе биологического развития формируются такие средства генетической и внегенетической информации, дальнейшее развитие и совершенствование которых ведет к человеческой, социально-культурной стадии существования и к связанному с ним человеческому мышлению.

При рассмотрении биологических предпосылок возникновения социальной памяти мы не стремимся к раскрытию реальной истории возникновения человеческого общества и мышления. В последнее время появился ряд работ марксистских ученых, в которых делается такая попытка. Наибольшее значение из них имеют работы А. Г. Спиркина¹⁶, Дж. Льюиса¹⁷, А. Н. Леонтьева¹⁸, В. В. Бунака¹⁹, а также, несмотря на ряд спорных положений, работы Ю. И. Семенова²⁰, М. Б. Туrowsкого²¹, П. Ф. Протасеня²², Б. Ф. Поршнева²³.

¹⁶ А. Спиркин, Происхождение сознания, М., 1960.

¹⁷ Дж. Льюис, Человек и эволюция, М., 1964.

¹⁸ А. Н. Леонтьев, Очерк развития психики, в кн.: А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, М., 1965.

¹⁹ В. В. Бунак, Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе, Сб. Ископаемые гоминиды и происхождение человека, Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 92, М., 1966.

²⁰ Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962.

²¹ М. Б. Туrowsкий, Труд и мышление, М., 1963.

²² П. Ф. Протасеня, Происхождение сознания и его особенности, М., 1959.

²³ Б. Ф. Поршнев, Антропологические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии, «Вопросы психологии», 1968, № 5.

В работах философов-марксистов справедливо выделяется решающая роль трудовой деятельности, социальных отношений и языка в возникновении человеческого сознания и мышления. Биологическая предыстория мышления рассматривается в них с точки зрения развития мозга и психики в процессе эволюции животных, а также с точки зрения замены стадных отношений социальными отношениями человеческого трудового коллектива. Учитывая полученные в этих работах результаты, мы стремимся к рассмотрению тех биологических механизмов и систем информации, наличие которых необходимо учесть для понимания возникновения социальной памяти. При этом мы вынуждены ограничиться несколько схематичным изложением материала.

*

Кодирование информации на молекулярном уровне. Запись генетической, а также прижизненно приобретенной информации в живой природе является в своей основе физико-химическим явлением и осуществляется на молекулярном уровне. Осознание этого справедливо расценивается как крупная победа материалистического мировоззрения.²⁴ Но в связи с этим приобретают исключительное значение старые проблемы целостности, редукционизма, соотношения физико-химического и психического.

В биологию все больше проникает структурно-количественное, статистическое мышление. В марксистской литературе все чаще отмечается, что одним из существенных признаков жизни является передача структур, возникновение и развитие структурности. Прав В. И. Свидерский, считающий необходимым определить жизнь с помощью понятия структуры.²⁵ Наследственную структурную информацию считает существенным признаком жизни Д. М. Трошин.²⁶ Как показало обсуждение на страницах журнала «Природа», невозможно отличить живое от неживого, если в понятие признаков жизни не включается накопление наследственной информации на молекулярном уровне.²⁷ А. Быховский связывает выживание организмов в борьбе за существование с тем, что в их биологической памяти накап-

²⁴ «Достижения молекулярной биологии к середине XX века чрезвычайно сильно укрепили материалистические позиции.» (А. Азимов, Краткая история биологии, М., 1967, стр. 170)

²⁵ В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры, 1962, стр. 192.

²⁶ Д. М. Трошин, Жизнь. Современное содержание и ее понятия, «Природа», 1964, № 10, стр. 48.

²⁷ Жизнь. Современное содержание и ее понятия, «Природа», 1965, № 11; В. А. Энгельгарт, Изучение живого на неживых объектах, «Природа», 1965, № 5.

ливается все больше информации.²⁸ По мнению А. Компанеца, нет никаких оснований считать различие живого и неживого искусственным, между ними можно провести резкую границу благодаря тому, что объем информации, содержащейся в любом живом объекте, очень велик.²⁹

До последнего времени делались попытки целиком объяснить память мозга и нервной системы движением электроимпульсов, аналогичным процессам, происходящим в ЭВМ. (Еще один пример, показывающий, как мы используем свои технические творения для объяснения биологических систем.) Против сведения нервной деятельности к электросхеме уже давно возражали многие осмыслительные ученые. К настоящему времени накопилось много фактов, указывающих на то, что запись прижизненно приобретенной информации, как и генетической информации, связана с механизмами синтеза нуклеиновых кислот и белка. Вместе с тем отсутствуют каналы связи от прижизненно записанной информации к генетическому коду. Хотя нет полной ясности, как именно осуществляется запись информации в памяти, существующие гипотезы связывают ее с синтезом нуклеиновых кислот и белков.³⁰ «Молекулярный подход к обучению и памяти не означает, что какой-нибудь детальный механизм будет открыт в ближайшем будущем. Это означает, что экспериментальные усилия будут проводиться в рамках, соответствующих современным концепциям биологии.»³¹

Собственно физический план жизнедеятельности организмов составляет как бы низший «уровень» жизни, над которым надстраиваются другие «уровни». На физико-химическом уровне полностью подтверждается идея копирования структур, выраженная Н. К. Кольцовым с помощью понятия «апериодического кристалла» и принципа матричного действия гена. Физическая сторона этих явлений была уже четверть века назад подробно рассмотрена Э. Шрёдингером.³² Современные представления о принципах работы генетических механизмов существенно отличаются от простого печатания по матрице. Но отличие состоит не в отказе от копирования структур, а в том, что сам

²⁸ А. И. Быховский, Живые организмы и антиэнтропийный принцип информации, «Вопросы философии», 1965, № 9, стр. 121.

²⁹ А. С. Компанец, Может ли окончиться физическая наука, М., 1967, стр. 6.

³⁰ См. В. Л. Рыжков, Молекулярная основа памяти, «Природа», 1965, № 7; В. Л. Рыжков, Биологическая память и нуклеиновые кислоты, «Известия АН СССР», серия биологическая, 1965, № 4; Ф. С. Мейерсон, Генетический аппарат и функция клетки, «Природа», 1967, № 5; В. В. Дергачев, Хранение информации (памяти) в живых системах, «Вопросы психологии», 1967, № 3; Л. Г. Воронин, Физиология и биохимия памяти, М., 1967; Е. Н. Соколов, Механизмы памяти, М., 1969.

³¹ William L. Byrne, Molecular Approaches to Learning and Memory, Science, 1967, vol. 158, No. 3804, p. 1082.

³² Э. Шрёдингер, Что такое жизнь с точки зрения физики, М., 1947.

механизм копирования оказывается многоступенчатым, с обратными связями, многопорядковыми функциями регулирования, включая влияние внешней среды.

Принцип копирования структур, передачи структурной упорядоченности связан также с понятием информации. В этой области, т. е. в аспекте количественно-структурных изменений преимущественно и «работает» кибернетическое понятие информации. Ее применение здесь ведет к двум важным последствиям. Во-первых, при оценке информационных возможностей биологических систем возникает определенный «количественный тупик»: количество информации оказывается слишком малым для обеспечения возникновения нового явления; во-вторых, большее значение чем когда-либо приобретает рассмотрение качественной многопорядковости живых систем.

«Количественный тупик», возникающий при структурно-информационном подходе. Одним из постулатов, которым руководствуется кибернетическое мышление, является невозможность спонтанного возрастания количества информации (в шенноновском понимании) в процессе ее передачи, хранения, преобразования. Он служит известным запретительным принципом, позволяющим оценивать вероятность различных гипотез возникновения сложных систем при определенных начальных условиях.

«Невероятность» случайного возникновения сложных биологических образований уже в течение длительного времени используется антидарвинистами для утверждения идей ламаркизма и витализма. Если раньше обращали внимание на «невероятность» возникновения гистологических структур, то сейчас все большее внимание привлекают проблемы возникновения живой материи и проблемы онтогенеза, т. е. области, где можно применять методы оценки количества информации.

Здесь нет возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на количественных подсчетах подобной «невероятности». Отметим лишь, что речь идет о величинах, практически равных нулевой вероятности. Например, белковая молекула может в результате случайных комбинаций возникнуть один раз за 10^{321} лет³³, для создания бактериальной клетки из неупорядоченных атомов требуется 10^{12} битов информации;³⁴ даже после сильных упрощений для создания простейшего фермента требуется 100 битов информации, т. е. если новая комбинация возникает в каждую минуту, требуется в течение 10^8 лет 10^{17} одновременных попыток.³⁵ Аналогичные данные относятся к

³³ Данные из кн.: Л. Теплов, Очерки о кибернетике, 1963, стр. 26.

³⁴ Р. Сетлоу, Э. Поллард. Молекулярная биофизика, М., 1964, стр. 62—69.

³⁵ Дж. Холдейн. Информация, необходимая для воспроизведения первичного организма. Сб.: Происхождение предбиологических систем, М., 1966.

построению организма из половой клетки. Даже максимальное информационное содержание генов (на уровне нуклеотидных блоков) не в состоянии специфировать структуру мозга; конфигураций структур мозга имеется примерно 2^{100} раз больше, чем конфигураций ДНК, взрослый организм содержит во много раз больше информации чем половая клетка.³⁶ На аналогичные факты указывают многие другие ученые.

В конечном счете «невероятность» возникновения жизни и недостаточность информационного содержания генетического кода для объяснения процессов онтогенеза — это явления одного порядка. Они относятся к вековой противоположности механицизма и витализма, теории преформации и теории эпигенеза. Структурно-информационный подход является в данном случае прямым продолжением концепций механицизма и преформации. Ее недостаточность порождает у недиалектически мыслящих ученых стремление перейти на позиции витализма и эпигенеза.

Наличие такого «количественного тупика» в биологии весьма симптоматично. Это — одно из многочисленных проявлений диалектического единства и противоположности структурного и целостного подходов. Все большее значение приобретают диалектические принципы взаимосвязи качественно различных уровней организации живого, соотношения необходимости и случайности, перехода количества в качество.

Например, И. И. Шмальгаузен показывает, что индивидуальное развитие осуществляется на основе целой системы обратных связей на разных уровнях интеграции организма — клеточном, тканевом, органотипическом³⁷. Конечно, вопрос о конкретных механизмах обратной связи отнюдь не решен. Но учет роли обратной связи в процессе онтогенеза необходим. Без этого информационное содержание генетического кода слишком мало. Об этом свидетельствует наличие аналогичных подходов и других авторов.³⁸

Введение принципа обратной связи означает, вместе с тем, введение принципа некоторого требуемого будущего состояния, «телеономии»,³⁹ активного опережающего отражения.

³⁶ H. J. Bremermann, Limits of Genetic Control, IEEE. Transactions on Military Electronics, 1963, No. 2—3.

³⁷ И. И. Шмальгаузен, Регуляция формообразования в индивидуальном развитии, М., 1964.

³⁸ К. Уоддингтон пользуется для выражения этого обстоятельства понятиями «эпигенетический ландшафт», «эпигенетическая система» (см.: К. Уоддингтон, Организация и генетика, М., 1947, стр. 142—145; К. Уоддингтон, Морфогенез и генетика, М., 1964, стр. 20—21; Б. Гудвин, Временная организация клетки, М., 1966, стр. 40—43). Н. Жуков-Вережников вводит в этих целях понятие «экологической модели» (см.: Н. Жуков-Вережников, Теория генетической информации, М., 1964, стр. 70, 116—118).

³⁹ Термин, введенный К. Питтендрайем для того, чтобы подчеркивать причинно-обусловленный характер поведения целенаправленных систем.

Понимание того, что первичная запись информации осуществляется на молекулярном уровне, делает особенно актуальным учение о качественно различных уровнях организации материи, частным проявлением которой является многопорядковая организация живых систем. С другой стороны, при рассмотрении иерархических уровней организации живого надо остерегаться натурфилософских тривиальностей, получаемых путем перефразировки обыденных представлений «здорового смысла».

В качестве образца конкретности, действительно глубокого понимания диалектики развития могут служить научные традиции советской биологии, которые сложились уже в довоенное время. Не отрицая наличия ряда положительных моментов в «органицизме» и «общей теории систем»⁴⁰, мы не можем присоединиться к авторам, считающим, что труды Л. Берталанфи создают новую эпоху и дают принципиально новые идеи по сравнению с общими методами кибернетики и современной теоретической биологии. Понимание Берталанфи органической целостности представляет собою объективную форму телеологии, несмотря на резкое отрицание им витализма и значительной доли материализма в его концепции. Это выражается в подмене причинного объяснения описанием целостной организации, в антидарвинизме, в отрицании принципиального значения кибернетики.⁴¹ Особенно нежелательным является превращение целостности в некий априорный принцип объяснения, призванный якобы преодолевать все реальные затруднения, возникающие при количественно-структурном подходе. В результате создается только видимость объяснения, а нерешенные проблемы просто элиминируются. (Сказанное относится не только к принципу целостности, но и к понятию «информация», которое также в отдельных случаях превращается в новую мировую «субстанцию» и соответствующий ей всеобщий чудотворный принцип объяснения).

Фактически структурно-системный подход к анализу существования многопорядковых биологических образований не нуждается в введении скрытых натурфилософских принципов. Наглядным подтверждением этого может служить синтез современной генетики и эволюционной теории С. С. Четвериковым («О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зре-

⁴⁰ Фактически значение работ Берталанфи состоит в критике им витализма и механицизма. Это подтверждает и анализ его взглядов в нашей литературе. (См.: А. С. М а м з и н, Некоторые принципы общей теории систем Л. Берталанфи. Уч. зап. кафедр общественных наук г. Ленинграда, вып. V, 1964, стр. 211—222; Л. С е т р о в, Значение общей теории систем Л. Берталанфи для биологии, в сб.: Философские проблемы современной биологии, М.—Л., 1966, стр. 53—54; Р. Р о х г а у з е н, Проблема целостности в биологии, «Вопросы философии», 1959, № 3, стр. 83; Г. В е с с е л ь, Вирусы — чудо — противоречия, М., 1965, стр. 124—132.)

⁴¹ См. М. Г. М а к а р о в, Историческое развитие категории «цель» и её значение в современной науке и философии, Тарту, 1967, стр. 605—612.

ния современной генетики», 1926. г.). До работ С. С. Четверикова дарвинистское эволюционное учение и генетика развивались в отрыве друг от друга.⁴² В результате создания популяционной генетики «дарвинизм ... получил в лице менделизма совершенно неожиданного и мощного союзника».⁴³

Выводы Четверикова развили многие биологи мира, среди которых видное место занимают советские исследователи (Н. П. Дубинин, Н. В. Тимофеев-Ресовский, И. И. Шмальгаузен и др.). Развитие этого направления привело к формулированию понятия микроэволюции.⁴⁴ В настоящее время «учение о генетике популяций вошло как один из краеугольных камней в общую теорию эволюции и теорию селекции».⁴⁵

Выделение роли популяций в эволюции не означает отрицания роли особи.⁴⁶ Особенно плодотворны в этом отношении идеи И. И. Шмальгаузена. Согласно И. И. Шмальгаузену, живыми системами являются клетка, особь, популяция, биоценоз. На этой основе он непосредственно применяет понятие информации для описания процессов эволюции.⁴⁷ Понимание им эволюции свободно от редукционизма и от механического применения кибернетики по типу бесконечных и однообразных повторений, встречающихся у отдельных авторов. Опираясь реальными биологическими явлениями, он показывает, в каком отношении регулируемым объектом в эволюции является популяция, а регулятором — биогеоценоз⁴⁸. Между

⁴² См. Б. Л. Астауров, Две вехи в развитии генетических представлений, «Бюллетень Московского общества испытателей природы», 1965, LXX, № 4; С. С. Шварц, Популяционная генетика, экология и эволюционное учение, «Природа», 1966, № 7.

⁴³ С. С. Четвериков, О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики, «Бюллетень Московского общества испытателей природы», 1965, LXX, № 4, стр. 57.

⁴⁴ Н. В. Тимофеев-Ресовский, Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы эволюционного процесса. «Ботанический журнал», 1958, т. 43, № 3, стр. 320.

⁴⁵ Н. П. Дубинин, Я. Л. Глембоцкий, Генетика популяций и селекция, «Наука», М., 1967, стр. 22.

⁴⁶ Вообще нельзя односторонне подчеркивать роль особи или популяции в эволюции. (Alfred E. Emerson, The Evolution of Adaption in Population Systems, vol. 1 of Evolution after Darwin, Chicago, 1961, p. 308—309).

⁴⁷ Приблизительно в таком же плане, как И. И. Шмальгаузен, выделяя ряд уровней естественного отбора, рассматривает схему эволюции С. Райт. (Sewall Wright, Physiological Genetics, Ecology of Populations, and Natural Selection, in Evolution after Darwin, Chicago, 1961, vol. 1). С точки зрения функций полов модель эволюции популяций предлагает В. А. Геодакян, опираясь на идеи И. И. Шмальгаузена. (См. В. А. Геодакян, Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации. Сб. Проблемы передачи информации, т. I, вып. 1, 1965). См. также О. С. Кулагина, А. А. Ляпунов, К вопросу о моделировании эволюционного процесса, «Проблемы кибернетики», № 16 1966.

⁴⁸ И. И. Шмальгаузен, Наследственная информация и ее преобразование, «Проблемы кибернетики», № 13, 1958.

популяцией и биогеоценозом существуют два канала связи: 1) на молекулярном уровне (от зиготы к первичным половым клеткам особи); 2) на уровне особи (по этому каналу осуществляется передача обратной информации от фенотипов к биогеоценозу). При этом «вся суть индивидуального развития состоит в преобразовании наследственной информации в систему жизненных связей фенотипа с внешней средой»⁴⁹.

Подобный анализ эволюционного процесса содержится и в статьях И. И. Шмальгаузена «Контроль и регуляция в эволюции» (1958 г.)⁵⁰ и «Основы эволюционного процесса в свете кибернетики»⁵¹, а также в его посмертно опубликованной рукописи⁵². В них раскрывается иерархичность информационных процессов в биологических системах, организация информации «блоками». Раскрывается также связь между физико-химическими и биологическими процессами, но последние отнюдь не сводятся к физико-химическим. Идея, что сигналом обратной информации является фенотип, подчеркивает биологическую специфику эволюции и естественного отбора.

Нередукционистский подход особенно важен в наше время, когда успехи молекулярной биологии могут привести к недооценке взаимодействия живой системы и внешней среды⁵³. Под этим взаимодействием нельзя, конечно, подразумевать «ассимиляцию» условий среды, абсурдное для 20 века учение. Речь идет только о том, что программы, закодированные в молекулярных структурах, **корректируются на основе взаимодействия** живой системы и среды. Что же касается среды, то она состоит преимущественно из колоссального числа живых систем и результатов их жизнедеятельности.

Рассмотренная информационная модель эволюции имеет определенное значение для понимания отдаленной предистории человеческой социальности и социально-опосредованного отражения. Выявление решающей роли популяции как эволюционирующей единицы указывает на высокую вероятность существования биологических предпосылок (в виде внутривидовых отношений и внутривидовых отношений) для возникновения социальных отношений. Одновременно становятся совершенно неубедительными попытки объяснить возникновение человеческой социальности только с точки зрения анатомии, физиологии, психики отдельного индивидуального организма.

⁴⁹ Там же, стр. 249.

⁵⁰ И. И. Шмальгаузен, Факторы эволюции, М., 1968, стр. 196—240.

⁵¹ И. И. Шмальгаузен, Основы эволюционного процесса в свете кибернетики, «Проблемы кибернетики», вып. 4, М., 1960.

⁵² И. И. Шмальгаузен, Эволюция в свете кибернетики. «Проблемы кибернетики», № 13, 1965.

⁵³ На наличие такой тенденции обращают внимание Г. Н. Зубенко и А. С. Кардашева в ст.: «Математическое моделирование в биологии», «Природа», 1966, № 7, стр. 53.

Возникновение социальной памяти может рассматриваться также в связи с концепцией неограниченного прогресса, виднейшими представителями которой является Дж. Хаксли,^{53а} а также А. Н. Северцов, И. И. Шмальгаузен и др. На основе многочисленных анатомических и эмбриологических данных А. Н. Северцов показал, что приспособление и многочисленность биологического вида достигается тремя путем: 1) ароморфозом, т. е. в результате перехода морфофизиологической организации вида на новый уровень, с сохранением потенциала дальнейших изменений; 2) идиоадаптацией, т. е. в результате изменения отдельных признаков вида без повышения уровня организации, 3) общей дегенерацией, т. е. организация вида упрощается, но это сопровождается повышением способности к приспособлению. С точки общей эволюции прогресс связан только с ароморфозом, т. е. с возрастанием сложности, степени организации организма. Именно на этой линии развития возникает и человек⁵⁴.

И. И. Шмальгаузен, развивая вместе с А. Н. Северцовым теорию ароморфоза, выделил последний этап ароморфоза как «эпиморфоз», т. е. изменение, которое ведет к принципиально новому явлению — к господству над условиями среды⁵⁵. Эпиморфоз — это единство биологического и социального в период антропогенеза. По классификации К. М. Завадского, эпиморфоз — это многочисленные глубокие ароморфозы, создающие для некоторых высокоразвитых человекоподобных обезьян возможность разносторонних адаптаций.

Одним из аспектов неограниченного прогресса является развитие по линии совершенствования центральной нервной системы («цефализация»), на которое в свое время указывал Ф. Энгельс и которое подробно рассматривается В. И. Вернадским⁵⁶.

Согласно концепции неограниченного прогресса, прогрессивной является линия развития, которая ведет к человеку.

^{53а} О взглядах Дж. Хаксли см. стр. 209—212.

⁵⁴ А. Н. Северцов, Главные направления эволюционного процесса, М.—Л., 1934; А. Н. Северцов, Морфологические закономерности эволюции, Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1949.

⁵⁵ И. И. Шмальгаузен, Пути и закономерности эволюционного процесса, М.—Л., 1939, стр. 130. См. также: Н. И. Ефимов, Эпиморфоз как специфическая форма ароморфной эволюции, Вест. ЛГУ; Экономика, философия, право, 1967, № 5.

⁵⁶ В. И. Вернадский, Химическое строение биосферы Земли и ее окружения, М., 1965. Однако, необоснованными представляются умозрительно-финалистские выводы из концепции В. И. Вернадского, например, утверждение Е. Т. Фаддеева, что развитие — «такой же атрибут материи как движение». (Е. Т. Фаддеев, Некоторые философские проблемы освоения космоса, сб. Диалектический материализм и вопросы естествознания, М., 1964, стр. 186.)

В связи с этим неизбежно встает вопрос, не является ли эта концепция антропоцентристской. Подобные упреки против неё выдвигались неоднократно. Их анализ и убедительные возражения им даны в специальных работах.⁵⁷ Не вдаваясь в подробное обсуждение критериев прогрессивного развития живой материи вообще, отметим, что, концепцию неограниченного прогресса можно рассматривать также с точки зрения информационных процессов, а именно:

1. Прогрессивное развитие сопровождается ростом сложности организма, а это означает, что для «конструирования» организма, при некоторых исходных элементах, требуется больше информации. (Этот критерий примыкает к критерию сложности, рассмотренному уже Ламарком, Бэр, Милн-Эдвардсом и другими.)

2. Прогрессивное развитие организмов сопровождается развитием их способности получать и обрабатывать больше и более разнообразную (более разнообразным способом кодированную) информацию.

3. Прогрессивное развитие сопровождается в некоторых случаях способностью организмов сохранять и передавать следующим поколениям информацию вне генетических кодов («обучение», подражание, квази-социальные отношения, некоторые аспекты сигнализации у высших животных).

Указанные три информационные критерия являются объективными. Очевидно, эти критерии необходимы для оценки прогресса. Но они недостаточны и должны быть дополнены еще другими, например, функциональными и другими критериями.

*

Активное, опережающее отражение. Образное отражение у высших животных. Идеи активного отражения организмами среды получили многостороннее развитие в работах советских физиологов и психологов. Исключительно большее значение в этом отношении имеют работы П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, И. С. Бериташвили, А. Н. Леонтьева, Л. В. Крушинского, Г. Ф. Хрустова и ряда других ученых.

Уже в 1933—1935 гг., т. е. за десять лет до появления статьи А. Розенблюта, Н. Винера, Л. Бигелоу «Поведение, целенаправленность и телеология», с которой связывается рождение

⁵⁷ К. М. Завадский, К пониманию прогресса в органической природе, сб. Проблемы развития в природе и обществе, М.—Л., 1968; К. М. Завадский, Проблемы прогресса живой природы, «Вопросы философии», 1967, № 9; А. М. Миклин, К определению прогрессивного развития живого, «Вестник Ленинградского университета», 1967, № 5; А. М. Миклин, Является ли понятие «неограниченного прогресса» антропоцентрическим, «Вопросы философии», 1967, № 9.

кибернетики, экспериментальные данные (наблюдения «рассогласования» у подопытных животных) привели П. К. Анохина к гипотезе о наличии специального механизма («акцептора действия»), которая формируется до появления результата и содержит в то же время в себе все признаки будущего результата. После того, когда действие произошло, результаты действия посредством обратной афференции сравниваются с акцептором действия, представляющего собою вероятностную модель будущих, ожидаемых результатов.⁵⁸

В свете активности отражения важное значение имеет также идея Н. А. Бернштейна о разных типах реакций организма с точки зрения вызывающего их информационного содержания, соответственно — признака значимости пускового сигнала.⁵⁹ Н. А. Бернштейн подчеркивает роль активного операторного моделирования в работе мозга. Многие другие исследователи также обращают внимание на то, что у высших организмов физически идентичные раздражители не вызывают неизменных мозаичных изображений на «зеркале мозга», а приобретают разное значение в зависимости от «контекста».⁶⁰

В психологии животных также накапливается всё больше данных, полученных как в условиях эксперимента, так и путем наблюдения животных в естественных условиях, с «поименным» выделением отдельных особей, и показывающих, что для описания поведения высших животных необходимо обратиться к внутренним психическим состояниям. В развитии науки налицо очередное отрицание отрицания. Во второй половине прошлого века появилось много работ, пытавшихся доказать наличие разумного, человеческого мышления у животных, даже у насекомых. Работы подобного рода дискредитировали вопрос о внутренних психических состояниях животных. Но в течение последних десятилетий снова остро встал вопрос об элементарном мышлении животных, о котором в разное время говорили, например, Ч. Дарвин и И. П. Павлов.

И. С. Бериташвили-Беритов на основе многочисленных экспериментальных данных показывает, что поведение высших животных управляется не только непосредственными раздра-

⁵⁸ П. К. Анохин рассматривает «акцептор действия» как точку низкой энтропии, оказывающей антиэнтропийное влияние на остальные процессы (см.: П. К. Анохин, Рефлекс цели как объект физиологического анализа, «Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова», т. XII, вып. 1, 1962), и предлагает физико-химическое объяснение возникновения опережающего отражения на основе вероятностно-статистических процессов (см.: П. К. Анохин, Опережающее отражение, «Вопросы философии», 1962, № 7).

⁵⁹ Н. А. Бернштейн, Пути и задачи физиологии активности, «Вопросы философии», 1961, № 6; Н. А. Бернштейн, На путях к биологии активности, «Вопросы философии», 1965, № 10.

⁶⁰ См. В. А. Розенблют, Замечания редактора; сб.: Теория связи в сенсорных системах, М., 1964, стр. 504.

жениями, но и психическими образами жизненно важных объектов.⁶¹ Л. В. Крушинский, подробно изучивший мышление животных на основе так называемых экстраполяционных процессов, отмечает ряд существенных моментов, противоречащих картезианскому взгляду **насчет интеллектуальных способностей животных.**⁶² Г. Ф. Хрустов показал в серии экспериментов, что шимпанзе дорабатывает орудие для доставки приманки из трубы, исходя из прошлого опыта, не примеряя его каждый раз к отверстию трубы. Он считает, что в психике антропоида формируется предметно-информационный комплекс, т. е. в ходе активного действия с предметами закрепляется информация об объективных признаках предметов.⁶³

Большую ценность в свете современных идей представляют собою работы выдающегося русского биолога-дарвиниста В. А. Вагнера, чьи ученики многое сделали для развития зоопсихологии в Советском Союзе. Последовательно отстаивая биологический подход к зоопсихологии, В. А. Вагнер выдвинул концепцию филогенетической эволюции психики, которая сохраняет свое значение не только благодаря критике им антропоморфизма и механицизма,⁶⁴ проведению материалистического монизма,⁶⁵ но и учету структурно-формирующего аспекта,⁶⁶ а также учету активного характера отражения.⁶⁷

Для понимания биологических предпосылок возникновения социальной памяти необходимо учесть данные об активном, опережающем отражении организмами среды, достигающем у высших животных уровня оперирования внутренними символами-образами. Не пассивно-зеркальное воспроизведение воздействий

⁶¹ И. С. Беритов, Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных, М., 1961; И. С. Бериташвили, Об образной психонервной деятельности животных, М., 1966.

⁶² Л. В. Крушинский, Сравнительно-физиологическое изучение элементов рассудочной деятельности у животных, «Журнал высшей нервной деятельности», т. 18, 1967, вып. 7; Л. В. Крушинский, Есть ли разум у животных, «Природа», 1968, № 8; Л. В. Крушинский, Л. Н. Молодкина, Н. П. Попова, В. М. Светухина, В. Н. Мац, Экспресс-информационные ассоциации как основа некоторых сложных форм поведения животных, Сб.: Сложные формы поведения, М.—Л., 1965.

⁶³ Г. Ф. Хрустов, О функциональных предпосылках сознания, Сб. Проблемы сознания, М., 1966; Ф. И. Георгиев, Г. Ф. Хрустов, О предпосылках и особенностях сознания, «Вопросы философии», 1965, № 10.

⁶⁴ См. В. Вагнер, Биологический метод в зоопсихологии, отдельный оттиск из «Трудов имп. общ. естествоисп». Отд. зоол. и физиол., т. XXXIII, вып. 2. Высокая оценка работ В. А. Вагнера дана в работах: Г. З. Рогинский, В. А. Вагнер — выдающийся биолог-дарвинист, «Природа», 1949, № 11; Н. Н. Ладыгина-Котс, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958, гл. 1.

⁶⁵ См. В. Вагнер, Биологические основания сравнительной психологии, СПб., М., т. 1.

⁶⁶ Там же, стр. 38.

⁶⁷ Там же, стр. 225.

внешнего мира, а его расчленение, реструктуризация, преобразование поступающей информации в соответствии с потребностями и прошлым опытом организма — в этом суть активного, опережающего отражения.

*

Наследственное и ненаследственное в поведении животных. Общие понятия, используемые для описания наследственных и ненаследственных черт поведения и психики животных видоизменяются как исторически, так и в зависимости от применения различных методов исследования и соответствующих концептуальных систем. Здесь мы обращаем преимущественно внимание на некоторые зоопсихологические аспекты проблемы.

Эффективно применяются в данной области идеи И. П. Павлова об условных и безусловных рефлексах и о динамическом стереотипе. Но понятие рефлекса, введенное уже Декартом, не касается тонких и сложнейших процессов обработки информации в нервной системе. Предположение, что понятия «иррадиация», «концентрация», «возбуждение», «торможение» раскрывают внутренние механизмы обработки информации, верно только отчасти. Они имеют значение для описания физиологии нервной деятельности на определенном уровне приближения, относящемся к работе нервной массы. Но обработка информации является функцией не только нервной массы, но и невообразимо сложной структурной нервной системы, вплоть до молекулярного уровня.

Не только вторжение науки во всё более тонкие структуры нервной деятельности, но и описание различных качественных аспектов психики и поведения животных делает необходимым сопоставление как понятий теории И. П. Павлова с понятиями других концептуальных систем, так и сопоставление последних между собою. Например, поведение и психика животных описывается в настоящее время с помощью методов физиологии, психологии, этологии, «зоосемиотики», кибернетики. Пороку можно в литературе встретить обвинения в антропоморфизме, делаемые в адрес этологии и зоосемиотики, в механицизме — в адрес применения кибернетических и физиологических методов. Подобные обвинения, когда они делаются «оптом», в адрес целых научных дисциплин, лишены всяких оснований.⁶⁸ В то же время обнаруживается, что за внешним разграничением дисциплин скрывается единство человеческих знаний. Напри-

⁶⁸ О зоосемиотике см. стр. 57—60. Сущность этологии хорошо раскрыта в статье Д. Кальтенхаузер, Л. В. Крушинский, *Этология*, «Природа», 1969, № 8.

мер, книга Г. Темброка об этологии животных⁶⁹ по содержанию совпадает с его же книгой о зоопсихологии.⁷⁰ Обстоятельный обзор новейшей литературы по зоосемиотике, составленный Т. Зибёком,⁷¹ состоит, главным образом, из работ, фигурирующих в списках литературы по зоопсихологии и этологии. Иногда за терминологическими различиями скрываются одни и те же понятия. Поэтому весьма полезны попытки сопоставления понятий различных концептуальных систем, например, сопоставление А. Д. Слонимом понятий теории рефлексов и этологии,⁷² использование Г. Темброком понятий из различных систем для описания различных аспектов обучаемого поведения животных,⁷³ сопоставление Г. Мэгунем различных концепций эволюции структуры и функций мозга.⁷⁴

Естественно, сопоставление понятий различных концептуальных систем не может превратиться в замазывание глубоких философско-методологических различий между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой. Но эти методологические различия, как правило, не касаются конкретных понятий, используемых для выражения соотношения наследственного и прижизненно-приобретенного в поведении животных. Рассмотрим в качестве иллюстрации понятия «пластичности» и «инстинкта».

Г. Темброк показывает, что «пластичность» в общем виде допускает различные интерпретации, дающие возможность каждому исследователю понимать ее по-своему. По мнению Г. Темброка «пластичность» выражает только пространство (Spielraum) интеграции организма. В зависимости от внешних условий она может значительно изменяться, но ее границы генетически детерминированы. Пластичность — это регуляция поведения организмов, вызываемая не только варьирующей структурой внешних раздражителей, но и процессами в самом организме.⁷⁵ Отсюда возможны различные уточнения. Например, К. Лоренц различает на этой основе два типа поведения: жестко данные двигательные нормы⁷⁶ и приспособленные к определенным раздражениям, а поэтому не жесткие нормы реагирования.

⁶⁹ G. Tembrock, *Verhaltensforschung. Eine Einführung in die Tierethologie*, Jena, 1961.

⁷⁰ G. Tembrock, *Grundlagen der Tierpsychologie*, Berlin, 1967.

⁷¹ T. A. Sebeok, A Selected and Annotated Guide to the Literature of Zoosemiotics and its Background, in: *Social Science Information*, VII-5 October 1968.

⁷² А. Д. Слоним, Проблемы поведения животных в эколого-физиологическом освещении, сб.: *Сложные формы поведения*, М.—Л., 1963.

⁷³ G. Tembrock, *Grundlagen der Tierpsychologie*, S. 116—142.

⁷⁴ Г. Мэгун, Бодрствующий мозг, М., 1965, стр. 20.

⁷⁵ G. Tembrock, *Tierpsychologie*, S. 105—107.

⁷⁶ Существуют настолько жесткие и прирожденные черты поведения, что они могут быть использованы в качестве таксономических критериев.

Необходима осторожность, чтобы в рассуждениях о жестко детерминированном и пластичном типах поведения не стать на путь упрощений. Примером подобного рода упрощения может быть превращение понятия «инстинкт» в универсальное средство объяснения.⁷⁷ Это не значит, конечно, что от этого понятия следует полностью отказаться.⁷⁸ Но от традиционного понятия инстинкта остается очень мало. В. В. Бунак правильно отмечает, что врожденность и раннее формирование в законченной форме, считавшиеся признаками инстинкта раньше, уже не имеют решающего значения. «Инстинктивные действия складываются у детенышей или молодых животных в определенной последовательности при участии различных стимулов — воспитания матерью, жизни в стаде, гормональных сдвигов и так далее.»⁷⁹ Всё это справедливо. Но в таком случае «инстинкт» приобретает новое значение, выражая многие черты поведения животных вообще.

Приведенные примеры показывают, что традиционные понятия «пластичность», «инстинкт» и т. п., которыми до сих пор в силу инерции пользуются в философской литературе для характеристики поведения животных, требуют многочисленных уточнений. Признаки поведения не появляются на свет в готовом виде, а представляют собою звенья сложного онтогенетического процесса. Уже с первых этапов для реализации генетического кода необходимо, чтобы управляющее устройство (ДНК, гены) постоянно «обучалось» на основе обратной информации из управляемой системы и из среды. Момент «обучения» в широком смысле сопровождает всю жизнедеятельность организма, базирующуюся на накоплении информации в биологической памяти. Поэтому многие прежние данные о жестко-прирожденном поведении требуют поправок. Например, это относится к воспитанию животного в изоляции (гаспар-гаусеровский опыт). Более тонкие эксперименты показывают, что очень часто в таких опытах упускались из виду многочисленные возможности обучения на основе условий среды. «Мы должны отвергнуть противопоставление понятий созревания и обучения», справедливо отмечает Я. Дембовский.⁸⁰

Взаимосвязь наследственного и прижизненно приобретенного отражается, например, с помощью понятий «обязательного» и «факультативного» обучения. Обязательное обучение охватывает процессы, которые в нормальных условиях должен проделывать любой организм, чтобы быть в состоянии выполнять жиз-

⁷⁷ Я. Дембовский, Психология животных, М., 1959, стр. 122—147.

⁷⁸ См.: А. Д. Слоним, Инстинкт. Загадки врожденного поведения организмов, Л., 1967, стр. 23—25.

⁷⁹ В. В. Бунак, Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе, Тр. ин-та этнографии, новая серия, т. 92. 1966, стр. 502.

⁸⁰ Я. Дембовский, Психология животных, М., 1959, стр. 146.

ненные функции. Факультативное обучение — это то, чему организм может обучаться, может и не обучаться. Обязательное обучение настолько тесно связано с наследственной информацией, что, по мнению некоторых исследователей, совершенно невозможно отличать прирожденное поведение и обязательно-обученное поведение. В развитии организмов имеются критические периоды, в течение которых некоторый процесс обучения должен произойти. Это так называемое «запечатление», «импринтинг», например, цыплята выбирают в качестве «матери» первый достаточно большой движущийся предмет.⁸¹

С другой стороны, понятие факультативного обучения охватывает ряд способов экспериментирования и теоретического объяснения, применяемого в психологии животных: условные рефлексы, обучение в лабиринте, психологию ассоциаций и образов, способ проб и ошибок, а также «конкретное мышление» высших животных.⁸² В какой-то мере можно, двигаясь от условных рефлексов к «конкретному мышлению», констатировать усложнение форм обучения, хотя часто все или некоторые из названных форм обучения встречаются вместе. В этом отношении обобщенное понятие обучения позволяет преодолеть пропасть, порождаемую превращением какого-нибудь одного методологического принципа в универсальный ключ объяснения. Расширенное понятие обучения применимо также к насекомым. Здесь четко обнаруживается различие между понятиями «обучение» и «подражание». У насекомых имеются различные формы «обучаемого» поведения (включая формы поведения пчел и ос, указывающих другим особям местонахождение корма). Но обучение на основе подражания не установлено. Кроме того, обучаемое поведение играет у насекомых небольшую и подчиненную роль. Однако, с наличием обучаемого поведения необходимо считаться, особенно ввиду предрассудка, согласно которому насекомые — это жестко запрограммированные автоматы. На деле даже поведение насекомых несравненно сложнее.

Прав А. Р. Лурия, когда он пишет: «животные никогда не отражают воздействия внешнего мира пассивно и зеркально,

⁸¹ См. Н. Тинберген, *Поведение животных*, М., 1969, стр. 118—148; K. Rauli, *Vermimise nähtustest loomadel*, «Eesti Loodus», 1966, nr. 1, lk. 31—33. Явления запечатления стали общеизвестными благодаря работам К. Лоренца. К сожалению, забыто, что независимо от Лоренца и, вероятно, даже раньше его эти явления, изучались З. В. Горячевой, А. Д. Таракановым и Я. З. Неверович (лаборатория Боровского). См.: К. Фабри, *Вторжение в таинственный мир*; в кн.: Н. Тинберген, *Поведение животных* стр. 13.

⁸² В «факультативное обучение» входит также способность молодых животных видоизменять свое поведение в результате обитания среди представителей другого вида. Например, изменяется поведение молодых собак, которые содержатся вместе с кроликами. См.: R. B. Cairns, J. Werboff, *Behavioral Development in the Dog: An Interspecific Analysis*, «Science», vol. 158, No. 3804, p. 1070—1072.

они всегда отбирают существенные элементы доходящей до них информации.⁸³

Ряд данных о прижизненно приобретенном поведении относится к коммуникации животных и к их жизни в сообществах.

*

Связь между организованной совместной деятельностью и системами коммуникации. Для организма имеются две возможности: во-первых информация записана на основе предыдущего «опыта» вида с помощью генетического кода, во-вторых организм получает информацию из внешней среды.

Представителю каждого вида приходится решать сложный комплекс задач, связанных с поиском пищи, нахождением партнера противоположного пола, заботой о потомстве, даже со сферой, где проявляется исследовательское поведение. Принцип сигнальности, лежащий в основе опережающего отражения, развивается в том направлении, что в популяциях особей, обладающих развитой нервной системой, а) образуются специальные системы коммуникации («языки»), помогающие регулировать отношения между особями и средой;⁸⁴ б) образуется известная организация, структура популяций, в которой каждая особь имеет свое место. В результате объединения «особей» в популяции возникают возможности активного отношения к среде, в основе которого лежат групповые реакции, не сводимые к реакциям отдельных особей».⁸⁵

Системы коммуникации и организации популяций содержат в себе и такие аспекты, которые не даны генетически, а формируются прижизненно, в результате подражания, «обучения». В этом состоит одна из важнейших потенциальных предпосылок возникновения человеческой социальности и нового, социально-культурно опосредованного способа накопления информации.

Большое значение в понимании процессов коммуникации имеет различие И. П. Павловым первой и второй сигнальной систем. К сожалению, после смерти Павлова его идеям о двух сигнальных системах был придан странный и догматический вид. Это выражалось не только в постулировании наличия в мозгу человека анатомоморфологических структур второй сиг-

⁸³ А. Р. Лурия. Процесс отражения в свете современной нейрофизиологии. Вестн. МГУ, Философия, 1968, № 3, стр. 25—26.

⁸⁴ При ориентации животных в среде выделяют следующие аспекты: 1) прием различных раздражений из среды, 2) активная локация 3) сигнализация для ориентации в внутривидовых и межвидовых популяциях. (См. В. П. Мантейфель, Н. П. Наумов, В. Э. Якоби. Ориентация и навигация животных, «Природа», 1965, № 2, стр. 26.)

⁸⁵ Н. П. Наумов, Экология животных, М., 1963, стр. 8.

нальной системы, но и в утверждении, что у животных отсутствуют какие бы то ни было явления опосредствованного отражения. На деле такой упрощенный взгляд противоречит основной идее И. П. Павлова — идее о сигнальной функции психического. Кроме того, при таком взгляде роль человеческого языка сводится только к созданию поэлементного соответствия между вещами и их названиями. Другими словами, роль языка как бы привязывается к созерцательно-эмпирической схеме образования понятий Д. Локка.

Когда дана организованная деятельность животных (речь идет об организованной деятельности, а не деятельности, вызванной одинаковыми раздражениями), то должна также существовать информация, обеспечивающая такую деятельность. В ряде случаев эта информация циркулирует в виде сигнализации между особями. С развитием техники исследования обнаруживаются все новые системы сигнализации-коммуникации, например, акустическая сигнализация у рыб и китообразных, химическая сигнализация у насекомых и т. д.

Интересные связи между сигнализацией и организованной совместно деятельностью обнаруживаются в «сверхорганизмах» насекомых, где эффект приспособления реализуется «на социальном уровне»,⁸⁶ например, «сверхорганизм» пчел сопротивляется перегреву по тому же принципу, как и животные, температура тела которых регулируется с помощью потовых желез. Имеют место явления конвергенции: формы совместной жизни муравьев, строящих крупные муравейники, ближе к термитам, чем к другим видам муравьев, пчел и асоциальных ос, хотя термиты находятся в другой ветви филогенетического развития.

Обмен информацией в сверхорганизмах насекомых происходит с помощью химических сигналов (феромонные системы).⁸⁷ Существуют и другие средства коммуникации: с помощью звука, движений («танцы пчел»). «Язык» пчел является сложным образованием, носителем информации выступают очень точная продолжительность во времени и ориентация в пространстве телодвижений, запах, звук (данные К. Фриша).⁸⁸

⁸⁶ В. А. Александров, Цитозкология, «Природа», 1968, № 3, стр. 2.

⁸⁷ Е. О. Уилсон, Химическая информация у общественных насекомых, «Природа», 1966, № 9.

⁸⁸ Данные К. Фриша были недавно подвергнуты сомнению А. М. Веннером и Д. Л. Джонсоном. Они не отрицали информационного значения «танца», но выдвинули предположение, что «новички» используют для нахождения кормушки другую информацию. Например, они могут условно-рефлекторно ориентироваться по комбинации запахов, которую они чувствуют у возвратившегося «фуражира». В развернувшейся полемике К. Фриш с такой интерпретацией не согласился, а Веннер и Джонсон несколько смягчили свои возражения. Данный эпизод характерен тем, что он показывает необходимость более тонкого раскрытия механизмов информации, которыми пользуются насекомые. О дискуссии по этому вопросу см. Science, vol. 155, № 3764, p. 844-849; vol. 158, № 3804, p. 1072-1077.

Системы сигнализации птиц отнюдь не однозначно детерминированы наследственностью. Уже А. Р. Уоллес знал, что пению птицы, по крайней мере частично, обучаются.⁸⁹ Это подтверждают многие позднейшие исследования, в том числе опыты академика Л. Орбели и его учеников.⁹⁰ В фонограммах птиц можно отличать различные «диалекты».⁹¹ «Не со всякой песней птица рождается, — есть у нее ... песни, которым она научается от родителей и соседей».⁹² «Самое поразительное», пишет Е. К. Вилкс, что в случае воспитания птенцов в чужой среде имитируются также «сигнальные крики, которые до сих пор всеми авторами считались врожденными».⁹³ Сигнал SOS ворон Соединенных Штатов действует и в других частях американского контингента, но не действует на ворон Франции или вызывает неадекватную реакцию.⁹⁴

В некоторых случаях изучение звуковой сигнализации выших млекопитающих ведет к явному антропоморфизму. Примером этого могут быть работы Дж. Лилли.⁹⁵ Исходя из весьма сомнительного предположения, что равный человеческому разуму разум может возникнуть без использования орудий производства и без материальной культуры, он надеется добиться интеллектуального контакта с дельфинами путем изучения их языка и обучения их человеческому языку. При этом он руководствуется психоаналитическим подходом. Он считает также, что общение есть обмен информацией между двумя разумами.⁹⁶ Очевидно, такая установка уже заранее расширяет понятие разума, облегчая «доказательство» наличия его у дельфина. Хотя дельфины обладают, по-видимому, относительно высоким уровнем психики, следует все-таки приветствовать работы, где обращается внимание на биологическую сторону дела и поведение дельфина интерпретируется не в терминах психологии человека, а в терминах биологии.⁹⁷

Кроме акустической сигнализации у животных много сигналов связано с мимикой, положением тела, движениями и т. д. В последние годы изучением коммуникации животных стала

⁸⁹ А. Р. Уоллес, Естественный подбор, СПб., 1878, стр. 232.

⁹⁰ Л. А. Орбели, Вопросы высшей нервной деятельности, М.—Л., 1949, стр. 580.

⁹¹ G. Tembrock, Grundlagen der Tierpsychologie, S. 102.

⁹² Р. Шовен, От пчелы до гориллы, М., 1965, стр. 218.

⁹³ Е. К. Вилкс, Наши результаты экспериментального изучения сложных форм поведения птиц в природных условиях. Сб. Сложные формы поведения, М.—Л., 1965, стр. 130.

⁹⁴ Л. Дж. Милн, М. Милн, Чувства животных и человека, М., 1966, стр. 57.

⁹⁵ Дж. Лилли, Человек и дельфин, М., 1965, стр. 122—126; Дж. Лилли, Мир дельфина, «Природа», 1969, № 5; Дж. Лилли, Разум дельфина, «Природа», 1969, № 6.

⁹⁶ «Природа», 1969, № 6, стр. 60—63.

⁹⁷ А. Томили, Дельфины служат человеку, М., 1969.

заниматься новая дисциплина — зоосемиотика. Зоосемиотика довольно близка к этологии.⁹⁸ Применение лингвистических и кибернетических методов дает здесь результаты, дополняющие данные этологических наблюдений. Наиболее существенным, на наш взгляд, является введение, явное или скрытое, того аспекта, который в случае человеческого языкового общения выражается с помощью понятий «смысл» и «значение».⁹⁹

До сих пор нет (вероятно, в обозримом будущем и не будет) общей теории значения для «естественных» человеческих языков. Это обстоятельство налагает также отпечаток на проблему «значения» в изучении коммуникации животных. Попытки интерпретировать «значение» в духе антропоморфизма здесь довольно редки. Такие попытки, как правило, критикуются в рамках самой зоосемиотики.¹⁰⁰ Как правило, коммуникация животных интерпретируется либо по модели Бюлера — Морли, либо по классической семиотической схеме, с выделением синтаксического, прагматического, семантического аспектов сообщения. Что собственно означает в данном случае «семантика» сообщения, можно видеть на примере анализа Г. Темброком оборонительных звуков млекопитающих,¹⁰¹ где в «семантику» включаются такие явления как а) тождество вида, группы, пола, возраста, поведенческого статуса; б) мотивация — психологическое состояние; в) окружение: индивиды, вещи, территория, враги, пища, метеорологические условия. В данном случае «семантика» может быть полностью интерпретирована на основе поведения животных, без обращения к внутренним психическим образам. Правда, в отдельных сообщениях коммуникации животных придается смысл, более близкий к человеческому понятийному общению. Например, Ф. Моуэт пишет, что эскимосы дешифровали вой волка как сообщения «олени пошли», «люди проходят мою территорию», адресованные другому животному за многие километры.¹⁰² В опытах с дельфинами Р. Титц и К. Тэйлер исходили из предположения, что звуки

⁹⁸ Н. Тиннберген, один из виднейших этологов, определяет зоосемиотику как «биологическое изучение поведения». С этим определением согласен также Т. Зибёк, считающий зоосемиотику доминирующей темой в этологии. Зоосемиотика — это объединение этологии и семиотики. (См. Т. А. Sebeok, *Animal Communication, Science*, 1965, vol. 147, p. 1006, p. 1013).

⁹⁹ В нашей философской литературе биологический аспект смысла и значения был впервые рассмотрен М. В. Поповичем. (М. В. Попович, *Философский аспект значения и смысла*, «Вопросы философии», 1962, № 12). Он отражен также в учении о различных ступенях эволюции психики А. Н. Леонтьева (А. Н. Леонтьев, *Проблемы развития психики*, М., 1965, стр. 209—251).

¹⁰⁰ Т. Зибёк, например, справедливо критикует А. Моля, который включает в словарь кузнечика такие выражения как «жизнь прекрасна», «хочу любить», «ты на моей территории» и т. д.

¹⁰¹ G. Tembrock, *Actual Problems of Zoosemiotics in Bioacoustics*, 1968.

¹⁰² Ф. Моуэт, *Не кричи, волки!* М., 1968, стр. 84—89.

дельфинов обозначают предметы, например, обруч, через который надо прыгать.¹⁰³ Но подобные предположения не относятся собственно к зоосемиотике. По-видимому, пока нет возможности для однозначной интерпретации их и аналогичных им предположений.

Поскольку для человека в коммуникации животных наиболее доступен канал связи, то большое число подразделений зоосемиотики базируется на различении канала связи («феромонная», биоакустическая, визуальная, тактильная, электрическая, вещественная связь).¹⁰⁴ Изучая системы коммуникации на основе соответствующих сенсорных механизмов, зоосемиотика продолжает и здесь общую для семиотики, заложенную еще Ч. Моррисом, классификационную традицию.

Хотя сами классификации сигналов и вызванного ими поведения не особенно интересны, весьма интересны некоторые нетривиальные выводы, полученные на их основе. Обнаруживается, что семантическая концепция значения исключительно плохо применима к сигнализации животных. Сигналы, различающиеся «по смыслу», вызывают одинаковое поведение. Большинство коммуникационных сигналов животных дискретны, по принципу «все или ничего». Только у некоторых птиц и приматов имеется более обширная градация в сигналах.¹⁰⁵

Подобные факты указывают, по мнению ряда ученых, на то, что коммуникация животных не может служить прямым объяснением возникновения производства звуков у человека. Подтверждается идея о наличии эволюционного интервала между сигнализационной деятельностью всех известных нам животных и речевой деятельностью человека, высказанная В. В. Бунаком.¹⁰⁶

Об уникальности человеческого языка говорят многие авторы. Подчеркивается также, что для качественной специфики человеческого языка должны существовать глубокие генетические основания. В последние годы широкую известность получили работы Э. Ленненберга, считающего, что определенные лингвистические структуры являются для человека врожденными. Гипотеза Э. Ленненберга базируется на давно известных фактах: только человек обладает необходимой анатомической и

¹⁰³ Данные из книги: А. Г. Томилин, Дельфины служат человеку, М., 1969, стр. 96.

¹⁰⁴ "Science", 1965, vol. 147, p. 1009.

¹⁰⁵ Peter Marler, Animal Communication Signals, "Science", 1967, vol. 157, p. 769—774.

¹⁰⁶ В. В. Бунак, Происхождение речи по данным антропологии, сб. Происхождение человека и древнее разделение человечества, Тр. ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М., 1951; В. В. Бунак, Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе, сб. Ископаемые гоминиды и происхождение человека, Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 92, М., 1966.

функциональной организацией, делающей его способным к усвоению человеческого языка, нормальный ребенок в состоянии усвоить любой язык, развитие речи начинается с усвоения общих принципов и идет как бы планомерно, в определенной последовательности и т. д. Все эти факты показывают, по мнению Э. Ленненберга, что для человека как биологического вида характерна способность организовывать познание особым образом, с помощью человеческого языка. Эта способность является определенной потенцией, латентной структурой, которая должна актуализироваться в социальной среде.

Подчеркивание уникальности человеческого языка верно. Оно направлено против антропоморфизма в зоопсихологии. Но, с другой стороны, уникальность языка в современной буржуазной мысли неправомерно отождествляется с сущностью человека. Поэтому речь может идти только о том, что некоторые очень общие, фундаментальные черты языкового поведения являются врожденными, как довольно осторожно отмечает Т. Зибёк.¹⁰⁷

По-видимому, в этом состоит разумная интерпретация работ Э. Ленненберга. Фактически речь идет о том, что никакой другой вид животных не в состоянии усвоить человеческий язык. К экспериментальным данным, полученным на основе обучения детеныша шимпанзе (опыты Ладыгиной-Котс и супругов Хейс),¹⁰⁸ прибавилось, по-видимому, новое подтверждение — неудача Дж. Лили в деле обучения дельфина-афалина говорить по-английски.

По-видимому, данные об оперировании внутренними образами и манипулировании предметами (И. С. Бериташвили, Л. В. Крушинский, Г. Ф. Хрустов, Л. А. Уайт¹⁰⁹ и др.) могут быть объединены с семиотической концепцией коммуникации. В таком случае оказывается возможным более подробно анализировать процессы выделения животными вещей, свойств, отношений из биологического контекста и образования аналога предметного «значения» (обозначения).

Методологические принципы зоосемиотики позволяют упорядочить эмпирический материал, относящийся к коммуникации, связанной с организацией и жизнью сообществ животных. При этом обнаруживается, что интервал между сигнализацией животных и человеческими языками значительно больше, чем это полагают сторонники концепции плоской эволюции.

¹⁰⁷ "Science", 1965, vol. 147, p. 1010.

¹⁰⁸ Возможно, что в этой области удастся достичь большего с помощью знаков азбуки глухонемых, т. е. не применяя звуковую сигнализацию. В печати появилось сообщение, что А. Гарднер научил таким путем молодую самку шимпанзе пользоваться более чем 60 «словами». (См.: «За рубежом», 1969, № 41, стр. 27.)

¹⁰⁹ См. настоящее издание, стр. 226—227.

Внутрипопуляционные отношения у высших животных. Данные об организации сообществ высших животных, о системах доминирования, иерархии, и т. д. общеизвестны. В марксистской литературе термин «социальные отношения» связывается только с человеческим обществом. Это справедливо. Несмотря на важное значение данных этологии и зоопсихологии для понимания биологической предыстории человеческой социальности, нецелесообразно употреблять термин «социальные отношения» для обозначения отношений внутри животных сообществ, как это часто делается в западной литературе. Здесь можно говорить разве что о «квази-социальных» отношениях и поведении.

Предпосылки квази-социальности у животных глубоко биологические. Многие из них непосредственно связаны с генетическими механизмами, которые включаются в зависимости от условий жизни популяций. Эти механизмы относятся, в частности, к регуляции численности популяций, например, связь между плотностью популяции, системой доминирования и физиологией размножения у мышей.¹¹⁰ Подобные факты являются, кстати, опровержением концепции мальтузианства. Аналогичные явления регуляции численности — прекращение размножения и увеличение смертности — обнаружены у песцов, полевок, пятнистых оленей, леммингов.¹¹¹

Биологическую природу квази-социальных отношений в сообществах животных необходимо подчеркивать потому, что в настоящее время все чаще поведение животных описывается по функциональным аналогиям, общим и для животных и для человека. Прирожденные модели поведения животных («инстинкты» в терминах Н. Тинбергена) пускаются в ход в соответствующих экологических условиях. На основе этих моделей поведения во внутривидовых отношениях складывается «квази-моральное поведение» (К. Лоренц). Эти квази-моральные системы играют важнейшую роль в выживании популяции и вида. Они относятся, например, к спариванию, территориальному поведению, конкуренции за статус в иерархической организации, групповому поведению. Главной структурой этих внутривидовых систем поведения являются кольцеобразные отношения, т. е. отношения с обратной связью между двумя партнерами. Этими партнерами могут быть как особи, так и группы. Эти отношения могут быть использованы в качестве функциональных

¹¹⁰ Р. Шовен, От пчелы до гориллы, стр. 182.

¹¹¹ В. Смирнов, О механизмах, регулирующих численность естественных популяций животных, Сб.: Экологические основы адаптации животных. М., 1967; Ф. Б. Чернявский, Загадка лемминговых циклов, «Природа», 1968, № 12.

аналогов некоторых способов морального и институционального поведения человека.¹¹²

В некоторых случаях осознание значения квази-социальных отношений для понимания человеческой социальности сопровождается известным возвратом к устаревшим взглядам 19 века. Например, С. Оссовский предлагает выделить изучение квази-социального поведения животных в самостоятельную дисциплину, руководствуясь следующей схемой: 1) зоосоциология — наиболее широкая область исследований, 2) антропосоциология, 3) культурная антропология — изучение поведения людей в различных культурах.¹¹³ По-видимому, в определенных целях, например, для изучения социогенеза или развития социально-культурно опосредованного отражения, такая схема приемлема. Однако, здесь необходим учет качественной специфики человеческой социальности. С. Оссовский, например, идет в поисках аналогий слишком далеко. Он приписывает сверхорганизму муравьев черты человеческого общества: агрономию, скотоводство, детские ясли, войну и рабовладение; региональное планирование с сателлитными городами и т. д. С другой стороны, он как бы биологизирует человеческое общество, критикует трудовую теорию антропогенеза. Фактически это означает повторение тривиальных антропоморфных представлений прошлого века, в духе работ А. Эспинаса, Ш. Летурно, Г. Спенсера.

Внутрипопуляционные отношения и обучаемое поведение в сообществах приматов. Определенные новые данные о жизни приматов в сообществах связаны, прежде всего с проведением полевых исследований в естественных условиях. В свете этих данных особое значение приобретают работы советских исследователей, базирующихся как на материалистических традициях русской зоопсихологии (школа В. Вагнера), так и на сознательном применении методологии диалектического материализма. Исключительно злободневными являются работы Н. Ю. Войтониса, применившего для анализа психики обезьян понятие «установки» Д. Н. Узнадзе и выступавшего против механическо-зеркального понимания отражения. Н. Ю. Войтонис подчеркивал, что выделение на основе восприятия того или иного

¹¹² П. Крауссер (Гёттинген), например, изображает эволюцию человеческой культуры как развитие определенных «кодов поведения». Эти коды поведения являются в начальных стадиях неосознанными. Автоматическое поведение, базирующееся на них, исчезает, когда общество вырастает из рамок малых групп и образ жизни, благодаря развитию техники, разделению труда, больших возможностей коммуникации, мобильности, контактов с другими культурами, становится более совершенным. (Peter Krausser, *A Theory of Evolution, History and Structure of the Human Conscience*, *The Monist*, vol. 47, No. 4, 1963.)

¹¹³ Stanislaw Ossowski, *Social Zoology and Cultural Differentiation*. *The Polish Sociological Bulletin*, 1965, No. 1, p. 6.

предмета зависит от его биологического смысла.¹¹⁴ В процессе взаимодействия со средой организм непрерывно перестраивается, накапливая в себе результаты взаимодействий.¹¹⁶

Эти методологические принципы Н. Ю. Войтонис проводил и при исследовании структуры сообществ обезьян. С. Цуккерман, один из первых исследователей сообществ приматов, считал основой их существования половые отношения и гаремную семью. Н. Ю. Войтонис указывает, что Цуккерман получил свои выводы на основе наблюдения павианов в зоосаде, т. е. в неестественных условиях, где борьба между самцами принимает особенно острые формы. В противовес пансексуализму Н. Ю. Войтонис указывает на многие другие факторы, обеспечивающие устойчивость сообществ; связь матери — детеныша, непосредственное тяготение обезьян друг к другу, связанное со взаимными и совместными действиями при очищении, обогревании, игре, защите от врагов. Что же касается системы доминирования, то подчинение обусловлено обычно не прямым физическим насилием, а внешним видом, осанкой, жестами, мимикой, звуками. Часто имеет место оказание помощи детенышу, слабому или обиженному сочлену стада. Подчеркивая сложность стадной жизни обезьян, Н. Ю. Войтонис полагает, что у непосредственного предка человека должны были существовать еще более сложные взаимоотношения.¹¹⁶

Н. А. Тих также показывает несостоятельность идеи Цуккермана о всерешающей роли сексуального фактора.¹¹⁷ Рассматривая биологическое значение стадной жизни, Н. А. Тих особенно выделяет роль звуковой сигнализации и подражания, а также формирование в онтогенезе функциональных органов.¹¹⁰

Большинство современных зарубежных исследователей также указывает на преувеличение роли сексуальных факторов Цуккерманом. В то же время считается, что вопрос о причинах возникновения социальности у обезьян нельзя считать решен-

¹¹⁴ Н. Ю. Войтонис. Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза), М.—Л., 1949, стр. 125; Н. Ю. Войтонис, Поведение обезьян и зарождение трудовой деятельности человека, «Природа», 1948, № 6.

¹¹⁵ Избирательное отношение обезьян к свойствам предметов изучалось также К. Э. Фабри и А. Я. Марковой. (См. А. Я. Маркова, Процесс элементарной абстракции у низших обезьян, «Вопросы психологии», № 1962, № 1; А. Я. Маркова, Реакция низших обезьян на цвет, форму и величину предметов, «Вопросы антропологии», 1961, № 6; К. Э. Фабри, Влияние условий жизни на отношение к предметам у низших обезьян: Тезисы доклада на I съезде Общества психологов, 1959, вып. 2; К. Э. Фабри, Об избирательном отношении к цвету предметов у макаков резусов, «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7).

¹¹⁶ Предыстория интеллекта, стр. 221—222.

¹¹⁷ Н. А. Тих, Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза, Автореф. докт. дисс., Л., 1950.

¹¹⁸ Н. А. Тих, Ранний онтогенез поведения приматов, Сравнительно-психологическое исследование, Л., 1966, стр. 181—182.

ным до конца.¹¹⁹ Я. Дембовский отмечает, что само половое поведение играет в сообществах обезьян двоякую роль. Кроме собственно половой жизнедеятельности оно принимает в больших группах оттенки некоторой символики, например, при выражении отношения доминирования: доминирующее животное ведет себя как самец, независимо от пола. Д. Шаллер, долгое время наблюдавший горных горилл в естественных условиях, также не выделяет сексуальных мотивов в организации сообществ. Он считает горных горилл «мирными эпикурейцами». Табель о рангах выражается в требовании уступок от нижестоящего животного.

Обнаруживается наличие ряда моментов обучаемого поведения обезьян. Японские исследователи^{119а}, изучавшие долгое время сообщества макак в естественных условиях, обнаружили, кроме данных, известных и раньше (иерархия, отшельники, кооперация деятельности, концентрическое расположение на территории и т. д.) вариации «нравов» в рамках одного вида, но в разных популяциях. Например, одна группа макак характеризовалась «спартанскими» нравами, строгими мерами по отношению к нарушителям иерархии. В других популяциях «нравы» оказались более мягкими, «афинскими», нарушителей иерархии наказывали не так строго, редко можно было видеть самок со следами укусов. Наблюдались также различия в способах передвижения и в употребляемой пище. Имеются случаи «изобретения» и обучения. Например, обезьяны научились промывать пшеницу, брошенную в песок.

Джейн Гудол, наблюдавшая шимпанзе в природных условиях в Танганьике, отмечает роль обучения в поведении обезьян. В деле пользования природными предметами интеллектуальные способности животных сильно различаются. Орудийная деятельность в значительной степени зависит от личного опыта и подражания. Шимпанзе начинают пользоваться орудиями только в 3-х летнем возрасте, не раньше; детеныши внимательно следят за использованием орудиями и пытаются имитировать эту деятельность.¹²⁰

Итак, современные полевые исследования заставляют рассматривать жизнь сообществ приматов дифференцированно, с

¹¹⁹ W. A. Mason, Sociability and Social Organization in Monkeys and Apes, in: *Advances in Experimental Social Psychology*, No. 4, London, 1964.

^{119а} Данные о результатах японских исследователей приведены также в книге Р. Шовена «От пчелы до гориллы», стр. 271—279 и в «Вопросах антропологии», 1965, вып. 1965, стр. 16. См. также К. Imanishi, Social Organization of Subhuman Primates in Their Natural Habitat, *Current Anthropology*, 1960, vol. 1, p. 393—407; J. E. Frisch, Research on primate behavior in Japan, *American Anthropologist*, 1959, vol. 61, p. 584—596.

¹²⁰ Jane Goodall, Tool-using and Aimed Throwing in a Community of Free-living Chimpanzees, *Nature*, 1964, vol. 201, p. 1264—1266.

учетом не только процессов размножения, но и коммуникации,¹²¹ квази-социальной организации, обучаемого поведения.

Это означает, что объяснение психики обезьян только на основе безусловно- и условно-рефлекторной деятельности в системе особь—среда явно недостаточно. Все большее значение приобретает идея о конкретно-предметном мышлении высших обезьян.¹²² Конкретно-предметное мышление, исследовательско-ориентировочная и орудийная деятельность осуществляются не изолированными индивидами, а особями в сообществе, т. е. в системе с упорядоченными межиндивидуальными отношениями, с зачатками передачи опыта, с наличием системы коммуникации. Другими словами, данные о современных приматах, о близкой к человеку, но тупиковой ветви эволюции, косвенно подтверждают общетеоретические соображения о том, что возникновение человеческого мышления связано не только с высокоразвитым мозгом, но и внегенетическим накоплением информации, в результате которого образуется социально-культурная среда. Вполне обоснованным кажется предположение Г. Ф. Хрустова, что формирование синтеза предметной деятельности и межиндивидуальных отношений означало прокладывание нового направления развития психической деятельности: «Возникла объективная необходимость в обмене предметной информацией, а следовательно, в специфической форме ее фиксирования, обеспечивающей ее коммуникативность. Развитие соответствующих психических процессов составляет существенный аспект становления сознания».¹²³

*

Изготовление орудия и «мозговой Рубикон» в современной антропологии. Для марксизма целенамеренное использование орудия для изготовления орудия всегда было критерием, позволяющим отличать человека от его предка, животного. Но этот критерий является, несомненно, функциональным и философским. Имеется ли морфологический кри-

¹²¹ Экспериментально доказана способность обезьян к усвоению новых «значений» звуков. Н. Н. Ладыгина-Котс считает, например, что шимпанзе в состоянии различать 30—50 словесных приказов. (Н. Н. Ладыгина-Котс, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958, стр. 224.) Используя стадные звуки обезьян, удалось добиться различных голосовых реакций на сахар и на орехи. (Н. А. Тих, Стадная жизнь обезьян, Автореф., Л., 1950.) Но это не дает основания рассматривать стадную коммуникацию обезьян как непосредственную предшественницу человеческого языка. Различие между человеческим языком и звуками шимпанзе рассматривается, например, в работе Roman Stopa, Sprachentwicklung der Menschheit, (exemplifiziert durch diejenige in Afrika) und Spracherwerb des Kindes, Lingua Posnaniensis, XI, Poznan, 1966.

¹²² Эта идея может быть выражена также как «оперирование внутренними символами». (См. Roger T. Kelleher, Concept Formation in Chimpanzees, «Science», 1958, № 128, p. 777—778.)

¹²³ Г. Ф. Хрустов, О функциональных предпосылках сознания, сб. Проблемы сознания, М., 1966, стр. 68.

терий отличения человека от его животного предка? Этот вопрос остро встал в связи с новейшими открытиями в области ископаемых предков человека.

На VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук проблема грани между человеком и животным обсуждалась на специальном симпозиуме.¹²⁴ Вполне конкретные проблемы классификации связаны с открытиями Л. Лики и М. Лики на раскопках в районе Олдовая¹²⁵. На их основе Л. Лики, Ф. Тобайас и Д. Напир пришли к выводу, что так называемый презинджантроп является филогенетически промежуточным звеном между человекообразными обезьянами (австралопитеками) и обезьяночеловеками (питекантропами). По их мнению презинджантроп — не обезьяна, а входит в род *Homo*. В то же время он не питекантроп (*Homo erectus*), а существенно отличается от него. Поэтому они предлагали считать его отдельным видом — *Homo habilis* — в роде *Homo*. Геологический возраст *Homo habilis* примерно 2 миллион лет, объем мозга 683 см³, в качестве орудия он использовал оббитые галки (*pebble tools*). Ф. Тобайас специально подчеркивает, что *Homo habilis* преодолел недоступный для обезьяны высший рубеж орудийной деятельности — использование орудия для изготовления другого орудия. *Homo habilis* был творцом «олдовайской каменной индустрии», а *Homo erectus* изготавлял шелльские и ашелльские рубила.

Выделение «человека умелого» в качестве самостоятельного вида вызвало оживленную полемику. Морфологически его можно отнести и к австралопитекам и к людям. Примерно 15 лет тому назад был введен так называемый «мозговой Рубикон» (объем мозга 800 см³), который должен представлять собою грань между обезьяной и человеком. Но эта грань в высшей степени относительна. По данным М. Урынсона¹²⁶ объем мозга у питекантропа яванского составляет 775 см³, у *Homo habilis* 683 см³, у самцов горилл до 752 см³. Объем нормального мозга современных людей варьирует в пределах 800—2300 см³. М. Урынсон справедливо отмечает, что ни несколько лишних десятков кубических сантиметров мозгового вещества, ни строение черепа, зубов или прямая походка не могут быть достаточной морфологической гранью между человеком и нечеловеком¹²⁷.

¹²⁴ В. П. Якимов, Симпозиум «Проблема грани между человеком и животным» на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук, «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965.

¹²⁵ Л. Лики. На 1750000 лет в прошлое человека, сб. Наука и человечество, М., 1963; Ф. Тобайас. Находки древнего человека в Африке, сб. Наука и человечество, М., 1966; М. И. Урынсон, Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе, «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965 г.

¹²⁶ У различных авторов эти данные варьируют.

¹²⁷ «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965, стр. 33.

Вопрос о том, относится ли *Homo habilis* к австралопитекам или входит в *Homo*, является таксономическим вопросом, который решается в рамках антропологии. Но для философии небезынтересны те методологические критерии, по которым предлагают считать *Homo habilis* либо обезьяной, либо человеком. (Практически сложилась ситуация, описываемая Веркором в его известной книге «Люди или животные»¹²⁸).

Действительно, по объему мозга *Homo habilis* был бы обезьяной. Но ученые, считающие его обезьяной (например, Е. Ангелов, М. Нестурх), в то же время признают недостаточность этого морфологического критерия и отмечают, что *Homo habilis* является более прогрессивной формой, находящейся между австралопитеками и питекантропами¹²⁹. По мнению Е. Ангелова, к австралопитекам следует отнести *Homo habilis* формально¹³⁰.

П. Якимов, который отмечает, что морфологические особенности не позволяют отнести австралопитеков к людям, не допускает, вместе с тем существования «мозгового Рубикона». По его мнению, исследователи столкнутся с фактом полной морфологической идентичности «последней обезьяны» и «первого человека»¹³¹. Г. Хрустов, чьи опыты существенно расширили представления об интеллектуальных способностях шимпанзе, но показали также, что шимпанзе не в состоянии использовать орудие для изготовления орудия, считает, что между человеком и обезьяной имеется морфологическая граница, но она неотделима от функциональной¹³². Ю. Г. Решетов, считающий «человека умелого» побочной ветвью эволюции, предлагает для отличия человека и обезьяны понятие аккумуляции информации.¹³³

Итак, при таксономической оценке «человека умелого» обнаруживается связь морфологического критерия с критерием наличия специфической деятельности в области изготовления и использования орудий, т. е. явлением, с точки зрения которого генетически наследуемое является только предпосылкой, потенцией.

В связи с этим встал вопрос об отказе от чисто-морфологического подхода. Уже в сороковых годах некоторые французские исследователи, в том числе и П. Тейяр де Шарден, предлагали исходить в систематике гоминид из показателей психики и социальности. Советские исследователи возражают против такого принципа. Аргументом служит здесь тот факт, что раз-

¹²⁸ Веркор, Люди или животные, М., 1957.

¹²⁹ См. Е. Ангелов, *Homo habilis*, или «человек умелый», «Природа», 1967, № 4.

¹³⁰ Там же, стр. 49.

¹³¹ «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965, стр. 11.

¹³² «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965, стр. 24.

¹³³ Там же, стр. 26.

двоение систематики поставило бы человека вне рамок общей классификации организмов.

Существование «мозгового Рубикона» подвергается сомнению многими зарубежными исследователями. Целесообразное изготовление орудий считается критерием человека и у многих немарксистов. Недостаточность морфологического критерия образно выразил французский нейроморфолог М. Антони. Допустим, говорит он, что перед нами продефилируют предки человека, стоящие близко к «мозговому Рубикону». Сможем ли мы определить, кто из них люди? По-видимому, нет. «Единственный критерий того, что данное существо было человеком, это результаты его деятельности, т. е. орудия труда, изготовленные с помощью свободных рук при направляющей роли мозга»¹³⁴.

Несколько иной точки зрения придерживается Д. Симпсон. Подчеркивая взаимозависимость всех факторов человеческой эволюции, он считает возможным условно выделить из них три главных: 1) анатомический — прямая походка и связанные с ней изменения, 2) в области материальной культуры — изготовление орудий, 3) в области нематериальной культуры — язык¹³⁵. Но уникальность человека он связывает с языком, не имеющим, по его мнению, никаких аналогов у живущих ныне других видов.¹³⁶ Изготовление орудий, по его мнению, имеется и у животных, например, у шимпанзе. Человек как изготовитель орудий отличается тем, что он — разумное животное (*reasoning animal*). В нелингвистической сигнализации (т. е. сигнализации с помощью выражения эмоций) он также констатирует непрерывность развития. Социальные отношения им вообще не рассматриваются. В результате игнорирования роли труда и социальных отношений получается одностороннее подчеркивание биологической сущности человека, резкий разрыв между биологической и культурной эволюцией.

Такие функциональные критерии как изготовление орудия и развитие коммуникации объединяет с морфологическими признаками также профессор антропологии Висконсинского университета Д. Т. Робинсон.¹³⁷ Робинсон предлагает интересное объединение морфологических и других показателей. Он считает целесообразным расширить понятие людей (*genus Homo*) так, чтобы оно охватило и материал, содержащийся в семействе австралопитеков (в отличие от парантропов). Новое, рас-

¹³⁴ Цит. по журн.: «Вопросы антропологии», вып. 19, стр. 33.

¹³⁵ George Gaylord Simpson, *The Biological Nature of Man*, "Science", vol. 152, No. 3721, 1966, p. 476.

¹³⁶ Там же, стр. 477—478.

¹³⁷ J. T. Robinson, *Homo habilis and the Australopithecines*, "Nature", 1965, vol. 205, No. 4967.

ширенное семейство охватило бы всех тех, кто стали пользоваться совокупностью культуры в качестве средства приспособления и привели, таким образом, к возникновению человека как носителя культуры. Линия людей и линия парантропов были бы разделены друг от друга, по крайней мере, начиная с плейстоцена. Редифинированное понятие людей содержало бы только два вида. Первый из них — *Homo transvaalensis* — это формы с относительно малым мозгом, «главным образом пользующиеся орудиями, с относительно малоразвитой коммуникацией и простой социальной структурой». Другой вид — *Homo sapiens* — «формы с большим мозгом, изготавливающие орудия, с несравненно лучшими средствами коммуникации и с сравнительно сложной социальной структурой».¹³⁸ В таком случае вся линия развития, для которой культура является важным средством приспособления, входит в одну линию эволюции и будет представлена двумя видами, определяемыми в терминах двух главных стадий развития культуры.¹³⁹

Если сравнивать постановку вопроса у Д. Робинсона с основным содержанием концепции возникновения человека у Ф. Энгельса (с исключением относящегося к середине XIX века представления о наследовании благоприобретенных признаков), то обнаруживается их идентичность в отношении трех главных факторов, отделяющих человека от животного мира: изготовление орудий, язык (средства коммуникации), социальные отношения.

Итак, современные рассуждения о «мозговом Рубиконе» показывают правильность основного содержания гипотезы антропогенеза Ф. Энгельса. В то же время они демонстрируют, что одностороннее выпячивание морфологии мозга не оправдано. Конечно, без достаточного развития мозга не может быть человеческой культуры. Человек как вид существует вместе с культурой. Другими словами, очеловечивание нашего животного предка неотделимо от способности к культурному творчеству, базирующейся, в первую очередь, на изготовлении орудий с помощью орудий. Идея роли труда в антропогенезе, впервые высказанная марксизмом сто лет тому назад, получает подтверждение в современных данных антропологии.

* * *

В 1915 году, говоря об областях знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика, В. И. Ленин назвал среди других также историю умственного развития животных, физиологию органов чувств. Бурное развитие естествознания в XX веке, в частности, развитие биологии, существенно обога-

¹³⁸ Там же, стр. 123.

¹³⁹ Там же, стр. 124.

тило знания о биологической предыстории и предпосылках человеческого сознания и мышления. В то же время развитие конкретных наук сопровождается всё большей дифференциацией, расчленением и даже распылением единой системы человеческих знаний. Однако, философия обязана считаться не только с данными какой-нибудь одной биологической дисциплины, а с совокупностью знаний, относящихся к «истории умственного развития животных». Эта задача в современных условиях может быть реализована только усилиями довольно больших и организованных научных коллективов. Поэтому естественно, что настоящая статья претендует не на исчерпывающее освещение этих данных, а только на определенную постановку вопроса.

Но и такое, беглое и выборочное, ознакомление с материалом указывает на наличие в биологическом развитии множества тенденций, которые делают закономерным, т. е. при благоприятных условиях весьма вероятным, возникновение разумной жизни, опирающейся на социальное развитие¹⁴⁰.

Поступила в редакцию 15 ноября 1969 г.

¹⁴⁰ См. также статью автора в настоящем сборнике, стр. 205—229.

ПРОГНОЗ В ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Р. Н. Блюм

Разрабатывая свою теорию революцию Маркс и Энгельс постоянно имели в виду цели революционной практики и исходили из убеждения, что революция отнюдь не дело отдаленного будущего. Это убеждение, сформировавшееся уже в ранний период их деятельности, было подкреплено революционным взрывом, потрясшим почти всю континентальную Европу в 1848—49 гг.

Как известно, правильность общественной теории проверяется тем, насколько точно она способна предсказывать ход исторических событий. Если проанализировать марксистскую теорию революции и многочисленные высказывания Маркса и Энгельса по проблемам революционной борьбы в XIX веке с точки зрения их предсказательной силы, то можно выделить два типа прогнозов. Одни, так сказать, — социологические (общие) прогнозы, связанные с главными тенденциями развития капитализма, производительных сил, науки и рабочего движения, другие, так сказать, — эмпирические (конкретные) прогнозы, связанные с развитием конкретной исторической обстановки, международных отношений в данный отрезок времени, с социально-политической конъюнктурой в отдельных странах. Несомненно, первый тип прогнозов представляет наибольшую научную ценность, ибо такие прогнозы опираются на знание основных законов развития социальных организмов, основных законов социального изменения, исходят из существенных процессов общественной жизни. Что касается второго типа, то они имели скорее непосредственно прагматическое значение и лежали в основе определения тактических действий международного революционного рабочего движения¹. Конечно, между двумя этими типами

¹ «Нужно отличать предвидение общего направления исторического развития от предвидения отдельных событий и сроков их наступления. Если первое можно предвидеть с достоверностью, то второе можно лишь предугадать с большей или меньшей вероятностью» (Г. Е. Глезерман, В. И. Ленин и проблемы научного предвидения, «Вопросы философии», 1969, № 4, стр. 22).

прогнозов нет непроходимой пропасти — они тесно связаны между собой. Ясно также, что эмпирические прогнозы в рамках единой теории имеют в качестве своей основы социологические прогнозы.

Социологический прогноз исторического развития с точки зрения возможности и необходимости социальной революции, сформулированный марксизмом, можно коротко свести к следующим основным моментам:

1. Самая абстрактная постановка вопроса. Социальная революция является исторически неизбежной стадией в условиях классово-антагонического общества. Поэтому рано или поздно через нее должны пройти все сколько-нибудь развитые народы мира. Таким образом, уверенность в неизбежности социальной революции опирается на общие законы развития классового общества, раскрытые материалистическим пониманием истории.

2. Более конкретно. Имманентные законы капитализма ведут с необходимостью к его самоотрицанию. Углубление и расширение присущего капитализму противоречия между общественным характером производительных сил и частнособственных отношениями приводит в конце концов к социальной революции, или точнее, к эпохе социальной революции.

Этот процесс четко охарактеризован в известном месте «Капитала» Маркса. Изменяется характер производительных сил, «развивается кооперативная форма процесса труда, ... развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление», растет комбинированный общественный труд и интернациональные экономические связи. Вместе с этим происходит централизация и интернационализация капитала. В результате «централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Они взрываются. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»². Именно таким образом Маркс прогнозирует направление развития с точки зрения экономического аспекта социальной революции.

3. С экономическим аспектом тесно связан классовый аспект социальной революции³. Маркс и Энгельс, как известно, определив основную экономическую тенденцию прогрессивного развития, указали на класс — носителя этой тенденции, исполнителя исторического «приговора», субъекта грядущей социальной

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 772—773.

³ «Точка зрения объективности классовой борьбы» есть ключевая идея марксистско-ленинского подхода к историко-прогностической деятельности». (Hans Schulze, *Marxismus und Geschichtsprognose*, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1968, N 4, S. 433).

революции, — на пролетариат, единственный класс, способный уничтожить частную собственность. Именно в его среде происходят два процесса, которые делают его последовательной революционной силой, с одной стороны, «возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации», а с другой, он постоянно увеличивается, «обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства»⁴.

4. Наконец, Маркс и Энгельс совершенно определенно прогнозировали и третий политический аспект социальной революции. Главным политическим оружием социалистической революции должна быть диктатура пролетариата, которая является средством создания бесклассового и безгосударственного строя. То есть, социальная революция пролетариата не только выполняет историческую функцию освобождения производительных сил человечества от частнособственнических оков, но и открывает дорогу к созданию нового человеческого общества, общества свободы.

5. Сформулированный выше социологический прогноз относится к содержанию процесса социальной революции. Но в работах Маркса и Энгельса мы находим и ряд прогнозических высказываний относительно форм протекания этого процесса. Так совершенно определенно они подчеркивали, что социальная революция пролетариата будет носить не национальный, а интернациональный характер. Еще в «Принципах коммунизма» Энгельс на вопрос: «Может ли... революция произойти в одной какой-нибудь стране?» — отвечал отрицательно, указывая, что «коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах. т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии»⁵. Эта же мысль повторяется в «Манифесте Коммунистической партии» — «соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата»⁶. В дальнейшем Маркс и Энгельс никогда не сходили с этой позиции, и международный характер будущей социальной революции пролетариата был безусловен для всего социал-демократического рабочего движения конца XIX начала XX века.

Международный характер социалистической революции вытекал, по мнению Маркса и Энгельса, во-первых, из интернационального содержания экономических (международная структура экономики) и социальных (интернациональная сущность пролетариата) задач, стоящих перед этой революцией, в противоположность буржуазной социальной революции, которая по

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 772.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 334.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 444.

своему внутреннему существу национальна; во-вторых из того обстоятельства, что революция, победившая в одной стране, окажется перед лицом объединенной коалиции контрреволюционных государств и неизбежно будет подавлена⁷; в-третьих, из особого положения Англии во всем капиталистическом мире, как страны, господствующей на мировом рынке, страны, «о которую разбиваются революционные волны»⁸; наконец, в-четвертых, из внутренних опасностей, возникающих в ходе и в результате победы социалистической революции в одной стране⁹.

К рассмотренному социологическому прогнозу, касающемуся формы социалистической революции, следует присоединить

⁷ К. Маркс писал Ф. Энгельсу 8 октября 1858 г.: «Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество прodelывает еще восходящее движение». Соч., т. 29, стр. 295.

⁸ В. А. Почепко пишет: «Невозможность первоначальной победы социализма в одной, отдельной взятой, «цивилизованной» стране по сути дела обуславливалось той исключительной ролью, которую играла капиталистическая Англия в середине XIX в.» («Маркс, Энгельс, Ленин о мировой социалистической революции». «Вестник Ленинградского университета». № 11, Экономика, философия, право, вып. 2, 1967, стр. 61). Правильно обратив внимание на подчеркивание Марксом и Энгельсом роли Англии, автор, на наш взгляд, без основания упускает из виду комплексность объяснения этого исторического феномена и в силу этого неверно отвергает в качестве одного из факторов возможность создания единого фронта капиталистических стран против страны социалистической революции. Следует иметь в виду, что контрреволюционная роль Англии повисает в воздухе, если не учитывать каким именно образом она будет воздействовать на социалистическую революцию, возникшую в какой-либо отдельной стране. Моделирование любого механизма воздействия связано с созданием такого единого фронта контрреволюционных держав.

⁹ Весьма любопытные соображения по этому вопросу содержатся в письме Энгельса к Лафаргу, впервые опубликованном в 1956 г. Критикуя Лафарга, за стремление представить Францию инициатором и ведущей силой будущего европейского революционного движения по аналогии с буржуазной революцией 1789—1798 гг., и называя это стремление бланкизмом, Энгельс подчеркивает, что «освобождение пролетариата может быть только международным делом». И далее Энгельс пишет, что если революция будет осуществлена в одной стране, то это сделает освобождение пролетариата **невозможным**. «Желать, чтобы Франции в будущем была предназначена такая же роль <как в буржуазной революции — Р. Б.>, значит хотеть извращения международного пролетарского движения, значит сделать Францию, как это делают бланкисты, посмешищем...». Отмечая сходство подобной ситуации с буржуазной революцией, руководство которой единолично осуществляла Франция, Энгельс указывал, что последняя привела к Наполеону, к завоеванию, к вторжению Священного Союза. Итак, по Энгельсу, победа пролетарской революции в одной стране невозможна (Соч., т. 39, стр. 75—76). Нельзя не отметить в этой связи, что Энгельс не предвидел изменений, к которым привело развитие капитализма в период империализма и которые нашли свое отражение в ленинской теории социалистической революции.

соображения Маркса и Энгельса, носящие, так сказать, вероятностный характер. К ним относятся прогнозы относительно мирного или немирного путей развития социалистической революции, о приемлемости или неприемлемости баррикадной вооруженной борьбы, о конкретных формах революционной государственной власти и т. п.

Наряду с социологическими прогнозами, большое место в работах и письмах Маркса и Энгельса занимают эмпирические прогнозы, относящиеся к революционным возможностям того или иного народа, той или другой страны. Эти прогнозы, как уже отмечалось, в решающей степени зависели от конкретной исторической обстановки. Вопрос о роли страны в мировой революции и о том, какая страна станет авангардом революционного движения, решался экономическим и политическим анализом ее положения.

Выше уже говорилось, что анализ конкретной обстановки 40-х гг. прошлого столетия позволил Марксу и Энгельсу довольно точно предсказать революционные события 1848—49 гг. Об этом свидетельствует статья Энгельса «Движения 1847 г.», где он пишет о предстоящей буржуазной революции в европейских странах¹⁰, это можно видеть и из «Манифеста Коммунистической партии», где говорится, что Германия находится накануне буржуазной революции¹¹, это можно прочесть в статье Энгельса «Начало конца Австрии» (январь 1948 г.), где подчеркивается, что австрийский дом находится в состоянии предсмертной конвульсии¹².

После окончания революции 1948—49 гг. некоторое время Маркс и Энгельс полагали, что революция еще не потерпела поражения, произошел лишь ее отлив, а, следовательно, новая фаза революционного подъема — дело ближайшего будущего. Ошибочность прогноза в условиях только что потерпевшей поражение революции, когда еще сохраняется инерция революционной борьбы, когда руководители революционных партий полны решимости и энтузиазма, когда свой собственный активизм они распространяют на массы — вещь широко распространенная в истории революций. Сила Маркса и Энгельса состоит в том, что они, в отличие от подавляющего числа вождей революционных партий, смогли посмотреть правде в лицо, и довольно скоро объявили, что «о действительной революции не может быть и речи»¹³. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции», — лишь тогда он переменял свой

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 460—470.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 459.

¹² Там же, стр. 477.

¹³ Там же, т. 7, стр. 467.

взгляд. И, переменив взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики...»¹⁴.

В пятидесятых годах XIX в. Маркс и Энгельс в основном придерживались «кризисной» теории революции, поэтому их прогнозы относительно новой европейской революции связывались с неизбежным наступлением нового экономического кризиса. Процветание губительно для революции, «ярость государей и негодование народов в равной мере смягчаются, как только в воздухе повеет процветанием»¹⁵. А в письме к Марксу от 25 января 1858 г. Энгельс с горечью революционера, теряющего шансы на революцию, восклицает: «Будь проклято это улучшение!»¹⁶. Другим фактором, ускоряющим революционное потрясение, по их мнению, является война, хотя ее воздействие не всегда может быть однозначным. «Война... приведет к серьезным, а в конечном счете, наверняка, и к революционным последствиям». Но путь от войны к революции достаточно сложен и «... в первую очередь, она окажет... во всех отношениях контрреволюционное действие»¹⁷.

Поскольку оба этих фактора постоянно угрожали капиталистическому миру, то ясно, чем подкреплялась уверенность в скором революционном взрыве, революционный оптимизм. Может быть, лучше всего он виден из следующих слов Энгельса: «... не следует забывать, что в Европе существует шестая держава, которая в определенные моменты заявляет о своем главенстве над всеми пятью так называемыми «великими» державами и заставляет дрожать каждую из них. Держава эта — Революция. Она долго молчала и отступала, но теперь торговый кризис и голод снова зовут ее на поле битвы. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Пешта — всюду чувствуется ее присутствие, всюду поднимает она голову и пробуждается от дремоты. Многообразны симптомы того, что она вновь возрождается к жизни; они проявляются повсюду в волнениях и беспокойстве, охвативших пролетариат. Достаточно будет одного сигнала, чтобы эта шестая и величайшая из европейских держав выступила вперед в блестящих доспехах и с мечом в руках, подобно Минерве, выходящей из головы Олимпийца. Этот сигнал будет дан надвигающейся европейской войной, и тогда все расчеты на равновесие держав будут сорваны появлением нового фактора, который своим вечно жизнеутверждающим и юношеским порывом опрокинет планы старых

¹⁴ В. И. Ленин, Русская революция и задачи пролетариата, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 211—212.

¹⁵ К. Маркс, Революция в Китае и в Европе. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 105.

¹⁶ Там же, т. 29, стр. 216.

¹⁷ Маркс — Фердинанду Лассалю, 4 февраля 1859 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 472.

европейских держав и их генералов, как это было в 1792—1800 годах»¹⁸.

Война, как известно, действительно вспыхнула, с этой точки зрения прогноз оказался точным, но революции за ней не последовало. Тем не менее в результате войны резко обострились политические противоречия, ослабили позиции правящих групп, в особенности во Франции, где, по словам Энгельса, «Бонапарт очень быстро катится под гору»¹⁹.

С 1856 г. Маркс и Энгельс особое внимание уделяют положению во Франции, которое они считают предреволюционным²⁰. Это внимание многократно усиливается, когда разворачивается новый торговый и промышленный кризис. Положение во многом напоминало предреволюционную обстановку перед европейским потрясением 1848—49 гг. Поэтому прогноз строился по аналогии с событиями того времени. Тем более, что революция 1848—49 гг. осталась незавершенной, и задачи буржуазного преобразования оставались в повестке дня многих европейских стран, иными словами, продолжали действовать те же факторы и тенденции, которые в свое время вызвали революцию и на основе которых можно было высказать достаточно адекватный прогноз.

Понятно поэтому, что мы встречаем довольно определенное заявление, что «этим летом бонапартовский карточный домик разрушится, по-видимому, таким же образом, как луи-филипповский в скандальном 1847 г., и уже только от случая будет зависеть, когда именно налетит порыв ветра, который окончательно опрокинет стены»²¹. Или, пишет Маркс: «По моему мнению, Бонапарту вряд ли удастся избежать приостановки платежа наличными, а тогда — плыви галера!»²². «Как раз то же самое было в мае 1847 года»²³. «Бустрапа (Наполеон II) вряд ли сможет благополучно пережить 1857 г.»²⁴. Об авангардной революционной роли Франции (подобно 1848 г.) речь идет во многих письмах и статьях²⁵.

Уверенность в том, что 1857—58 гг. будут годами революции основывалась не только на анализе политического и экономического положения Франции, но и на внимательном изучении острой обстановки в других европейских странах. «На сей раз это

¹⁸ Ф. Энгельс, Европейская война. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 6.

¹⁹ Энгельс — Марксу, 7 февраля 1856 г. Там же, т. 29, стр. 4.

²⁰ См. подробный обзор в статье: Э. А. Желубовский, История второй империи в произведениях Маркса, Сб.: «Маркс-историк». М., 1968, стр. 319—328.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 5.

²² Маркс — Энгельсу, 16 октября 1856 г. Там же, стр. 61.

²³ Маркс — Энгельсу, 24 ноября 1857 г. Там же, стр. 176.

²⁴ Маркс — Энгельсу, 25 декабря 1857 г. Там же, стр. 197.

²⁵ См. Там же, стр. 66, 121, 185, 252, т. 10, стр. 56, 245, 411.

будет *dies irae* как никогда раньше, — писал Энгельс Марксу (не ранее 27 сентября 1856 г.), — вся европейская промышленность в полном упадке; все рынки переполнены (в Индию уже теперь ничего больше не отправляют), все имущие классы втунуты, полное банкротство буржуазии, война и полнейший беспорядок. Я тоже думаю, что все это исполнится в году 57-м»²⁶.

Таким образом понятая обстановка предопределяла и личные планы Маркса и Энгельса. На основе опыта прошедшей революции они хорошо понимали, какую роль играет энергичное и знающее руководство, «голова» революции, и поэтому готовились к непосредственной борьбе. «Нам нужно «паковать наши чемоданы» — писал Энгельс Марксу 14 апреля 1856 г.²⁷. «Мобилизация» наших особ не за горами»²⁸ — отвечал ему Маркс 26 сентября этого же года. «Я работаю, как бешеный, ночи напролет, — писал Маркс, — над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»²⁹.

Хотя Маркс и Энгельс довольно точно предсказали ряд крупных исторических событий (война, кризис), и впоследствии даже революцию³⁰, хотя они оказались правы в предвидении обострения социальных противоречий и классовой борьбы, все же в основном прогнозе они ошиблись — ожидаемая революция не произошла ни в 1857, ни в 1858 гг.

Ошибочность прогноза, на наш взгляд, вытекает, во-первых, из того, что он был основан на переоценке зрелости капитализма и рабочего класса. Впоследствии (1895) Энгельс писал. «История показала, что и мы и все, мыслившие подобно нам, были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и впервые действительно утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, — и все это на капиталистической основе, которая, таким образом, в 1848 г. обладала еще очень большой способностью к расши-

²⁶ Там же, стр. 60.

²⁷ Там же, стр. 32.

²⁸ Там же, стр. 59.

²⁹ Маркс — Энгельсу, 8 декабря 1857 г., Там же, стр. 185.

³⁰ Так например, в феврале 1861 г. Энгельс писал, что если в Европе вспыхнет война между Францией и Германией, то «хотя ни одна из сторон не заслуживает никакой симпатии, в результате все равно произойдет революция, какая бы из сторон ни потерпела поражение». («Движение в Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 249). Так оно в действительности и произошло в ходе Франко-Прусской войны 1870—71 гг.

рению»³¹. Во-вторых, из того, что прогноз основывался на односторонней, а, следовательно, неверной «кризисной» теории революции, прямолинейно связывающей революционный взрыв с кризисом перепроизводства, голодом, обнищанием, бедствием народных масс. В-третьих, из того, что среди условий, вызывающих революцию, мало внимания уделялось зрелости субъективного фактора (организации пролетариата и других революционных сил, деятельности пролетарской партии, сознательности и т. п.). И, наконец, в-четвертых, из того, что недостаточно учитывались изменения исторической обстановки, произошедшие со времени 1848 г., не принималась в должной мере во внимание способность господствующих классов и их правительств учиться на опыте революции и совершенствовать свою контрреволюционную тактику. Отсюда стремление представить ход будущей революции по аналогии с прошедшей и более ранними революциями.

В 60-х гг. Маркс и Энгельс преодолевают «кризисную» теорию революции, одновременно они избавлялись от иллюзий, «что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат»³². Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить анализ кризисов 50-х гг. с кризисами 60-х гг. Ход последних уже не связывается столь жестко с революционными взрывами. Кроме того, эмпирические прогнозы развития революционного движения в тех или иных странах, которые в 50-х гг. носили достаточно определенный характер, связанный с указанием тех или иных сроков, в последующем принимают куда более вероятностный характер.

В конце 80-х и 90-х гг. в работах и письмах Энгельса вновь высказывается уверенность в ближайшем наступлении революции в Европе, при этом прогнозы опять приобретают вид предсказаний с назначением конкретных сроков. Так в 1889 г. Энгельс пишет: «если я не ошибаюсь, приближается решающий момент борьбы... не позднее чем через 4—5 лет произойдет кризис, который, я надеюсь, приведет нас к победе»³³. В 1891 г. он удлинит срок: «мы почти с абсолютной уверенностью можем сказать, что лет через десять придем к власти»³⁴. Еще через год: «следующая революция, которая подготавливается в Германии с последовательностью и настойчивостью, не превзойденными нигде более, придет сама собой и в свое время,

³¹ Ф. Энгельс, Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 535.

³² Маркс — Энгельсу, 18 апреля 1863 г., Там же, т. 30, стр. 280.

³³ Энгельс — Эдуарду Мари Вайяну, 5 декабря 1889 г. Там же, т. 37, стр. 435.

³⁴ Энгельс — Августу Бебелю, 24—26 октября 1891 г. Там же, т. 38, стр. 162.

скажем, в 1898—1904 гг.»³⁵. До конца жизни Энгельс сохраняет уверенность в том, что на рубеже XIX и XX веков вспыхнет революция. В одном из писем 1893 г. мы читаем: «Лет пять-шесть, возможно, еще отделяют нас от кризиса»³⁶. А незадолго перед смертью он пишет: «Конец века принимает решительно революционный оборот... Во Франции банда мошенников, которая управляет страной... не будет слишком долго пользоваться поддержкой. То же и в Италии. ... В Германии все идет к кризису... А в России маленький Николай поработал на нас, сделав революцию абсолютно неизбежной»³⁷.

Сравнивая прогнозы 90-х гг. с прогнозами 50-х г. следует отметить, что первые опираются на значительно более разработанную и зрелую теоретическую основу. Они неизмеримо больше учитывают постоянно изменяющуюся историческую обстановку, несут не необходимый, а вероятностный характер. В этой связи очень важны слова Энгельса из письма к А. Бебелю: «В отчетах тебе приписывают слова, что я будто бы предсказывал крушение буржуазного общества в 1898 году. Это какое-то недоразумение. Я сказал лишь: возможно, что к 1898 г. мы придем к власти. Если этого не случится, старое буржуазное общество может продолжать еще некоторое время свое существование, пока толчок извне не разрушит это гнилое здание. Такое прогнившее старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет после того, как по существу уже отживет свой век, если воздух останется спокойным. Таким образом, предсказывать заранее что-нибудь подобное я бы, разумеется, поостерегся. Напротив, наш возможный приход к власти — это простое вычисление, согласно математическим законам, исходя из теории вероятностей»³⁸. Именно такой подход позволил Энгельсу предсказать довольно точно революционный подъем начала XX в.

Далее сравнение показывает, что ошибки в конкретном прогнозировании имеют корни не в преувеличении роли экономических и социальных процессов (объективной стороны), как это было в 50-х гг., а в известном преувеличении сознательности, организованности и революционной готовности рабочего класса и его партии (субъективной стороны), преувеличении, основывающемся на реальных успехах и росте международной социал-демократии, в первую очередь, немецкой.

³⁵ Энгельс — Лауре Лафарг, 5 декабря 1892 г. Там же, ст. 464—465.

³⁶ Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1893 г. Там же, т. 39, стр. 122.

³⁷ Энгельс — Эдуарду Вайяну, 5 марта 1895 г. Там же, т. 39, стр. 348—349.

³⁸ Там же, т. 38, стр. 163.

Рассматривая перспективы революционного движения в Европе, Маркс и Энгельс в разные периоды своей деятельности выдвигали различающиеся между собой модели предполагаемого хода европейской революции. В 50-х гг. модель прогнозируемой революции строилась по образцу революций 1848—49 гг.: роль революционного авангарда предназначалась Франции, затем революция распространится на Германию, Австрию, Италию и, наконец на Англию, которая своим вступлением на революционный путь обеспечит победу революции (в 1848 г. этого не случилось, именно это обстоятельство было важнейшей причиной поражения). В 60-е гг. модель претерпевает существенные изменения, в первую очередь, за счет расширения географии революции. «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, ... и, с другой стороны — движение рабов в России ... Так началось «социальное» движение на Западе и на Востоке. Вместе с предстоящим крахом в Центральной Европе это будет грандиозно»³⁹. — писал Маркс Энгельсу в январе 1860 г. Но модель изменяется не только экстенсивно, но и, так сказать, интенсивно. И можно только присоединиться к мнению Е. Петрова, который пишет: «Маркс устремляет свое внимание на те территории и на те хозяйственные отношения, значения которых с революционной точки зрения он в такой мере прежде в расчет не принимал: Россия и Американский Юг, великорусские и ирландские земельные отношения и живущее при них крестьянство теперь все более и более останавливают на себе внимание Маркса»⁴⁰.

Анализ положения в странах, где на первый план выступили докапиталистические противоречия, означал существенное дополнение к марксистской теории социальной революции, расширяющее и углубляющее ее, позволяющее по-новому взглянуть на весь механизм мировой революции. На основе этого анализа Маркс формулирует весьма важный тезис: «... социальная революция серьезно должна начаться с самых основ, то есть с земельной собственности»⁴¹. А раз это так, то в социальной революции важную роль должны сыграть страны типа России, Ирландии, в определенной мере и Германии. В соответствии с этим существенным образом изменилась и

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 30, стр. 4.

⁴⁰ Е. Петров, Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса, Л., 1925, стр. 49.

⁴¹ Маркс — Людвигу Кугельману, 6 апреля 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 452. В свете этих важных положений становится очевидным, насколько беспочвенны, если не сказать хуже, нередко встречающиеся в литературе утверждения, что Маркс «отводил крестьянству самое низкое место в революционной шкале» (Е. Н. Carr, Michael Bakunin, N.-Y. 1961, p. 185.) и что это «сельское население в глазах Маркса было всегда оплотом контрреволюции» (p. 186).

модель европейской революции. «Французской инициативе» перестает придаваться прежнее значение, хотя Франция продолжает рассматриваться как важное звено. Пионером революции становятся в этой модели страны, находящиеся на европейской периферии. Германии придается куда большее значение, чем в предыдущей модели⁴². Лишь Англия занимает прежнее место как страна «метрополии капитала».

В этой связи интересен подход Маркса и Энгельса к ирландскому вопросу. Ирландию они рассматривали как страну, где созрели все условия для социальной революции, «хотя и в устаревших формах». Но социальная революция в Ирландии должна решить не только национальные задачи. Ее всемирное значение будет состоять в том, что она неизбежно ускорит социальную революцию в Англии, в стране, обладающей «всеми необходимыми материальными предпосылками» для нее⁴³. Поэтому для английского пролетариата «национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеческого, но первым условием его собственного социального освобождения»⁴⁴.

Особое место в новой модели европейской революции отводилось России. Если раньше Россия рассматривалась главным образом и почти исключительно как оплот европейской контрреволюции, как международный жандарм, стоящий на страже всех реакционных режимов против «угрозы» революции, то с конца 60-х и начала 70-х гг. картина меняется. Продолжая считать царское самодержавие одной из главных контрреволюционных сил в Европе, Маркс и Энгельс все в большей степени начинают подчеркивать международное, всеевропейское значение назревающей в России народной революции. «Маркс и Энгельс сумели увидеть в России страну новой революционной инициативы, которая должна была сыграть решающую роль в наступившую новую полосу исторического развития»⁴⁵.

«От Ирландии до России один только шаг» — писал Энгельс Марксу 24 октября 1869 г.⁴⁶ Это следует понимать в том

⁴² «Я твердо убежден, что, хотя первый толчок будет исходить из Франции, Германия гораздо больше созрела для социального движения и далеко обгонит французов». Там же, стр. 363.

⁴³ К. Маркс, Конфиденциальное сообщение. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 435—438.

⁴⁴ Маркс — Зигфриду Мейеру и Августу Фогту, 9 апреля 1870 г. Там же т. 32, стр. 558—559. См. подробнее об этом статью Л. И. Гольмана «Ирландский вопрос в I Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма» в сб. «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955.

⁴⁵ Р. Конюшая, Маркс и русская революция. «Коммунист», 1966, № 16, стр. 70.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 304.

смысле, что подобно ирландской аграрной революции, которая должна сыграть роль запала английской пролетарской революции, русская революция может выполнить ту же миссию для Европы. Совершенно недвусмысленно высказывается об этом Маркс в письме к Лауре и Полю Лафаргам 5 марта 1870 г.: «... в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это — хорошие вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия»⁴⁷.

Описанная модель 60-х гг. (вторая) занимает промежуточное, переходное место между моделью 40—50-х гг. (первой) и моделью 70—90-х гг. В ней намечены все основные элементы, которые ясно определились уже после франко-прусской войны в семидесятые и восьмидесятые годы.

Существенные изменения исторической обстановки в Европе, а также более глубокий анализ социально-экономических, политических и идеологических отношений, как базиса социальной революции, привели Маркса и Энгельса к формулировке новой (третьей) модели европейской революции. В этой модели решающее значение придается Германии, которой отводится та же роль, какую должна была играть Франция в первой модели⁴⁸, правда, не столько как инициатору революции, сколько как ее главной силе на континенте Европы. Что касается инициатора, то эта роль достаточно устойчиво отводится России⁴⁹. Революция в России не только должна устранить главную контрреволюционную силу, направленную против любого революционного движения, но и окажет огромное революционизирующее воздействие на другие страны, в первую очередь, на Германию. «Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия, — пишет Энгельс Бебелю 15 октября 1875 г. — ... По-

⁴⁷ Там же, стр. 549.

⁴⁸ «Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию» — писал Маркс и Энгельс в письме комитету социал-демократической рабочей партии в августе 1870 г., специально выделяя в тексте эту мысль (Соч., т. 17, стр. 273). «Если судить по теперешнему положению вещей, разве не может оказаться, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?» — спрашивал Энгельс (Соч., т. 22, стр. 320). Подробнее об этом см.: С. В. Оболенская, Карл Маркс о путях исторического развития Германии после революции 1848 г., Сб.: «Маркс — историк», М., 1968, стр. 347—369.

⁴⁹ Подробнее о взглядах Маркса на русскую революцию см. Р. Кошюш а я. Указ. статья; Б. С. Итенберг, Маркс за изучением социально-экономической истории пореформенной России, Сб.: «Маркс — историк», стр. 370—403 (есть библиография).

ложительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс»⁵⁰. Социальный переворот в такой стране неизбежно ускорит «резкий перелом во всей Европе»⁵¹, «пусть только в Петербурге соберется национальное собрание — и лицо всей Европы изменится»⁵². В письме к старому соратнику по революционной борьбе И. Ф. Беккеру Энгельс восклицает: «Итак, смелее вперед! А между тем в России дела идут прекрасно, и это самое главное. Если там произойдет взрыв, то и Вильгельму придется складывать пожитки»⁵³. Через семь лет в 1886 г. Энгельс специально разъясняет Бебелю взгляды Маркса на европейскую революцию: «Маркс утверждал, что как только рухнет старая система в России — безразлично, благодаря кому — и будет создано представительное собрание — все равно, какое, — будет положен конец русской завоевательной политике, так как тогда внутренние вопросы подчинят себе все остальные. А воздействие, которое окажет на Европу падение этой последней цитадели реакции, будут огромным; в первую очередь почувствуем это мы в Германии»⁵⁴. Все это будет означать поворотный пункт во всемирной истории⁵⁵, поскольку «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе...»⁵⁶.

Больше всего указаний на роль России как инициатора европейской революции встречается во второй половине семидесятых и в первой половине восьмидесятых годов⁵⁷. Но Энгельс продолжал отстаивать ту же точку зрения и в последние годы своей жизни. Об этом свидетельствуют слова из письма к А. Зорге 10 ноября 1894 г.: «... если заварится каша в России, то и молодому Вильгельму доведется увидеть кое-что новое. Тогда над всей Европой повеет либеральный ветер, который теперь может быть нам только кстати»⁵⁸.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 130.

⁵¹ Маркс — В. Либкнехту, 4 февраля 1878 г. Там же, стр. 246.

⁵² Энгельс — И. Ф. Беккеру, 11 января 1878 г. Там же.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 285.

⁵⁴ Там же, стр. 446.

⁵⁵ Энгельс — И. Ф. Беккеру, 19 февраля 1879 г., Там же, т. 34, стр. 344.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Соч., т. 19, стр. 305.

⁵⁷ См., например: Там же, т. 35, стр. 99, 227, 234, 304; т. 36, стр. 93, 103, 218, 417, 464, 468, 474, 477, 536, 540, 542; т. 37, стр. 4—6, 20.

⁵⁸ Необходимо указать, что в 1893—94 гг. в некоторых письмах Энгельс обсуждает другой возможный вариант европейской революции; несомненно вызванный успехами социал-демократического движения в Бельгии и Австро-Венгрии, а также личными впечатлениями Энгельса от поездки в Германию и Австро-Венгрию в августе-сентябре 1893 г. По этому варианту «подготовительную роль сыграют Бельгия и Австрия, развязка же произойдет в Германии». (Энгельс — А. Бебелю, 12 октября 1893 г. Соч., т. 39, стр. 122). При этом он не сбрасывает со счета и возможность возвращения револю-

Маркс и Энгельс не ограничились констатацией революционной роли России в будущей европейской революции. Они предсказали характер социально-экономических и политических изменений, которые должны последовать в результате «грандиознейшей социальной революции». Выше уже была приведена мысль Маркса, что эта революция будет осуществляться в «начальных формах», соответствующим уровнем развития страны, т. е. она по необходимости должна разворачиваться как буржуазно-демократическая, крестьянская революция, напоминающая Великую французскую революцию. Будет русский 1789 г., но будет и русский 1793 г. «Господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию»⁵⁹. Но и на буржуазных преобразованиях революция не остановится, она пойдет дальше, и в конце концов должна будет «привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»⁶⁰.

ционной инициативы к Франции. «Если господа французы не будут пастороже и в скором времени не вернуться снова к своей старой традиции революционной инициативы, то может случиться так, что австрийцы ее перехватят у них и при ближайшей возможности дадут движению первый толчок». (Энгельс — Ф. А. Зорге, 7 октября 1893 г. Соч., т. 39, стр. 113). Нельзя не отметить также, что этот вариант был навеян, кроме указанных причин, также прямой аналогией с революционными событиями сороковых годов XIX века, когда почин революции был положен маленькими государствами, такими как Швейцария, Пьемонт, Тоскана и т. п. Все же обсуждение этой новой модели не было сколько-нибудь широким и ограничилось замечаниями в письмах к Л. Лафарг, В. Адлеру, А. Бебелю, Ф. А. Зорге, Э. Вандервельде (Соч., т. 39, стр. 107, 113, 117, 118, 121—122, 253).

⁵⁹ К. Маркс, Об освобождении крестьян в России. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 701. В письме к Даниельсону 17 октября 1893 г. Энгельс критикует П. Струве, сравнившего развитие капитализма в России с США. Отметив, что в России несравненно больше остатков докапиталистических отношений (родовое общество, натуральное хоз-во), которых в США в помине не было, он делает вывод: «Поэтому ясно, что в России эта перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке», Соч., т. 39, стр. 128. Далее он пишет: «Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасной ломки общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе. Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко». Там же, стр. 129.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Председателю славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в Лондоне в честь годовщины Парижской Коммуны, Соч., т. 19, стр. 252. Трудно согласиться с утверждением В. А. Почепко, что Маркс и Энгельс отказывались дать определенный ответ о дальнейших путях России и подобных ей стран после буржуазно-демократи-

В этой связи интересно письмо к Вере Засулич, датированное 23 апреля 1885 г., в котором обсуждались проблемы, поставленные Г. В. Плехановым в его книге «Наши разногласия». По мнению Энгельса, Россия приближается к своему 1789 году. Ситуация такова, что революция «может разразиться каждый день». И здесь налицо исключительный случай, «когда горсточка людей может сделать революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и высвободить актом, самым по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге».

Пожалуй, эта оценка Энгельса является слишком оптимистичной. Она — результат, несомненно, неверной информации, поставленной «друзьями из народолюбцев». Развитие событий показало, что «бланкистская фантазия» оказалась фантазией и для России и исключительный случай не осуществился и не мог осуществиться.

Тем не менее, Энгельс высказывает очень глубокие соображения относительно возможного развития революции в России вообще. Вот они: «В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое полжжение огромной массы народа становится из дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации — стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год»⁶¹.

Обычно, когда идет речь о марксистских взглядах на мировую революцию, подчеркивается, что, с одной стороны, она должна произойти более или менее одновременно во всех глав-

ской революции. (Указ. статья, стр. 62). Ссылки на первоисточники основаны на недоразумении, ибо в одном случае (Соч., т. 35, стр. 298) речь идет не о России, а о колониальных «полудивилизованных» странах, которые должны проделать значительный путь до социалистической организации, а в другом (Соч., т. 19, стр. 120), Маркс выступает лишь против попыток превратить его «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути». Что касается ответа Маркса и Энгельса, то он достаточно определен в приведенной цитате. Можно было бы к этому добавить соображения Маркса насчет судьбы русской общины. Разве это не ответ на вопрос о дальнейших путях?

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 260—263.

ных капиталистических странах, а, с другой, она должна быть по своей сущности социалистической. Общим местом для почти всех буржуазных и социал-демократических интерпретаций марксовской теории социальной революции является признание точки зрения, согласно которой решающим условием революционного взрыва выступает экономическая зрелость страны и поэтому социальная революция пролетариата оказывается возможной лишь в самых развитых государствах. Действительно, Маркс и Энгельс придавали большое значение зрелости объективных условий социалистической революции. Но вопрос далеко не так прост, как он может показаться с первого взгляда. Ограничиться констатацией этой общей связи — высокий уровень экономического развития (зрелость условий) — социалистическая революция — значит упрощать настоящие взгляды Маркса и Энгельса и, пожалуй, в известной степени их примитивизировать. Чтобы представить себе истинную картину, необходимо, на наш взгляд, учитывать по крайней мере, три фактора. Первый — для Маркса и Энгельса, мировая революция — это не единообразный социальный переворот, в котором все страны проходят одинаковые стадии развития или даже проходят через один и тот же тип социальной революции. Нет, мировая революция есть совокупность революционных процессов разных типов — она включает не только социалистические революции (которые, естественно, играют ведущую и определяющую роль), но и буржуазно-демократические (Россия, Ирландия). Да и в развитых буржуазных странах революция возможно не сразу станет социалистической, а пройдет через этап демократический, этап «чистой демократии»⁶².

Второй — революция скорее возможна не в странах, которые прошли через все стадии промышленного развития, а в тех, где это развитие лишь, так сказать, в «полном разгаре», не в странах, завершивших переход к крупной промышленности (типа Англии и Франции), а в странах промышленно отсталых, с промышленностью «ковыляющей позади других стран». В этой связи представляют огромный интерес письма Энгельса к А. Бебелю (11—12 декабря 1884 г.) и К. Каутскому (8 ноября 1884 г.), которые почти идентичны по содержанию. В этих письмах Энгельс утверждает, что революция более вероятна в Гер-

⁶² Энгельс указывал, что при каждой революции «самая сговорчивая из партий... привлекается к власти именно потому, что побежденные видят в ней последнюю возможность спасения. Мы не можем рассчитывать на то, что уже к моменту кризиса на нашей стороне окажется большинство избирателей, то есть нации. Вся буржуазия и остатки феодального имущего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения сплотятся тогда вокруг крайней буржуазной партии, которая будет на словах весьма революционна, и я считаю вполне возможным, что эта партия будет представлена во временном правительстве и даже на некоторое время образует в нем большинство». (Энгельс — А. Бебелю, 11—12 декабря 1884 г. Соч., т. 36, стр. 217).

мании, чем в Англии и Франции потому, «что успеху нашего дела особенно способствует именно промышленная отсталость Германии». В Англии и Франции, где «переход к крупной промышленности почти закончен» «буржуазное, капиталистическое» развитие оказалось сильнее, чем революционное противодействие». В результате экспроприации мелкого крестьянина и ремесленника в движение вовлекаются новые территории и новые силы. В Германии образовался «совершенно свежий, нетронутый, не деморализованный поражениями пролетариат». Иными словами, «вся Германия революционизируется гораздо основательнее, чем Англия или Франция». Если к этому добавить, что Маркс дал «германскому пролетариату такую программу, какой никогда не располагали его предшественники — англичане и французы», — то преимущества германской революционного движения становятся очевидными⁶³.

В. И. Засулич в письме к Г. В. Плеханову следующим образом передает аналогичную мысль Энгельса: «Счастье Германии, что политическая буржуазная революция в ней так запоздала, что досталась на долю уже проснувшегося рабочему классу. Это не дает немецкому рабочему классу уйти в чисто ремесленную борьбу, как английский, поддерживает в нем общественно-политические интересы. То же счастье предстоит и России...»⁶⁴.

Итак, тезис, сформулированный Энгельсом, предельно ясен — реальная возможность революции определяется не самой по себе высотой развития капиталистических отношений, а острой социальной противоречий, которые как раз характерны для стран, не закончивших свое капиталистическое развитие. Этот тезис опровергает широко распространенные утверждения, что социалистическая революция в России в 1917 г. совершилась не по-марксистски, вопреки принципам и прогнозам классического марксизма.

Наконец, третий фактор — всякая социальная революция есть не разовый, однократный акт, а достаточно длительный исторический процесс. И эта особенность присуща, по мнению Маркса и Энгельса, не только революциям прошлого, но и революциям будущего, а, следовательно, и пролетарской революции. Казалось бы, сам по себе фактор длительности ничего не добавляет к пониманию рассматриваемой проблемы. Но это не так. Длительность революции в классическом марксизме несомненно связывалась со сложностью самой революционной динамики, с комплексным характером революционного процесса. Комплексность означает, что перед революцией стоят огромные задачи как в области преобразования социально-экономической

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 198, 199, 215, 216, 217.

⁶⁴ Там же, т. 39, стр. 435—436.

структуры, так и в сфере переделки и формирования нового человека. Как раз последняя задача представляет наибольшие трудности и требует значительного времени. Отсюда ясна несостоятельность грубых представлений, согласно которым Маркс и Энгельс будто бы считали, что экономическая зрелость страны сама по себе обеспечивает прямой переход к социализму, и на долю революции остается, собственно, немного работы. Что касается сложности революционной динамики, то, как уже об этом говорилось выше, ни Маркс, ни Энгельс не считали, что пролетариат сразу же придет к власти. Еще в 50-х гг. они развивали этот тезис в теории перманентной революции, согласно которой пролетариат приходит к власти лишь на заключительном отрезке длительного революционного пути. В 1883 г. в письмах к Бебелю и Бернштейну Энгельс особо подчеркивал, что было бы грубой ошибкой представлять себе, «будто революцию можно сделать в один день»⁶⁵. Он указывал на ошибочность убеждения, «что если будет свергнут нынешний режим, то мы приведем к власти. Это чепуха. Революция — длительный процесс, сравним 1642—1646 и 1789—1793 гг., и для того, чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии должны поочередно прийти к власти и обанкротиться. Тогда придет наша очередь, и возможно, что мы еще раз временно потерпим поражение, хотя при нормальном ходе вещей я считаю это маловероятным»⁶⁶. Таким образом, между началом революции и приходом пролетариата к власти с необходимостью лежит значительный отрезок времени, или, иными словами, революция на первых ее этапах не будет социалистической, обстоятельство, которое полностью игнорируется в буржуазной литературе, интерпретирующей марксистскую теорию революции.

Между прочим, Маркс и пролетарскую революцию рассматривал как сложный, длительный и противоречивый процесс. В известном месте своего «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», сравнивая буржуазные революции с социалистическими, он писал: «Буржуазные революции ... стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции ... постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость.

⁶⁵ Энгельс — А. Бебелю, 30 августа 1883 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 49.

⁶⁶ Энгельс — Э. Бернштейну, 12—13 июня 1883 г. Там же, стр. 33.

слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно: *Hic Rhodus, hic salta!*»⁶⁷

Вернемся к рассмотрению третьей модели мировой революции. Итак, по этой модели — «русский — начинает, немец — продолжает, француз — подхватывает, англичанин — завершает», России отводится роль инициатора, Германии — главной силы европейской революции. Германия рассматривается как главная сила не только в силу отмеченных выше объективных обстоятельств, но и в силу, и это, пожалуй, даже важнее, вытекающих из них и в то же время имеющих самостоятельное значение, субъективных обстоятельств, так как в этой стране в последней четверти XIX столетия значительно больше других стран созрели субъективные факторы революции: предварительная организация, распространение знаний среди пролетариев, широкая пропаганда среди рабочих, без чего «революция, даже начатая успешно, обернулась бы, в конечном счете, против них»⁶⁸. Относительно роли Франции в этой модели следует сказать, что Энгельс предостерегал французских социал-демократов от распространенных иллюзий о французах как «избранном революционном народе». Франция, с его точки зрения, не может быть ни инициатором, ни играть определяющую роль в европейской революции. «Это противоречит экономическим и политическим фактам сегодняшнего дня»⁶⁹. Англия продолжает занимать в третьей модели то же место, что и в предыдущих. Но вследствие особых условий этой страны для ее включения в революционный процесс необходимо резкое изменение внешних обстоятельств, по меньшей мере, революция на континенте Европы.

Таковы в общих чертах эмпирические прогнозы классического марксизма относительно развития мирового революционного процесса. Противники марксизма, акцентируя внимание на ошибках в эмпирических прогнозах, вообще отрицают научную значимость всех прогнозов Маркса и Энгельса, а следовательно, научную значимость марксистской теории революции. Они рассматривают прогнозы и теорию не как результат научного анализа, а как следствие утопических идеалов, эсхатологических представлений и т. п. Еще П. Струве писал в конце прошлого

⁶⁷ Там же, т. 8, стр. 122—123.

⁶⁸ Маркс — Г. М. Гайндману, 8 декабря 1880 г., Там же, т. 34, стр. 383.

⁶⁹ Энгельс — П. Лафаргу, 27 июня 1893 г. Там же, т. 39, стр. 76.

века: «Если мы будем спрашивать о происхождении понятий «социальная революция», «крах капиталистического общества», и т. д., то невозможен другой ответ на этот вопрос, кроме следующего: это теоретические псевдопонятия есть практически-политические постулаты социализма, выросшие из неизбежно вводящих в заблуждение стремлений»⁷⁰. Понятие «социальной революции», по Струве, пришло в марксизм не поскольку он научен, а поскольку он выступает как социальный идеал, регулятивная утопическая идея. «Оно означает последовательно продуманный отказ от основных положений марксизма»⁷¹. На таких же позициях стояли и другие ревизионисты (Э. Бернштейн, К. Шмидт и др.).

Современные критики марксизма очень часто употребляют те же самые аргументы. За учением о революции стоит не научный анализ, а эсхатологическое религиозное чувство, корнящееся в наследии предков-раввинов и носящее подсознательный характер — пишет Т. Шидер⁷². В марксизме, утверждает Л. Лабез, «миллениаристические ожидания более важны для революционной идеологии, чем любое число рациональных анализов социальных отношений»⁷³. Количество таких высказываний можно было бы значительно увеличить, так как подобная интерпретация марксизма широко распространена. Может быть, стоит указать на не столь давно вышедшее объемистое психоаналитическое исследование марксолога Арнольда Кюнцли, которое в особенности выделяется своей искусственностью, натяжками и упрощениями⁷⁴. Автор выводит учение Маркса из его личного подсознательного бытия, главным образом из иудейского происхождения и глубокого, через всю жизнь проходящего, субъективного отчуждения, которое было результатом перехода отца в христианство, антисемитизма и отрыва от родины. Корни марксистской теории революции лежат, согласно Кюнцли, в проекции на свое время переживания истории евреев,

⁷⁰ Peter von Struve, Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch. "Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik", Bd. XIV, Hf. 5—6, 1899, S. 688.

⁷¹ Там же, 692.

⁷² Th. Schieder, Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. München, 1958, S. 29.

⁷³ Revisionism. Essays on the History of Marxist Ideas. N. Y., 1962, p. 10.

⁷⁴ Arnold Künzli, Karl Marx. Eine Psychographie. Wien-F/M. — Zürich, 1966. Для иллюстрации два примера: по поводу положения Маркса — «стыд — это уже революция» — автор пишет: «Эти мысли о революционной функции стыда психологически очень важны. Можно предполагать, что Маркс бессознательно или полусознательно стыдился своих родителей из-за их еврейства, необразованности матери, покорности отца» (S. 186). Или такое «бесподобное» сравнение — пролетарская революция последняя революция, потому что в Апокалипсисе Даниил говорит о конце определенного времени (S. 716).

в частности исхода из Египта, который был социальной революцией израильских рабов против египетских господ⁷⁵. Авангардная роль Германии в революции объясняется также подсознанием, ибо для Маркса Германия была тем, «что Израиль для великих библейских пророков»⁷⁶. Предсказания Марксом близкого наступления революционной эпохи носят чисто иррационалистический характер и продолжают традиции библейских пророков. На этой основе революция мифологизируется и абсолютизируется. Кюнцли пишет: «Революции прошлого могут привести к заключению, что с большой очевидностью также и в будущем будут революции. Но просто невозможно в истории допролетарских «частичных революций» открыть закон, который с научной точностью допускает заключение, что пролетарская революция должна быть тотальной, радикальной, последней революцией, с которой начинается новый Эон и в которой рождается новый человек. Здесь Маркс полностью покидает научную почву. Его теория революции есть чистый априоризм. И чем больше мы переходим от изложения марковского анализа прошлого и настоящего к изложению его прогноза на будущее, тем отчетливее становится историко-священный (heilsgeschichtliche) характер всей его концепции»⁷⁷. И далее иррационализм марковской концепции доказывается на основании того, что Маркс прибегает к образным сравнениям при характеристике социальной революции (революция сравнивается с духом Робинот Гудфеллоу). По Кюнцли, революционная роль пролетариата — есть «идентификация рабочих с детьми израильтянами в египетском племени»⁷⁸.

Известно, что марксистская концепция революции есть совместное творчество двух мыслителей. Если признать, что она возникла как результат переживания Марксом своего еврейского прошлого, то как быть с Энгельсом? Впрочем, вся вышеизложенная концепция представляет из себя доведенный до крайности схематизм и низкопробную фальсификацию. Строится априорная, спекулятивная схема — марксизм есть бессознательное выражение древнего иудаизма — и под нее подгоняются факты личной биографии и элементы теории. А затем обвинения в априоризме адресуются «жертве» этого психоаналитического препарирования.

Ведь любое серьезное опровержение предполагает доказательство логической несостоятельности исходных положений, так как теория социальной революции — прямое следствие основополагающих принципов материалистического понимания истории и политической экономии капитализма. А этого мы как

⁷⁵ Там же, 559.

⁷⁶ Там же, 714.

⁷⁷ Там же, 714—715.

⁷⁸ Там же, 599.

раз и не находим у подавляющего большинства буржуазных критиков.

Если объективно рассмотреть прогнозы развития революции, которые содержатся в работах и письмах Маркса и Энгельса, то легко видеть, что сила их предсказуемости уменьшается по мере перехода от общих социологических к конкретным эмпирическим прогнозам. На это обстоятельство совершенно правильно указывал Г. В. Плеханов: «Социологическое предвидение отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов»⁷⁹.

В эмпирических прогнозах у Маркса и Энгельса много ошибок, главным образом, в предсказании конкретных сроков начала революции в той или иной стране. Ошибки эти касались темпа развития революционной борьбы и зрелости объективных и субъективных факторов революции (область эмпирических прогнозов). Пожалуй, причины этих ошибок следует искать как в большой трудности определения возможного развития в постоянной меняющейся конкретной обстановке, так и в субъективных качествах мыслителей. Последнее обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку Маркс был прежде всего революционером. Его стихией была борьба. Эта характеристика, данная Энгельсом в речи на похоронах Маркса, в полной мере относится к нему самому. Оба друга постоянно рвались в бой против мира зла и несправедливости и весьма неуютно чувствовали себя в «проклятую мирную эпоху». До самой смерти сохранял Маркс свой революционный дух. В апреле 1881 г. он пишет своей дочери Женни по случаю рождения внука в шуточной манере, за которой проглядывает неукротимый оптимизм революционного борца, что он предпочитает мужской пол для детей, так как мы живем в поворотный момент истории. «Перед нами — самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству». И с сожалением: «Плохо теперь быть «стариком» и иметь возможность лишь предвидеть, вместо того, чтобы видеть самому»⁸⁰.

В XIX веке объективные условия социалистической революции еще не созрели. Ожидание революционерами социалистического переворота объяснялось либо утопическими представлениями у мелко-буржуазных радикалов, либо понятным нетерпением революционных натур, как это мы наблюдаем у Маркса

⁷⁹ Г. В. Плеханов, Предисловие к переводу «Развития научного социализма» Ф. Энгельса, в сб.: Против философского ревизионизма, М., 1935, стр. 120.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 153.

и Энгельса. Необходимо только отметить, что у вторых революционное нетерпение не заслонило научного анализа реальной действительности. А это значит, что всегда сохранялась способность к самокритике, желание пересмотреть свои прогнозы, если они противоречат тем или другим научным выводам.

«Да, — писал В. И. Ленин, — много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции... Но такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...

Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия».⁸¹

На рубеже XIX и XX вв., рассмотренная выше третья модель будущей революции принималась большинством революционных социал-демократов. В этой связи интересны соображения К. Каутского, высказанные им в статье «По поводу социальной революции» (1904 г.). Автор отмечает, что вряд ли инициатива будущей революции будет исходить от Германии. «Гораздо ближе Германии стоит к революции ее восточный сосед, хотя экономическое развитие России находится далеко позади Германии и Англии и пролетариат гораздо слабее и менее зрел. «Но все относительно, в том числе и революционная сила класса. Более, чем где-либо в настоящее время, в России пролетариат борется за жизненные условия всей нации»⁸². В то же время нет в Европе правительства, за исключением, пожалуй, Турции, которое стояло в столь непримиримом противоречии к нации, и моральное и экономическое банкротство которого было бы столь очевидным. «Революция в России отнюдь не в состоянии ввести с самого начала социалистический режим. Для этого экономические отношения страны еще слишком незрелы. Она может вызвать к жизни сначала только демократический режим, но за ним будет стоять сильный, могучий и стре-

⁸¹ В. И. Ленин, Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» Полн. собр. соч., т. 15, стр. 249.

⁸² Сб. статей К. Каутского «Очередные проблемы международного социализма». Москва—Петроград, 1918, стр. 87. Было бы излишне заметить, что перевод сборника осуществлен В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной) и Н. К. Ульяновой (Крупской).

мящийся вперед пролетариат, который добьется для себя значительных уступок»⁸³.

Революция в России окажет сильное влияние на всю Европу, в первую очередь, на Германию и Австро-Венгрию. Будет дан могучий толчок пролетарским движениям в развитых капиталистических странах. И это «должно повлечь за собой политическое господство пролетариата в Западной Европе и должно предоставить пролетариату Восточной Европы возможность сократить стадии своего развития и, по примеру немцев, искусственно создать у себя социалистические учреждения». И Каутский формулирует общий закон: «Общество, во всем его целом, не может искусственно перепрыгнуть отдельных стадий развития, но отдельные его части могут легко ускорить свое отсталое развитие подражанием его более передовым частям и даже стать во главе его хода, потому что их не задерживает балласт традиций, которые тащат за собой старые нации»⁸⁴.

К. Каутский, вслед за Энгельсом, рассматривает и другие, менее вероятные модели мировой революции. Так, с его точки зрения, инициатором всевропейской революции может быть также Бельгия, где сильный и многочисленный пролетариат, относительно меньше мелкой буржуазии, реакционное правительство, ненавидимое народом, недовольство армии⁸⁵. Инициатива революции может оказаться также в руках американского рабочего класса⁸⁶.

Но все это область возможностей, поэтому все может произойти иначе. Во всяком случае нельзя сбрасывать со счета возможность поражения. «Мир не так целесообразно устроен, что революция всегда победит там, где это требуется в интересах общества»⁸⁷. Ведь фатальной неизбежности революции нет. «Необходимость ее нужно понимать здесь в смысле единственной возможности дальнейшего развития. Где пролетариату не удастся победить своих противников, там общество не может развиваться дальше, там оно должно будет придти к застою и гниению»⁸⁸.

Несколько раньше прореферированной статьи в 1902 г. К. Каутский в другой статье «Славяне и революция», опубликованной в № 18 «Искры» высказал аналогичную мысль. При этом он подчеркивал, что революционный центр, который был во Франции (временами в Англии), а затем в Германии, к началу XX столетия передвинулся в Россию. «Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть

⁸³ Там же, стр. 90.

⁸⁴ Там же, стр. 93.

⁸⁵ Там же, стр. 94—98.

⁸⁶ Там же, стр. 98.

⁸⁷ Там же, стр. 100.

⁸⁸ Там же, стр. 101.

может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвевого политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам»⁸⁹. Известно, что В. И. Ленин высоко оценивал это пророчество К. Каутского («выдающегося социалиста» тогда еще бывшего марксистом, которого высоко ценили все будущие большевики) и уже после Октябрьской революции несколько раз его цитировал⁹⁰.

Революция 1905—07 гг. в России еще более укрепила западных марксистов в правильности марксистской модели европейской революции. Роза Люксембург, например, писала: «...современная русская революция стоит на поворотном пункте исторического пути, находящемся уже по ту сторону горы, за апогеем капиталистического общества. Буржуазная революция... переходит в новый долгий период огромнейшей социальной борьбы... В специальных политических условиях России русская революция реализует, таким образом, общие результаты международного капиталистического развития и является скорее первым предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций. Самая отсталая страна, именно потому, что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и самых передовых капиталистических стран»⁹¹.

⁸⁹ Цит. по: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 4—5.

⁹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306, т. 40, стр. 326, т. 41, стр. 4—5. Почти до начала первой мировой войны К. Каутский рассматривал революцию «как реальную возможность для недалекого будущего» и выступал против теорий мирного вступления в социализм. Об этом свидетельствует недавно опубликованная его переписка с К. Гаазе и Кларой Цеткин. (International Review of Social History. Vol. XII, 1967, part 3. Assen). Перспективы скорого наступления социальной революции опирались, по мнению К. Каутского, на три фактора: 1. Увеличивающееся соревнование в вооружении, как следствие империализма и колониальной политики и усиливающее интернациональные противоречия и увеличивающее поэтому перспективы пролетариата на захват власти; 2. Национальные революции на Востоке, которые должны нарушить политическое равновесие европейского Запада; 3. Моральное разложение господствующего класса, которое толкает мелкую буржуазию к социал-демократии. Правда, в те же годы обнаруживаются и признаки отхода Каутского от прежних позиций, что И. Альтер назвал «предвоенным отступлением Каутского» (И. Альтер, Демократия против революции. Учение Каутского о революции, М., 1930). Это проявилось, например, в негативной оценке возможностей русской революции (См. там же, стр. 73—74).

⁹¹ Роза Люксембург, Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия, Пг., 1919, стр. 63. Обстоятельный и глубокий анализ позиции

Для русских марксистов оценка авангардной роли России в европейской революции была не только теоретическим ориентиром, но и прямым руководством к действию. В. И. Ленин еще в 1894 г. написал свои широко известные слова: «... русский **рабочий**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом всех стран) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции**»⁹². Специально подчеркивал он то большое значение, какое придавали Маркс и Энгельс политической революции в России для западно-европейского рабочего движения, в некрологе на смерть Ф. Энгельса⁹³. Конкретизируя марксистскую модель революции и рассматривая ее как боевую программу революционной партии, В. И. Ленин писал в 1902 г.: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших задач* пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией»⁹⁴.

Розы Люксембург см.: Г. А. Алексеев «Русский 1905 год и революционная концепция Р. Люксембург», «Историческая наука и некоторые проблемы современности», М., 1969, стр. 86—125.

⁹² В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. I, стр. 312.

⁹³ В. И. Ленин, Фридрих Энгельс, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13—14.

⁹⁴ В. И. Ленин, Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28. Любопытно сравнить два прогноза развития революции в России: с одной стороны, ленинский, полный оптимизма и революционного энтузиазма по отношению к революционному движению в России, с другой, плехановский. Г. В. Плеханов в феврале 1901 г. во втором номере «Искры» поместил статью «На пороге двадцатого века», в которой он рассматривает вопрос о том, что даст новое столетие рабочему классу. В статье отмечается, что устранение бедности и связанных с нею страданий, нравственное облагораживание человечества есть задачи, которые XX век унаследовал у XIX-го и который он должен разрешить. И разрешит их революционный пролетариат, несмотря на ожидающие его частые поражения и разочарования... — его окончательное торжество не подлежит сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и — в особенности — развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самой важной из всех: **самого рабочего класса**» (Соч., т. XII, стр. 65). Но все сказанное относится к Западу. Что касается России, то ее задача, по Плеханову, куда скромнее — необходимо разрешить «такую политическую задачу, которая с большей или меньшей полнотой уже решена на Западе» — уничтожить царское самодержавие, завоевать политическую свободу (стр. 66).

Подведем итоги. Итак, марксистский прогноз развития революции в XX веке коротко можно резюмировать следующим образом.

1. XX век — это век антикапиталистической социальной революции, неизбежность которой вытекает из имманентных законов капитализма.

2. В результате этой социальной революции, на основе предпосылок, созревших в условиях капитализма, будет создан социализм — строй общественной собственности и свободы ассоциированного человека.

3. Общественной, классовой силой, которая должна привести в исполнение «приговор истории», освободить себя и все человечество и создать новые социалистические отношения, будет пролетариат.

4. Орудием ниспровержения капиталистического строя и создания нового социалистического строя должна стать диктатура пролетариата, организованный как политическая власть пролетариат.

5. Социальная революция пролетариата будет носить интернациональный характер, захватывая, по крайней мере, капиталистически развитые страны. Она же создаст все условия для освобождения колониальных народов.

6. Предпосылки социальной революции пролетариата связаны с обострением всех противоречий капитализма, причем это обострение носит, так сказать, комплексный характер, охватывая все стороны буржуазного строя. Событием, которое может ускорить революционный взрыв, является всеевропейская война (хотя революция, выросшая из войны — это худший вариант социальной революции пролетариата).

7. Пути развития революции и способы ее осуществления зависят от конкретной обстановки (соотношения классовых сил, традиций, слабости или силы правительства и т. д.), сложившейся в стране революционной борьбы.

8. Конкретный путь развития европейской революции, на основе обстановки, сложившейся в конце XIX в., представлялся Марксу, Энгельсу и их ученикам в виде следующей схемы: Россия начинает, ее почин вызывает отклик в Германии, а затем революция распространяется на другие европейские страны, в первую очередь, Францию и Англию.

Как можно видеть, прогноз достаточно скромнен: ни слова о предсказанной Марксом и Энгельсом международной роли русской революции, ни слова о ее социалистической перспективе. Ученик в отношении прогноза остался далеко позади своих учителей.

Не содержится ли имплицитно в различии двух прогнозов различия двух течений в русском марксизме, двух трактовок марксистского учения о революции?

9. Социальная революция пролетариата — это не однократный акт захвата власти, а длительный период борьбы, побед и поражений, включающий различные по своему характеру движения, в ходе которого пролетариат обучается, организуется и становится способным к осуществлению своей всемирно-исторической задачи.

*Поступила в редакцию
30 октября 1969 г.*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. И. Горячева

Теоретическое и практическое значение социальной психологии обусловило в последние годы активную разработку ее проблем многими нашими психологами, социологами и философами. Осуждению подверглась имевшая некогда место недооценка важности этих вопросов. Но иногда со справедливой критикой этих прошлых ошибок бывает связано невнимательное отношение к тому, что было сделано советскими исследователями в 20—30 гг. Между тем многие из вопросов, подвергающихся обсуждению в наши дни, получили тогда весьма глубокое освещение. Опыт этих исследований не утратил, как нам кажется, актуальность и в наше время.

Первоочередной задачей современной науки (психологии, этики и социологии) называет проф. Б. Г. Ананьев¹ комплексное изучение человека, мотивов его труда, познания и общения, социолого-психологическое исследование человека как основной производительной силы общества, исследование возможностей, условий и путей его всестороннего развития. Начало такому исследованию было положено в нашей стране уже в 20—30 гг.

В истории советской социальной психологии можно наметить два основных понимания ее предмета.² Одна группа исследователей рассматривает социальную психологию как ветвь психологии, как преимущественно психологическую дисциплину. Центральной проблемой при таком понимании предмета социальной психологии является изучение взаимоотношения личности и коллектива (социально-психологическая сторона этого

¹ Б. Г. Ананьев, Комплексное изучение человека как первоочередная задача современной науки, Вест. ЛГУ, № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, 1962.

² Об аспектах социальной психологии см.: Уч. зап. ТГУ, Труды по философии, XI, Тарту, 1968.

взаимоотношения). На первое место при этом может быть поставлен либо индивид, изучение его поведения в коллективе, либо коллектив, общество, изучение закономерностей, возникающих в процессе общения людей, при непосредственном информационном контакте. Другая группа исследователей предметом социальной психологии считает изучение классовой психологии, национальной, психологии других социальных групп, возникающей под влиянием условий общественного бытия в широком понимании этой категории, изучение социально-психологической стороны таких явлений духовной жизни общества как привычки, традиции, нравы, обычаи, вкусы, изучение того, под влиянием каких факторов они возникают, сохраняются, изменяются, изучение социально-психологической стороны и таких явлений общественной жизни, как революция (например, революционные настроения и др.), соревнование, конкуренция, массовый психоз (например, религиозный), фашизм и другие, мода, общественное мнение, какую роль они играют в общественном развитии, при каких условиях они возникают, с какими факторами связано их изменение, место общественной психологии в формах общественного сознания.

Бурное обсуждение в последние годы проблем социальной психологии, появление ряда работ, так или иначе анализирующих некоторые из этих важных вопросов, показывают, что не всегда достаточно учитываются уже имеющиеся достижения, а также опыт имевших место ошибок. Литературная же традиция, отражающая развитие социальной психологии в СССР, чрезвычайно богата. Особенно велик был интерес ко многим из указанных проблем в 20—30-е гг.

П. П. Блонский, стоявший, по его собственному признанию, на точке зрения бихевиоризма, считал американский бихевиоризм лишь предшественником современной ему русской психологии поведения и стремился развивать бихевиоризм на марксистской основе. Хотя П. П. Блонский и писал о том значении, которое имеет социальная психология для социолога, однако краеугольным камнем его подхода к ней является изучение поведения индивидуума «не в рамках индивидуальной жизни», как его изучала традиционная психология, а как функция поведения окружающего человека общества. «Традиционная общая психология была наука о человеке как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни. Поэтому научная психология есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или другого индивидуума. Поведение индивидуума есть функция поведения окру-

жающего его общества».³ Задачу научной психологии П. П. Блонский видел в установлении того, «каким образом и в зависимости от чего изменяется человеческое поведение». Поскольку само общество постоянно изменяется, то «общественное поведение должно, в свою очередь, изучаться как функция времени, т. е. в своем историческом развитии» и, таким образом, и поведение индивидуума есть «функция времени».⁴

Биологический подход к поведению человека, когда оно изучается при сопоставлении и сближении с поведением животного, П. П. Блонский считает необходимым, но недостаточным. Индивидуалистическая концепция социальной психологии нередко приводила к объяснению общества свойствами личности. Воздействие общества на личность не могло быть, с этой точки зрения, ничем иным, как воздействием индивида на индивид же. Причем значительное внимание уделялось биологическим факторам и при исследовании явлений общественной психологии использовались биологические термины. Биологические термины были в значительной мере использованы и П. П. Блонским. П. П. Блонский считал необходимым дополнить биологический подход к поведению человека социологическим, под которым он понимал изучение приспособления примитивных инстинктов и эмоций к общественной жизни и социальному сотрудничеству, что он называл «социальным взаимоприспособлением» и воспитанием чувств и инстинктов человека под влиянием социальной среды.⁵ П. П. Блонский писал: «Психология есть социальная наука и, еще более широко понимаемая, она — часть биологии».⁶

Несколько чрезмерное употребление биологических терминов не помешало, однако, П. П. Блонскому правильно выделить из социальной среды социально-экономические основы ее. Говоря о географической среде, также влияющей на поведение человека, который к ней активно приспосабливается, П. П. Блонский подчеркивает, что она воздействует на человека не непосредственно, но через хозяйственную деятельность его.⁷

Очень важно отметить, что П. П. Блонский в своих работах подчеркивает классовый характер психологии и поведение индивидуума связывает с делением общества на классы.⁸ Он пишет, что «общественное поведение человека определяется поведением его класса», «мы должны быть глубоко историчными и всегда приводить поведение человека в связь с классовой ситуацией в

³ П. П. Блонский, Очерк научной психологии, Избранные психологические произведения, М., 1964, стр. 42—43.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 103.

⁶ Там же, стр. 44.

⁷ Там же, стр. 106.

⁸ Там же, стр. 109.

данный момент. Это должно быть основным методологическим приемом для всякого общественного психолога».⁹ А поскольку в основе классового деления общества лежат, по мнению П. П. Блонского, взаимоотношения в процессе общественного производства жизненных благ, а они в свою очередь сами зависят от определенной степени развития материальных производительных сил, то изменения в общественном производстве ведут за собой изменения характера и поведения общественных классов.¹⁰ Всякий же человек есть некоторая вариация того или иного общественного класса и, следовательно, поведение индивидуума есть производная поведения соответствующего класса.¹¹ Так, П. П. Блонский пишет о средних классах, мелких промышленниках, ремесленниках, крестьянах, которые пролетаризируются, однако процесс этот очень сложен и постепенен и их «промежуточное и колеблющееся положение в производстве» порождает такие отличительные черты общего поведения их, как «неустойчивость, колебания и сбивчивость», «как буржуазия, они тянутся к прибыли и мечтают о капитале. Как самостоятельные труженики, они мечтают об индивидуальной свободе», поэтому, «как историческая сила, они не имеют самостоятельного значения».¹² Таким образом, П. П. Блонский психологию человека и его поведение связывает с исторической эпохой, с обществом, с классом. Но также и с психологией животного. Это накладывает особый отпечаток на его понимание социальной психологии.

В этой связи следует заметить еще следующее. П. П. Блонский категорически возражает против сужения предмета психологии до изучения только сознания, ибо кроме сознательного поведения есть и бессознательное, поэтому неправ, пишет Блонский, Г. Челпанов, обвиняющий сторонников психологии поведения в том, что они вообще отрицают сознание.¹³ Неправильно и отождествление сторонников психологии поведения со сторонниками объективной психологии. Это, пишет П. П. Блонский, не совсем точно, но поскольку все анализы и объяснения производятся в материалистических терминах, поэтому некоторое сопоставление возможно.¹⁴ Г. Челпанов отождествляет сторонников психологии поведения с рефлексологами, но и это также неправильно. Учение о рефлексах — лишь один из параграфов в большой книге психологии.¹⁵ Психология поведения связывает

⁹ Там же, стр. 109—110.

¹⁰ Там же, стр. 109.

¹¹ Там же, стр. 110.

¹² Там же, стр. 111, 112.

¹³ П. П. Блонский, Психология как наука о поведении, Избранные психологические произведения, стр. 135.

¹⁴ Там же, стр. 136.

¹⁵ Там же, стр. 138.

психологию человека и психологию животного. Также легко и свободно, пишет П. П. Блонский, психология поведения связывает индивидуальную и коллективную психологию. Ее основной вопрос — как ведет себя животное, человек, та или иная человеческая группа при тех или других условиях — в высшей степени жизненный вопрос. Такая психология имеет огромное значение буквально для всех и в первую очередь для педагога, политика, философа.¹⁶ При этом поведение понимается им достаточно широко: «только мертвый никак себя не ведет, — пишет П. П. Блонский, — смотреть, слышать, вспоминать, творить, думать, внимать, наслаждаться — все это различные виды поведения».¹⁷

Таким образом, П. П. Блонский пытался разрабатывать психологию личности, называя ее социальной психологией. Несколько ограниченно понимает он отношение биологического и социального в психологии. У него сознание, психика — биологическая категория, модифицирующаяся в общественной среде. Среда накладывает свои ограничения, подавляя какие-то инстинкты. Отсюда понятно, почему у П. П. Блонского общая психология совпадает, собственно, с социальной психологией. Любой процесс — процесс личности. Биологическая основа, биологическая природа, конечно, имеет значение, но она сама — функция социального устройства.

К представителям того направления социальной психологии, которое выделяло изучение индивида, его места, роли, поведения в коллективе, можно отнести М. А. Рейснера, хотя он и признавал, что «социальная психология, как самостоятельная наука, выделилась из социологии»,¹⁸ уделял внимание и анализу классовой психологии и другим собственно социологическим проблемам. Но, поскольку человек является необходимым звеном в общей цепи природы и он ведет борьбу за существование коллективно «при помощи создания технических орудий и производства материальных ценностей», то такое понимание человека и есть методологическая предпосылка для социальной психологии, которую можно изучать лишь «как деятельность нервно-мозговой системы человека, работающей в процессе труда, борьбы и производства и связывающей в этой деятельности коллективное поведение человеческих групп и масс».¹⁹ Социальная психология «должна стать в области культуры наукой о социальных раздражителях разного вида и типа», основой классификации которых является массовое поведение людей.²⁰ «Образование

¹⁶ Там же, стр. 137.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. А. Рейснер, *Социальная психология и марксизм*, «Психология и марксизм», Л.—М., 1925, стр. 31.

¹⁹ Там же, стр. 39.

²⁰ Там же, стр. 44, 45.

условной сигнализации, связанной, — пишет М. А. Рейснер, — с благоприятными или опасными явлениями окружающего мира, является важным фактором в общественной жизни человека, где при помощи материально выраженных знаков и сигналов образуется целая система искусственных раздражителей, при помощи коих человечество закрепляет свой коллективный опыт, передает его последующим поколениям и постоянно улучшает свое техническое овладение миром».²¹

Центрами общественных раздражителей М. А. Рейснер считает право и государство, искусство, науку, семью, религию.²² Ввиду такого понимания социальной психологии, большое значение для нее, по признанию М. А. Рейснера, имеет теория рефлексов Сеченова, Павлова, Бехтерева. Рефлекс может проходить через высшие центры сознания или их миновать и передаваться через другие нервно-мозговые центры, поэтому «разница между бессознательной жизнью и сознанием оказалась лишь количественной, но не качественной», нет резкого качественного перехода между сознанием и бессознательной рефлексорной жизнью. Между реальной средой стоит «психический аппарат с его нормальными и ненормальными свойствами, как среда преломления, через которую проходит реальность, вызывающая наше к ней приспособление».²³ Необходимо исследовать, писал М. А. Рейснер, не только «непосредственную связь между внешней средой и реальными формами активного приспособления, но и состояния массовой психики».²⁴

Большое значение М. А. Рейснер придавал психотехнике: средствам, приемам воздействия на психологию, таким, как способы питания (посты, например), различные образы жизни и быта (монастыри, казармы, самоистязания аскета), террор в древности, в настоящее время — печать, общественное мнение.²⁵ Прессу автор считал наиболее важным орудием массового внушения.²⁶

Объективная психология, «поскольку она коренится в современной биологии и физиологии», дает возможность широкого использования теории рефлексов. Но поскольку речь идет не об индивидуе, а об обществе, то автор, рассматривая различие между человеческим и животным обществом, делает выводы, что можно говорить «без преувеличения о техническом производстве, основанном на наследственном инстинкте»,²⁷ и что «в живот-

²¹ М. А. Рейснер, Проблемы социальной психологии, Ростов-Дон. 1925, стр. 13—14.

²² М. А. Рейснер, Социальная психология и марксизм, стр. 44, 45.

²³ М. А. Рейснер, Проблемы социальной психологии, стр. 16.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 18.

²⁶ Там же, стр. 82.

²⁷ Там же, стр. 25—26.

ном мире мы находим почти все начатки последующей деятельности общественного человека».²⁸

Автор подчеркивает вместе с тем «колоссальное различие между животным и человеком, который заменяет инстинкт и естественный отбор и «над производством сооружает культурно-идеологическую надстройку», которая представляет собою технический механизм организации условных рефлексов.²⁹ Техническими средствами познания и организации являются книги, произведения искусства, библиотеки, музеи, театры, обсерватории и т. д. Весь мир сигнализации общественной жизни является раздражителем нашей нервно-мозговой системы, средством внушения и традиции, бессознательной и сознательной мотивировки.

Социальную психологию интересуют при этом, как подчеркивает М. А. Рейснер, не личные переживания, а «изучение связи между данными раздражителями и поведением человеческих масс».³⁰ Хотя в другом месте работы автор обосновывает «необходимость объективной психологии и, в частности, психологии социальной», изучающей виды, формы и способы раздражения социального человека, поскольку марксисты знают только его.³¹

Психология общественного человека — промежуточный процесс между производством и культурной надстройкой. Однако, при этом М. А. Рейснер обращает внимание и на классовую психологию, считая, что ввиду различного отношения классовых групп к производству, имеются разные типы коллективной психологии. Поэтому задачу социальной психологии он видит и в установлении связи между уровнем производительных сил и производственными отношениями, с одной стороны, и соответственной классовой психологией и культурной надстройкой, с другой, используя данные современной социальной психологии и социологии и работы основоположников марксизма, в которых значительное место уделено характеристике классовой психологии.³² Экономическая характеристика, пишет автор, определяет собой психологический облик класса. «Психология человека есть психология экономического человека»,³³ решающее значение для групповой психики масс имеют производственные условия.³⁴

Социальную среду определяют три фактора: уровень производительных сил, производственные отношения с классовым разделением; «материальная машина идеологической техники, или материально выраженная система социальных раздражителей»; психика человеческих масс, как живая среда активного приспособ-

²⁸ Там же, стр. 27.

²⁹ Там же, стр. 28.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 29.

³² Там же, стр. 41.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ Там же, стр. 46

собления.³⁵ Реакция на мир может быть сознательной или бессознательной.³⁶

Большую роль играют в общественной жизни привычки, подражание, внушение как «формы приспособления к окружающей среде, в которых связывается сознательная и бессознательная деятельность».³⁷ Подражание считает одним из важнейших средств для примирения классовой противоположности, сглаживания розни и затушевывания противоречия интересов.³⁸ Социальные раздражители имеются также мистико-религиозного типа, формально-эстетического характера, рационального характера, которые не отождествляются с понятием сознательного, ибо «рациональное может быть в такой же мере сознательным и бессознательным».³⁹

Другим представителем направления, выделяющего на первый план личность и ее поведение, был Г. Челпанов, писавший: «если XVIII век был веком «просвещения», если XIX век был веком «естествознания», то XX век будет веком «психологии».⁴⁰ «Социальная психология» — вот «свое слово XX-го века».⁴¹ При этом человек и его структура будут главным предметом научного интереса.

Г. Челпанов считал, что К. Н. Корнилов, П. П. Блонский, Ю. Франкфурт, пытавшиеся ввести марксизм в психологию «неправильно поняли место, занимаемое психологией в идеологии марксизма».⁴² Рефлексология, к которой Г. Челпанов, как уже отмечалось, относил и сторонников психологии поведения, есть физиологическая психология, в психологию же писал Г. Челпанов, следует вводить не физиологический материализм, а социальный, следует разрабатывать социальную или коллективную психологию.⁴³ Для этого необходима организация специального института социальной психологии.⁴⁴ Г. Челпанов критиковал М. А. Рейснера за применение им понятия «раздражение» к сознательно-психическим отношениям, ибо «в социальных отношениях на сознание действуют не раздражения, а вещи и сложные события».⁴⁵ Психологию поведения П. П. Блонского он также не считал характерной для марксистской социальной психологии.

³⁵ Там же, стр. 65.

³⁶ Там же, стр. 66.

³⁷ Там же, стр. 74.

³⁸ Там же, стр. 77.

³⁹ Там же, стр. 104.

⁴⁰ Г. Челпанов, Социальная психология или «условные рефлексы?», М.—Л., 1926, стр. 4.

⁴¹ Там же, стр. 28.

⁴² Там же, стр. 5.

⁴³ Там же, стр. 5, 6.

⁴⁴ Там же, стр. 9.

⁴⁵ Там же.

Сущность идеи коллективной психологии, писал он, заключается в том, что природу человека можно полностью изучить только в социальной жизни.⁴⁶ Чтобы предугадать развитие в будущем, нужно встать на историческую точку зрения.⁴⁷ Это в равной мере относится и к развитию общества и к развитию самой психологии. Полемизируя с В. М. Бехтеревым, считавшим идеи Г. Челпанова противоречащими марксизму, Г. Челпанов утверждал, что «интроспективная психология столь же объективна, сколь и субъективна. Объективна по приему изучения и субъективна по источнику познания душевных явлений».⁴⁸ «Моя эмпирическая психология», «как она есть, без каких-либо изменений не противоречит марксизму» и напрасны обвинения В. М. Бехтерева в «перекрашивании».⁴⁹ Сама объективная рефлексология — вульгарно-материалистическая теория. Материализм же Маркса — точка зрения психофизического параллелизма, вид спинозизма, интроспективная психология тоже стоит на точке зрения психофизического параллелизма и потому не противоречит марксизму».⁵⁰

Г. Челпанов писал о том месте, которое психология занимает в марксизме: в учении Маркса «после экономики и истории первое место в нем принадлежит «бесспорно психологии»».⁵¹ В связи с возникновением марксизма необходима реформа психологии. Символ реформы психологии, писал Г. Челпанов, не «устройство собачников для изучения условных рефлексов...», а организация работ по изучению социальной психологии».⁵² Идею коллективной психологии выдвинул XIX век, когда было понято, что природа человека может быть полностью изучена только в социальной жизни. Социальную психологию, как уже отмечалось, считал Г. Челпанов «своим словом XX века».⁵³

Еще в большей степени индивидуалистическая концепция социальной психологии привела к биологическому объяснению развития общества В. А. Вагнера. В. А. Вагнер считал, что психология вообще может быть построена только на биологии, и в соответствии с этим дал классификацию психологических типов, исходя из данных биологии.⁵⁴ В. А. Вагнер признает, что в общественной жизни народов наиболее мощными и яркими факто-

⁴⁶ Там же, стр. 28.

⁴⁷ Там же, стр. 11.

⁴⁸ Там же, стр. 30.

⁴⁹ Там же, стр. 34.

⁵⁰ Там же, стр. 35, 36. См. также: Г. Челпанов, Психология и марксизм, М., 1924; Г. Челпанов, Психология или рефлексология?, М., 1926.

⁵¹ Г. Челпанов, Социальная психология или «условные рефлексы»? стр. 5.

⁵² Там же, стр. 10.

⁵³ Там же, стр. 28.

⁵⁴ В. А. Вагнер, Психологические типы и коллективная психология, М., 1929, стр. 5.

рами являются исторические, политические, экономические, но основной психологии все же является биология с ее эволюционным учением: «в колоссальной симфонии общественной жизни народов наиболее мощные, наиболее яркие ее факторы: исторические, политические, экономические и другие, заглушают ее органичный пункт: но он есть, этот пункт, эта основа, и называется он психологией на основе данных биологических наук и ее эволюционного учения».⁵⁵

Одним из важнейших вопросов психологии В. А. Вагнер считает «вопрос о правилах поведения». «Как ни существенны отличия психологического типа человека от психологических типов животных, значение генетической связи его с последними от этого отнюдь не умаляется, так как роль факторов, и соматически-наследственных (характер, темперамент, эмоции) и наследственных биологически (инстинктов), у человека остается чрезвычайно могущественной».⁵⁶

Каждый индивид в обществе складывается из величин двоякого рода: из приобретаемых человеком в течение жизни от общественной группы, общественных организаций, общественных классов, к которым он принадлежит, и из биологически унаследованного от животных. Литературные типы имеют в виду главным образом первую категорию признаков, психологические же типы оставались неизменными, как неизменны их биологические основы. «Сменялись не психологические типы, а течения общественной мысли, которые находили свое выражение в этих «типах»».⁵⁷ Художественная литература рисует своих героев в соответствии с тем, к какому психологическому типу относится сам автор и какое влияние оказала та среда, в которой сложилось миропонимание автора. Например, тип начитанного, слабовольного, склонного к рассуждениям, к самоанализу и бездейственного: у Л. Н. Толстого — Пьер Безухов, у И. С. Тургенева — Рудин, у И. А. Гончарова — Обломов, у А. М. Горького — Полканов (Варенька Олесова), у А. П. Чехова — разоряющийся герой старинной дворянской семьи (Вишневый сад).⁵⁸ Стадный тип, вожацкий, социальный и антисоциальный — имеются и в мире животных и у человека, как в детском, так и во взрослом состоянии. Поэтому, делает вывод В. А. Вагнер, не следует преувеличивать роли воспитания, ибо биологическая наследственность очень трудно поддается воздействию среды.⁵⁹

Каждый из типов определяется признаками соматически-наследственными (характер, темперамент, эмоции), признаками

⁵⁵ Там же, стр. 6.

⁵⁶ Там же,

⁵⁷ Там же, стр. 10.

⁵⁸ Там же, стр. 12.

⁵⁹ Там же, стр. 81.

наследственно психо-нервными (инстинкты, а частью и способности разумного типа). Даже такие социально-наследственные признаки как обычаи, традиции, уровень культуры, речь, мораль, миропонимание, отношение к искусству не могут оказать существенного влияния на поведение человека, которое «диктуется унаследованными признаками типа».⁶⁰

Сравнительная психология, писал В. А. Вагнер, ни психологию масс, ни психологию толпы не считает коллективной психологией.⁶¹ «Толпа в человеческом обществе представляет собою явление, идентичное толпе стадных животных: она и здесь является следствием более или менее продолжительного прекращения функций разумных способностей, вследствие чего и здесь является продуктом деятельности первичных инстинктов питания и самосохранения, не сдерживаемых и направляемых высшими психическими способностями...»⁶² На первом этапе своей эволюции и коллективная психология «представляет собой механическое среднее взаимоотношение однородных и равноценных психологических типов, причем в основе этих процессов лежат разумные способности»,⁶³ «разумные способности, накапливая приобретаемые знания, создают в разных областях жизни то, что называется социальной наследственностью».⁶⁴

Биологическим факторам большое значение придавал и В. М. Бехтерев. Как представитель естественно-научного материализма в психологии, который не проводит в данном вопросе идеи исторического материализма, В. М. Бехтерев считал основной задачей рефлексологии «изучение ответных реакций в связи с внешними и внутренними раздражителями», которые свойственны «человеческой личности, как био-социальному существу»,⁶⁵ выяснение «влияния социального фактора на поведение»⁶⁶ человека, действия внешних (окружающая среда) и внутренних (соматическая сфера) раздражителей прошлых и настоящих в их соотношении с разнообразными проявлениями личности в окружающем мире, в ее деятельности и труде. «Рефлексология одной ногой уходит в биологию, а другой в социологию».⁶⁷

Коллективная рефлексология — одна из областей социологии, называемая часто социальной психологией, главным предметом которой является изучение коллектива, который «может действовать и вообще проявлять себя, как целое, как собира-

⁶⁰ Там же, стр. 90.

⁶¹ Там же, стр. 134.

⁶² Там же, стр. 156—157.

⁶³ Там же, стр. 179—180.

⁶⁴ Там же, стр. 192.

⁶⁵ В. М. Бехтерев, Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925, стр. 5.

⁶⁶ Там же, стр. 10.

⁶⁷ Там же, стр. 54.

тельная личность».⁶⁸ В проявлениях социальной жизни, писал В. М. Бехтерев, «мы встречаемся в сущности с теми же рефлексами в форме общественных движений и с тем же их развитием и течением, какие мы находим и в деятельности отдельной личности»,⁶⁹ поскольку коллектив — собрание отдельных, связанных между собою теми или иными интересами личностей. Однако под «интересом» здесь понимается не экономический, классовый интерес.

Классовое деление ставится В. М. Бехтеревым наравне с объединением общества в кружки, профессиональные группы, семью, церковь и т. д. «Всякое случайное сборище при соответствующих условиях может легко превратиться в собирательную личность или коллектив», для этого достаточно общего настроения или стремления.⁷⁰

Выступая против теорий Тарда и Мак-Дауголла, которых В. М. Бехтерев называет «социологами-субъективистами», он противопоставляет им свое понимание соотношения личности и общественной среды. В его представлении личность подавляется общественной средой, становится «шаблонным выразителем своей среды».⁷¹ Общество господствует над личностью, «самая организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью, «обычаи и законы общества категоричны и требуют почти безусловного подчинения»,⁷² против ига общественного мнения «бессильны бороться иногда самые сильные натуры».⁷³

Таким образом личность во всех своих проявлениях есть продукт общества, но само общество в свою очередь характеризуется составом его членов, то есть личностей⁷⁴ и тем самым воздействие общества на личность означает лишь воздействие личности на личность.

Подчеркивая зависимость поведения личности от общественной среды, но не принимая марксистского положения о материальных производственных отношениях, В. М. Бехтерев неизбежно вынужден распространить закономерности индивидуальной психологии на закономерности развития коллектива. Законы деятельности коллектива суть те же, что и законы деятельности отдельной личности. В. М. Бехтерев, по сути дела, отрицает существование социальной психологии, видя ее несостоятельность в том, что она говорит об «общественном сознании и обществен-

⁶⁸ В. М. Бехтерев, Коллективная рефлексология, Петроград, 1921, стр. 6, 10.

⁶⁹ Там же, стр. 13.

⁷⁰ Там же, стр. 83, 84.

⁷¹ Там же, стр. 68.

⁷² Там же, стр. 70.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 7.

ных переживаниях».⁷⁵ Поскольку «социально-экономические условия являются основными раздражителями социальных групп», «марксизм должен вступить в союз с рефлексологией, а не с социальной психологией».⁷⁶

Интересные мысли были высказаны В. М. Бехтеревым в связи с методами изучения «коллективной рефлексологии». Одним из важнейших методов он признавал статистический, позволяющий «учитывать действия человеческих масс».⁷⁷ Если необходимо выяснить направление «общественного кругозора», то следует брать статистику общественных библиотек: какие книги больше всего читают, как распространяются периодические издания, как обстоят дела у издателей и т. д. Если необходимо узнать «направление политических взглядов в данном обществе, считайте количество членов различных политических партий, количество участников различных политических и общественных собраний и митингов, количество голосов, поданных при выборах за членов тех или других партий и т. д. Если хотите знать о поведении общества с точки зрения его нравственности, собирайте сведения о количестве и характере совершенных за известный период времени преступлений и т. п.». О потребностях и вкусах необходимо собирать сведения «по различным фирмам, магазинам и лавкам о количестве и характере проданных за известное время товаров».⁷⁸ Сопоставляя эти данные с рядом других данных, можно и нужно «выяснить причину происходящих перемен в общественной жизни».⁷⁹

Каждое общественное явление имеет не только количественную сторону, но и качественную. Так, при одинаковом числе посетителей школ «качество образованности может понижаться или повышаться в зависимости от подготовки педагогов».⁸⁰ Статистику необходимо дополнить анкетами или опросниками и другими методами.

Поскольку поведение личности подчинено законам общности, то личность «благодаря подражанию, внушению и убеждению» принадлежит к тому или иному коллективу, имея более или менее одинаковые воззрения, вкусы, привычки, идеалы, правовые и этические понятия, более или менее одинаково оценивает те или другие события и т. д.⁸¹ По своему внутреннему содержанию формы коллектива могут быть различными, начиная от неорганизованного — уличная толпа, и кончая организованными, такими как публика, рабочие коллективы. Коллективы могут быть связаны кровным родством или духовным,

⁷⁵ В. М. Бехтерев, Психология, рефлексология и марксизм, стр. 54.

⁷⁶ Там же, стр. 53, 54.

⁷⁷ В. М. Бехтерев, Коллективная рефлексология, стр. 54.

⁷⁸ Там же, стр. 54—55.

⁷⁹ Там же, стр. 55.

⁸⁰ Там же, стр. 57.

⁸¹ Там же, стр. 68.

«хотя бы они были пространственно и разъединены». Имеются такие коллективы, как «литературный мир, военный мир, врачебный мир, педагогический мир» и т. д.⁸²

Как видим, в работах В. М. Бехтерева имеется то или иное решение многих вопросов социальной психологии, поэтому более детальный критический разбор, анализ этого богатого наследства необходим для дальнейшего развития советской социальной психологии.⁸³

Против идеализма Г. Челпанова и механистического материализма В. М. Бехтерева выступил К. Н. Корнилов, поставивший на первое место группу, коллектив, от которых он и идет к индивидуальной психологии. К. Н. Корнилов писал, что грядущая система марксистской психологии будет синтезом двух борющихся сейчас во всех странах течений: так называемого эмпирического, или субъективного, направления и — продукта наших дней — психологии поведения, рефлексологии, объективной психологии.⁸⁴ Не может быть никакой индивидуальной психологии, изолированной от социальной, поэтому марксистская психология это прежде всего социальная психология.

Марксистская психология рассматривает каждого человека как вариацию определенного класса. Поэтому в изучении поведения людей необходимо идти не от индивидуальной психологии к социальной, а наоборот, «от социальной, классовой психологии — к профессиональной, групповой и затем уже к индивидуальной психологии».⁸⁵ Несмотря на такие уверения, в целом все же объектом психологии К. Н. Корнилов считает изучение поведения людей как совокупности всех реакций на внешние раздражители. Границы между психологией личности и социальной психологией по сути дела стираются: нет иной психологии кроме социальной, социальная психология изучает поведение людей, то есть совокупность всех реакций человека на раздражители окружающей среды.

Проблему коллектива и его экспериментально-психологического изучения выдвигали Л. Бызов и Б. В. Беляев. Л. Бызов писал об огромном не только теоретическом, но и практическом значении изучения психологии масс. Это значение касается не только политики и права, но прежде всего хозяйства и управле-

⁸² Там же, стр. 87.

⁸³ Заслугу В. М. Бехтерева в развитии социальной психологии отметил Е. С. Кузьмин, писавший, что «В. М. Бехтерев предложил и осуществил оригинальную методику для изучения коллектива. Он дал первую классификацию коллективов» (Е. С. Кузьмин, Из опыта изучения производственных коллективов, «Проблемы общественной психологии», М., 1965, стр. 403).

⁸⁴ К. Н. Корнилов, Психология и марксизм, «Психология и марксизм», М.—Л., 1925, стр. 9.

⁸⁵ Там же, стр. 22.

ния.⁸⁶ В связи с этим положительно оцениваются эксперименты, проводившиеся над группами студентов и учащихся немецким психологом Мёде. Задачей групповой или коллективной психологии Л. Бызов считал выяснение законов, «по которым протекают душевные явления, когда индивид находится в группе или под влиянием коллектива».⁸⁷ Б. В. Беляев также считал социальную психологию наукой о социальном поведении, как поведении «индивидуума в окружении других людей и его взаимодействия с ними», так и поведении «социальных объединений в целом».⁸⁸ Социальная психология — это психология масс, групповая психология (классовая, профессиональная и пр.), психология толпы, психология групп, психология коллективов и т. д.⁸⁹

Другое направление в развитии социальной психологии представлено В. А. Артемовым. Если в 1927 г. в работе «Введение в социальную психологию» автор придерживался точки зрения, согласно которой вся психология социальна, ее можно лишь расчленить на социальную психологию индивида и социальную психологию коллектива,⁹⁰ то в 1929 г. в другой своей работе В. А. Артемов указывает на ошибку смешения в данном случае двух понятий: социального, как предиката к понятию психологии и социального, как определения этого понятия. Социальная психология во втором смысле означает ветвь психологической науки, изучающей психологические закономерности общественного, коллективного поведения в широком смысле этого слова.

Следует подчеркнуть, что вопрос заключается не в изучении поведения индивида в коллективе, а именно коллективного общественного поведения. Изучение, например, таких явлений, как классовая солидарность, революционный энтузиазм и др. Из здесь нет опасности психологизировать социологию, историю, исторический материализм. Такая «угроза» может быть и со стороны индивидуальной психологии при рассмотрении, например, вопроса роли личности в историческом процессе.⁹¹ Социально-психологическое изучение жизни общества вполне оправдано, ибо психологический момент действительности — реален также, как и социально-экономический, являющийся базисом первого.⁹²

Интересна и плодотворна постановка В. А. Артемовым задач социальной психологии: разработка вопроса о предмете, о формах коллективного образования, о формах общественного пове-

⁸⁶ Л. Бызов, Психология коллектива, «Вопросы организации и управления», М., № 1, 1924, стр. 215.

⁸⁷ Там же, стр. 216.

⁸⁸ Б. В. Беляев, Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения, «Психология», т. II, вып. 1, 1969, стр. 179—180.

⁸⁹ Там же, стр. 197.

⁹⁰ В. А. Артемов, Введение в социальную психологию, М., 1927.

⁹¹ В. А. Артемов, К вопросу о социальной психологии, «Психология», т. II, вып. 1, М.—Л., 1929, стр. 170—171.

⁹² Там же, стр. 172.

ления, о психологии общественных институтов, о методах психологии, о социальной психотехнике. Среди всех этих вопросов, вопросы о предмете социальной психологии, о природе коллектива являются кардинальными.⁹³ Например, неорганизованная толпа и организованная демонстрация могут состоять из одних и тех же людей, а поведение будет различным. Или, «закон транспонирования», то есть перенесения во все виды общественных институтов распространенных в данную эпоху потребностей и настроений, определение значения длительности общения (зевачи на улице, зрительный зал и т. д.).⁹⁴

Интересна проблема «материализации общественного поведения». Специалист по социальной психологии и этнической психологии обращается в своих исследованиях к материальной культуре. Психологические законы, воплощающиеся в этих институтах, неизвестны, открытие этих законов — задача социальной психологии. Задачей социальной психологии является и выяснение законов видоизменения поведения в зависимости от «вариации численного состава коллективов и их качественных видоизменений».⁹⁵

К проблемам социальной психологии относится и изучение поведения в театре, кино, на митинге, собрании, демонстрации, изучение нравов, обычаев, изучение такого социально-психологического явления как мода и т. д.⁹⁶ Но в целом поведение человека определяется прежде всего социально-экономическими условиями жизни общества, то есть классовым положением (классовая психология), профессиональной принадлежностью, материальном состоянием и т. д., что особенно подчеркивается автором.

В. А. Артемов печальным явлением считает распространение мнения, согласно которому психология и так насквозь социальна и поэтому нет нужды в разработке особой социальной психологии. Это не может не сказываться отрицательно на развитии социальной психологии, причин отставания которой и без того достаточно. Эти причины автор видит в том, что в социальной психологии почти не применяется эксперимент⁹⁷, а только он и может вывести социальную психологию «на вполне успешный путь развития».⁹⁸ Работы В. М. Бехтерева по коллективной рефлексологии, писал В. А. Артемов, не были удачными. Из этого следовало сделать вывод, что «физиологическим путем» нельзя разрешить общественного поведения. Однако выводы были сде-

⁹³ Там же, стр. 173.

⁹⁴ Там же, стр. 173.

⁹⁵ Там же, стр. 166.

⁹⁶ Там же, стр. 165.

⁹⁷ На почти полное отсутствие в научных исследованиях коллективной психологии эксперимента указывал и Л. Н. Войтоловский, см. Очерки коллективной психологии, М.—П., 1925, стр. 17.

⁹⁸ В. А. Артемов, К вопросу о социальной психологии, стр. 168.

ланы более широкие, что послужило известным тормозом для развития социальной психологии. Отсутствие научных традиций, неразработанность социальной психологии также являются немаловажным фактором отставания этой научной дисциплины.

Представителем социологического направления в развитии социальной психологии является и Л. Н. Войтоловский, писавший, что в основе каждой страницы истории лежит социально-психологический фактор.⁹⁹ Недостаточно знать перемены в общественно-экономическом процессе производства, необходимо детальное изучение «психологии общественных настроений и психологии данного класса в особенности».¹⁰⁰ Можно ли, например, объяснить события 9 января 1905 г., когда «необыкновенный энтузиазм рабочих масс сплетался и вырастал, с одной стороны, из первых ростков сознания, разбужненного революционной агитацией», и, с другой стороны, из «религиозного возбуждения, поднятого в них священником»,¹⁰¹ и затем произошла быстрая перемена в социальной психике рабочего класса, повернувшего решительно к Совету рабочих депутатов, изменениями в общественно-экономическом процессе производства?

Такие явления как революции, войны, бунты, крестовые походы, сектантские радения, религиозные экстазы и т. д., описываемые историками и отраженные в художественной литературе, показывают, что «везде, несмотря на различие условий национальных, политических, общественных, однообразный характер описанных движений настолько бросается в глаза, что потребность обобщающих законов и формул вытекает сама собою».¹⁰²

Географическое положение, национальные, культурные и другие факторы лишь видоизменяют характер проявления свойств, общих однотипным социальным группам. «Экономическая структура каждого класса дает направление его духовному творчеству», «нравы, обычаи, привычки, мысли, стремления и чувства неразрывно срастаются с промышленными одеждами каждой эпохи».¹⁰³ Но нельзя оперировать одной экономикой, необходимо брать в соображение всю совокупность общественной жизни, ибо и экономика — это «прежде всего результат человеческой активности».¹⁰⁴

Интересные мысли автор высказывает в связи с характеристикой психологических черт толпы, для жизни которой объединяющим моментом служит чувство: эстетическое, религиозное, патристическое, сострадания или ненависти, страха и т. д., общий эмоциональный порыв, стремление — закон духовного единства толпы, как одна из закономерностей коллективной пси-

⁹⁹ Л. Войтоловский, Очерки коллективной психологии, стр. 15.

¹⁰⁰ Там же, стр. 12.

¹⁰¹ Там же, стр. 11.

¹⁰² Там же, стр. 19.

¹⁰³ Там же, стр. 3.

¹⁰⁴ Там же, стр. 7.

хологии.¹⁰⁵ «Повсюду, где проявляется глубокая общность настроений, — в эпохи ли общественного подъема, в борьбе ли политических партий, в религиозных восстаниях и сектантских кружках, в проявлениях вкусов, увлеченных литературным поветрием или эстетической модой, — везде, где люди спаяны однородностью чувств, где царят одна неустанная готовность, одно затаенное стремление, там начинается действие совершенно новых влечений, новых зависимостей, новых психологических законов».¹⁰⁶ Солидарно действуют и артель и группа рабочих на заводе и фабрике, подчиненные товарищескому, то есть комбинированному ритмичному труду, «чувство ритма есть тоже своего рода эмоция, питаемая и сопровождаемая целым рядом других эмоциональных настроений», таких как удовольствие, соревнование, ободрение, подчинение такту и т. д.¹⁰⁷

Л. Н. Войтоловский излагает свои взгляды, используя исторические иллюстрации и примеры из художественной литературы, что делает его работы особенно интересными.

Таким образом в 20—30 гг. многие из основных проблем социальной психологии были поставлены, выделены из той совокупности проблем, которая возникает на стыке исторической науки, этнографии, психологии, философии в социологическом аспекте последней — исторического материализма.

На смену этому периоду более или менее бурного развития социальной психологии пришел период полного или частичного отрицания правомерности постановки вопроса об общественной психологии, ее изучения. Одной из причин, на которую указывал и В. А. Артемов, можно назвать смешение различных значений понятия «общественная психология».

Индивид есть общественное существо. Всякое проявление его жизни является проявлением и утверждением общественной жизни. В этом смысле и вся психология человека также — проявление общественной жизни, социальна. Однако неправильно было бы на этом основании отрицать существование общественной психологии в значении психологии определенного общества, класса, нации, коллектива людей. В этом случае понятие «общественная психология» обозначает не социальную сущность, происхождение и содержание психики человека вообще, а лишь определенную сторону общественного сознания, духовной жизни общества.

Видимо на смешении этих значений понятия «общественная психология» основано и отрицание ее отдельными марксистами, в том числе таким крупным представителем советской психологии, как С. Л. Рубинштейн.¹⁰⁸ Другой причиной отрицания со-

¹⁰⁵ Там же, стр. 29.

¹⁰⁶ Там же, стр. 33—34.

¹⁰⁷ Там же, стр. 30.

¹⁰⁸ См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 242.

циальной психологии было стремление противостоять буржуазной социологии, психологизирующей общественную жизнь, (это мы как раз и видим в работе С. Л. Рубинштейна). Те же самые аргументы мы встречаем и в учебнике по историческому материализму под редакцией М. Митина и И. Разумовского.¹⁰⁹

Причиной было и раздувание действительных и мнимых ошибок Г. В. Плеханова, уделявшего особенно много внимания вопросам социальной психологии. Ю. Франкфурт неправильно оценил понимание Г. В. Плехановым соотношения идеологии и общественной психологии.¹¹⁰ В связи с критикой Г. В. Плеханова в учебнике по историческому материализму читаем: «термин общественная «психология» или, правильнее, общественная «психика», распространившийся в последнюю треть прошлого века (с легкой руки буржуазного идеализма и эмпиризма) ... означает по существу... то же общественное сознание», «употребление термина «психика» открывает путь идеалистическому «учению» о «подсознательной» и даже «бессознательной психике». В статье А. Н. Шемякина «К вопросу о взглядах Г. В. Плеханова на отношение психики к идеологии» общественная психология отождествляется с психикой вообще. Анализ этой категории, ее отношения к идеологии, данный Г. В. Плехановым, объявляется «методологически необоснованным и ложным».¹¹¹ То же самое автор утверждает и в статье «Проблема соотношения психики, сознания и идеологии».¹¹² Неправильная оценка работ Г. В. Плеханова по вопросам общественной психологии сохранялась долгое время. В работе В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова» плехановская трактовка вопроса объявляется ошибочной на основе отождествления автором общественной психологии с национальным характером людей.¹¹³

Причиной отрицания социальной психологии является и отсутствие в работах основоположников марксизма прямых указаний на значение социальной психологии как научной дисциплины. В работах основоположников марксизма имеются блестящие образцы социально-психологического анализа общественных явлений, характеристика психологии различных классов, наций, указания на роль социальных привычек, традиций, настроений, страстей в общественно-историческом процессе. В работах Г. В. Плеханова, Антонио Лабриолы, Поля Лафарга,

¹⁰⁹ Исторический материализм, М., 1932.

¹¹⁰ Ю. Франкфурт, Плеханов и классовая психология, «Под знаменем марксизма», № 5, 1928, стр. 89.

¹¹¹ Материалы университетской психологической конференции, Изд-во ЛГУ, 1949, стр. 123.

¹¹² Ученые записки ЛГУ, № 19, вып. 3, серия философских наук и психологии, 1949.

¹¹³ В. А. Фомина, Философские взгляды Г. В. Плеханова, М., 1955, стр. 211.

К. Каутского, Н. К. Крупской, Антонио Грамши и других вопросы общественной психологии занимают значительное место. Поэтому можно говорить о том, что в марксизме имеется прочная традиция признания значения и всестороннего учета общественно-психологических явлений.

Наконец, причиной отставания социальной психологии является и отсутствие экспериментов, эмпирических исследований, в том числе и социально-психологических, на что указывали уже В. А. Артемов и Л. Н. Войтоловский. После постановления 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов», в котором была осуждена практика педологов, проведение ими «ложнонаучных экспериментов», обследований и т. д., «перенесение в советскую науку антинаучных принципов буржуазной педологии»¹¹⁴ и социальную психологию стали рассматривать в качестве буржуазной лженауки и развитие ее приостановилось.

После некоторого перерыва социально-психологические проблемы вновь привлекли внимание советских исследователей. В 1958 году вышла книга В. П. Тугаринова «Соотношение категорий исторического материализма», в которой уделено место и категории «общественная психология». Рассматривая взаимосвязь и взаимозависимость материальных и идеологических отношений, автор высказывает много интересных мыслей, связанных с этой категорией, и прежде всего раскрывает самое содержание ее. В общественную психологию входят, пишет В. П. Тугаринов, те мысли и идеи об общественной жизни (это не будет «обыденным сознанием», как выражаются некоторые авторы), которые не нашли еще четкого идеологического оформления. Человек не сразу достигает идеологической зрелости. Поэтому так велико идеологическое воспитание народа. Мысли, идеи составляют лишь часть сознания, психики. Психическая жизнь содержит также чувства, настроения, предрассудки, предубеждения. Автор решает также и вопрос о соотношении идеологии и общественной психологии.

В 1959 г. Б. Г. Ананьев в рецензии на книгу С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» писал: «Нет оснований полагать, что «социальная психология» может быть только идеалистической и реакционной. Существование общественной психологии не менее бесспорно, чем существование идеологии».¹¹⁵

В 1959—1963 г. на страницах журнала «Вопросы психологии» развернулась дискуссия по вопросу о предмете социальной психологии. Участники дискуссии, к сожалению, отмечали в основном лишь недостатки в развитии социальной психологии на

¹¹⁴ См. «КПСС о культуре, просвещении и науке», Сборник документов, М., 1936, стр. 393, 395.

¹¹⁵ Б. Г. Ананьев, «Бытие и сознание» (о новой книге С. Л. Рубинштейна). «Вопросы психологии», № 1, 1959.

предыдущем этапе и называли развитие ее в 20—30 гг. «неудачной попыткой». В 1959 г. появилась статья А. Г. Ковалева «О социальной психологии», которая, можно сказать, и положила начало дискуссии. Предметом социальной психологии автор считает изучение психологии масс, наций, коллективов, динамику психологии в зависимости от экономических и политических условий жизни.¹¹⁶

В дискуссии о предмете социальной психологии приняли участие А. В. Баранов.¹¹⁷ Б. Д. Парыгин,¹¹⁸ Е. С. Кузьмин. Е. С. Кузьмин совершенно справедливо, на наш взгляд, отметил, что определение социальной психологии, данное А. В. Барановым (также, как и определения, даваемые Б. Д. Парыгиным), не содержат в себе ничего нового, по сравнению с тем, что писали В. А. Артемов, Б. В. Беляев и другие.¹¹⁹

Свое понимание предмета социальной психологии Е. С. Кузьмин излагает следующим образом: «Социальная обусловленность, характер протекания психических процессов, принцип общения» — вот общие принципы социальной психологии, науки о социально-исторической типологии людей, науки о разных формах межлюдских взаимоотношений.¹²⁰ Тип производственных отношений, экономическая структура общества, характер конкретно-исторических условий вносят «существенную конкретизацию в социальную обусловленность сознания, личности человека, определяя их социально-исторический тип».

Имеются различные общественные группы: коллективы предприятий, классы, нации, народ в целом. «Изучение конкретной социальной обусловленности, протекания психических процессов и общения людей в коллективах составляет содержание социальной психологии», социальная психология — наука о социально-исторической типологии людей, наука о разных формах межлюдских взаимоотношений. «Социальная психология изучает классовые, сословные, национальные признаки психологии людей и особенности их протекания, проявления, формирования в разных группах, коллективах, через разные формы общения людей».¹²¹

Определение, даваемое Е. С. Кузьминым в общем верное, однако слишком расширительное. «Социально-историческая типология» не сводится к психологическим особенностям только,

¹¹⁶ А. Г. Ковалев, О социальной психологии, Вестник ЛГУ, № 11, серия экономики, философии и права, вып. 2, Л., 1959, стр. 79.

¹¹⁷ А. В. Баранов, О предмете социальной психологии, «Вопросы психологии», № 2, 1962.

¹¹⁸ Б. Д. Парыгин, К вопросу о предмете социальной психологии, «Вопросы психологии», № 5, 1962.

¹¹⁹ Е. С. Кузьмин, О предмете социальной психологии, «Вопросы психологии», № 1, 1963, стр. 142.

¹²⁰ Там же, стр. 143.

¹²¹ Там же, стр. 144.

«сознание людей» также включает в себя не только психологические моменты. «Особенности личности» различного порядка, психологические можно лишь выделить. К тому же и психология — понятие более широкое, включающее в себя не только моменты сознания, но и некоторые бессознательные моменты, например, навыки, социальные привычки, на определенном этапе — также потребности, интересы.

Большинство экспериментальных методик из общей психологии, считает Е. С. Кузьмин, может быть с успехом преобразовано для целей социальной психологии.¹²² Это верно, если под предметом социальной психологии понимать изучение различного рода коллективов, ибо для изучения социальных групп (классов, наций и др.) совершенно недостаточно указанных методов, а некоторые из них просто не годятся. Например, групповой эксперимент, смысл которого Е. С. Кузьмин видит в установлении различий «в протекании психических процессов в изолированных условиях и в непосредственном контакте с другими людьми, или метод наблюдения значимых ситуаций и т. д.»

На II съезде психологов с докладом о предмете, методах и актуальных проблемах социальной психологии в СССР выступил В. Н. Колбановский, считающий предметом социальной психологии «изучение законов развития психической деятельности в различных общественных группах или коллективах, а также в массах населения».¹²³ Социальная психология изучает развитие и формирование чувств, настроений, убеждений и поведения людей в коллективах, в семье, детском саду, школе, вузе, заводе, колхозе, в художественном объединении и т. д. При этом самыми крупными общественными объединениями автор считает классы, нации, народы.

Задачу социальной психологии автор видит в «изыскании наиболее эффективных методов воспитания способностей каждой личности в производственных коллективах», в установлении «надежных критериев для определения способностей каждой личности», в изучении развития «художественных талантов в коллективах художественной самодеятельности», изучение вкусов и потребностей и т. д.¹²⁴

Это, пожалуй, самое широкое понимание предмета социальной психологии, охватывающее и область психологии и всю систему воспитания. Центральной же проблемой марксистской социальной психологии автор считает проблему взаимоотноше-

¹²² Е. С. Кузьмин, Методы социальной психологии, Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 5, 1963, стр. 219.

¹²³ В. Н. Колбановский, Предмет, методы и актуальные проблемы социальной психологии в СССР. Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 5, стр. 181.

¹²⁴ Там же, стр. 183. См. также: Предмет, методы и актуальные проблемы советской общественной психологии, «Проблемы общественной психологии», М., 1965, стр. 164.

ния людей в коллективе, принадлежа тем самым к тому направлению социальной психологии, которое рассматривает ее как отрасль психологической науки.

Ветвью психологии считает социальную психологию и В. Н. Мясищев,¹²⁵ понимающий под предметом социальной психологии изучение изменений психической деятельности человека в группе под влиянием взаимодействия с ними,¹²⁶ «психическое взаимодействие и взаимовлияние людей, динамика их развития и их результаты».¹²⁷ Рассмотрение общепсихологического плана личности и коллектива в их единстве — необходимое условие успешного изучения развития человека как индивида и элемента общества.¹²⁸ Автор выделяет и такие социологические проблемы, как изучение типических особенностей этнических, культурно-исторических, классовых и профессиональных групп, изучение психических процессов общения, порождающих нравы, обычаи, особенности языка, культуры, идеологии, характеров национальностей и социальных групп».¹²⁹

Самое общее определение предмета социальной психологии с точки зрения психологии дается Е. В. Шороховой, Н. С. Мансуровым и К. К. Платоновым: «Общественная психология должна иметь дело с психическими явлениями, с чертами и особенностями личности, возникающими в области общественных отношений человека».¹³⁰ И ряд последующих работ названных авторов¹³¹ детализируют данное основное положение. Несколькими иной подход мы находим в работе Н. С. Мансурова «Актуальные вопросы общественной психологии» (М., 1968).

Другое направление в развитии социальной психологии представлено в основном философами и социологами, рассматривающими предмет социальной психологии в связи с развитием исторического материализма и социологии, с выделением таких проблем, как соотношение идеологии и общественной психологии,

¹²⁵ В. Н. Мясищев, Социальная психология и психология отношений. «Проблемы общественной психологии», стр. 274.

¹²⁶ В. Н. Мясищев, Взаимодействия и взаимоотношения людей как предмет социальной психологии, Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 5, стр. 185.

¹²⁷ В. Н. Мясищев, Социальная психология и психология отношений, стр. 274.

¹²⁸ Там же, стр. 285.

¹²⁹ Там же, стр. 277.

¹³⁰ Е. В. Шорохова, Н. С. Мансуров, К. К. Платонов, Проблемы общественной психологии, «Вопросы психологии», № 5, 1963, стр. 78—79.

¹³¹ Н. С. Мансуров, Современная буржуазная психология, М., 1962. Отличие общественной психологии как отрасли советской психологии от буржуазной социальной психологии, Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 5: Проблемы социальной психологии, «Культура и жизнь», № 7, 1965; Общественная психология и педагогическая наука, «Советская педагогика», № 9, 1965; под редакцией К. К. Платонова, О чертах личности нового рабочего, М., 1963; Личность и труд, М., 1965.

общественной психологии и форм общественного сознания (особенно с религией, моралью, искусством), отражения общественного бытия в общественной психологии, закономерности формирования национальной психологии, психологии классов и социальных групп, изучение общественного мнения и т. д.

Говоря о соотношении социологии и социальной психологии, В. П. Рожин пишет, что предмет социальной психологии — социально-психологические явления, аналогично тому, как каждая форма общественного сознания становится предметом изучения отдельных наук: эстетики и других.¹³² «Общественная психология как явление общественной жизни подчиняется социологическим законам и закономерностям, которые изучаются марксистской социологией»,¹³³ последняя «дает лишь общую теорию общественной психологии, закономерностей ее развития и функционирования, которая имеет огромное методологическое значение для таких наук, как социальная психология, педагогика, этика, эстетика, также изучающих социально-психологические явления общественной жизни».¹³⁴

Несколько иначе понимает соотношение социальной психологии и социологии Д. И. Чесноков. Признавая важность разграничения сфер деятельности психологии и социологии и считая общественную психологию «разделом психологической науки», изучающей отношения людей друг к другу и коллективу в рамках «малой группы» под углом зрения психологических особенностей личностей, Д. И. Чесноков в то же время делит духовную жизнь общества на «два этажа»: общественную психологию и идеологию, соотношение которых и их взаимодействие с экономическим строем и социальными отношениями признает предметом социологии.¹³⁵

Исследователи, придерживающиеся социологического подхода к социальной психологии, наибольшее внимание уделили выяснению взаимоотношения общественной психологии и идеологии. Уже в работе М. А. Рейснера отмечалось, что произведения Маркса и Энгельса полны психологических характеристик, что основоположники марксизма не сводили все к идеологии. «Идеология или идея, сохраняя в своем оформленном и устойчивом выражении определенный логический состав и соответствующий ему фактический смысл, может быть на самом деле воспринята совершенно по-разному психологически различными группами»,

¹³² В. П. Рожин, Марксистская социология и социальная психология, Вестн. ЛГУ, № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, 1964, стр. 62.

¹³³ Там же, стр. 61.

¹³⁴ Там же, стр. 62.

¹³⁵ См. XVIII Международный психологический конгресс, 1966, III, стр. 260—261.

страсти и поведение которых при этом также будут различными.¹³⁶

Поскольку Г. В. Плеханов в своих трудах уделял большое внимание этой проблеме, то и положения его на сей счет также неоднократно подвергались критике. Ю. Франкфурт в работе «Плеханов и методология психологии»¹³⁷ и особенно в статье «Плеханов и классовая психология»¹³⁸ излагает основные мысли Г. В. Плеханова, приводит много соответствующих мест из его работ, однако изложение этих мыслей дается очень произвольно и потому представлено в достаточно искаженном виде.

Так, приведя массу выдержек из работ Г. В. Плеханова, в которых подчеркивается классовый характер психологии и дается конкретная характеристика различных классов и слоев общества, Ю. Франкфурт, на том основании, что Плеханов пишет о психологии низших классов, находящихся под влиянием высших и принимающих частный интерес высшего класса за общий и, следовательно, за свой собственный, и что низший класс должен освободиться из-под влияния высшего, что в свою очередь связано с развитием его сознания, что «действия низшего класса тем более соответствуют общему благу, чем более растет его классовое сознание, чего нельзя сказать о высших классах, которые, чем лучше сознают свой классовый интерес, тем больше их действия противоречат интересам целого, тем эгоистичнее они становятся»,¹³⁹ делает, например, такой вывод: «следовательно психика эксплуатируемых рабочих прогрессивна, психика же буржуазии, обреченной историей на гибель, реакционна», хотя, как только что это было видно, у Плеханова и речи нет специально ни о рабочих, ни о буржуазии. И можно ли вообще говорить о реакционности или прогрессивности психологии? Даже психологии класса?

Психология характеризуется совокупностью каких-то черт, одни из которых могут быть положительными, другие отрицательными, однако положительное не синоним прогрессивного. Развитие науки, искусства в буржуазном обществе связано с именами лучших представителей демократических слоев общества, психология которых отнюдь не была пролетарской. Или если взять вопрос о чувстве солидарности. Ю. Франкфурт пишет, как вредно для пролетариата чувство солидарности в отношении буржуазии. Однако не о солидарности вообще необходимо говорить, а о конкретных ее проявлениях, значении ее в конкретных ситуациях. Например, защита родины от внешнего нападения всегда требовала солидарности между различными классами и

¹³⁶ М. А. Рейснёр. Проблемы социальной психологии, стр. 23, 24.

¹³⁷ Ю. Франкфурт, Плеханов и методология психологии, М.—Л., 1930.

¹³⁸ См.: «Под знаменем марксизма», № 5, 1928.

¹³⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 27.

слоями общества, в этом заключался общенациональный интерес. Ф. Энгельс писал о борьбе немецкого народа за свое национальное освобождение: «И перед этим национальным подъемом исчезли все классовые различия».¹⁴⁰

В целом в работах Ю. Франкфурта дается обильный материал, подтверждающий, какое огромное значение придавал Г. В. Плеханов характеристике классового характера психологии в классовом обществе, что не помешало обвинять его в биологизаторстве и натуралистическом мышлении и в «идеалистическом понимании соотношения между психологией и идеологией», недостаточном «вскрытии» классового содержания сознания, классового характера литературы и искусства.

По сути дела такие обвинения были предъявлены Г. В. Плеханову и А. Н. Шемякиным.¹⁴¹ Во-первых, Г. В. Плеханов обвинялся в том, что признавал психику корнем идеологии. Психология и идеология — особые, нетождественные общественные категории, в этом Г. В. Плеханов прав, но корнем идеологии психика быть не может. Столь безоговорочное утверждение вряд ли правильно. Формирующаяся идеология класса может находиться в различных взаимоотношениях с его психологией, в том числе может иметь психологию своим «корнем», вырастать из нее, быть ее «кристаллизацией». При этом необходимо еще учесть и то обстоятельство, что Г. В. Плеханов материалистически объяснял и самую классовую психологию: «Материализм, писал Г. В. Плеханов, — объясняя психологию данного общества или класса, апеллирует к общественной структуре, создаваемой экономическим развитием», и т. д.¹⁴²

Далее Г. В. Плеханов обвинялся в том, что, признавая психологию корнем идеологии, относил связь между ними «только к культурным народам классового общества», писал, что «в первобытном обществе у людей нет отдельно психики и идеологии».¹⁴³ Но откуда же в первобытном обществе могла быть идеология, под которой подразумевается совокупность идей и взглядов, отражающих в систематизированной форме общественную жизнь сквозь призму классовых интересов, когда не было классов?

Термин «идеология» имел различное содержание в разные исторические периоды, но в марксизме этот термин, как правило, употреблялся именно в указанном выше смысле. Г. В. Плеханов совершенно, на наш взгляд, прав в данном вопросе, когда он пишет, что «в первобытном обществе, не знающем разделе-

¹⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 455.

¹⁴¹ А. Н. Шемякин, К вопросу о взглядах Г. В. Плеханова на отношение психики и идеологии.

¹⁴² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, М.—Л., 1925, стр. 234.

¹⁴³ А. Н. Шемякин, К вопросу о взглядах Г. В. Плеханова на отношение психики и идеологии, стр. 121.

ния на классы, производительная деятельность человека непосредственно влияет на его мирозерцание и на его эстетический вкус»,¹⁴⁴ т. е. надстройка и производство связаны непосредственно. Здесь и речи нет об отсутствии «понятийного мышления», что А. Н. Шемякин приписывает Г. В. Плеханову. Не говоря уже о такой логике автора статьи: сначала Г. В. Плеханов обвиняется в том, что он «отрывает» идеологию от психики, далее, что он «отождествляет» их, и, наконец, что по Плеханову «психика имеет тенденцию отмереть и останется только идеология!»¹⁴⁵ Все это полностью противоречит тому, что писал Г. В. Плеханов по данному вопросу, и что о Г. В. Плеханове писал Ю. Франкфурт, доводы которого мы уже привели.

Чтобы закончить обзор анализируемых в нашей литературе взглядов Г. В. Плеханова на соотношение идеологии и психологии, остановимся еще на статье Б. Д. Парыгина, посвященной специально вопросам социальной психологии в работах Г. В. Плеханова. Прежде всего следует отметить, что данная статья наиболее полно в нашей литературе освещает постановку и решение многих проблем социальной психологии одним из представителей марксизма. Однако нельзя согласиться с тем, что Г. В. Плеханов недооценивал, как утверждает автор, «идеологического фактора в формировании общественной психологии».¹⁴⁶ Можно привести много положений из работ Г. В. Плеханова, подтверждающих как раз обратное. Вот одно из них: «что же нужно сделать для того, чтобы поведение отдельных общественных классов, слоев и групп не противоречило интересам всего общества? Понято — что! Нужно устранить противоречие частных интересов этих классов, слоев и групп с общими интересами целого», «это противоречие может быть устранено только развитием сознания низшего класса», «действия низшего класса тем более соответствуют общему благу, чем более растет его классовое сознание».¹⁴⁷ Таким образом и Б. Д. Парыгин был отдан соответствующая дань делу критики Г. В. Плеханова.

Но не только в связи с критикой явных и мнимых ошибок Г. В. Плеханова поднимался вопрос о взаимоотношении общественной психологии и идеологии. Многие исследователи пытались позитивно разрешить эту проблему.

Так, в 1961 г. вышли статья и автореферат кандидатской диссертации В. Н. Алексеева «Роль коммунистической идеологии и общественной психологии в формировании высоких моральных качеств воинов».¹⁴⁸ Моральный облик — понятие, относящееся

¹⁴⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 223.

¹⁴⁵ А. Н. Шемякин, Указанная статья, стр. 122.

¹⁴⁶ Б. Д. Парыгин. Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова, «Проблемы общественной психологии», стр. 95.

¹⁴⁷ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 27.

к той стороне общественного сознания, которая определяет отношение к действительности человека, класса, народа, продиктованное интересами, и которая лежит в основе побуждений, стремлений и действия. Экономические, политические, духовные условия жизни людей, отражаясь в сознании класса, создают психологическую почву, предпосылку проникновения идей и взглядов в сознание людей и превращения их во внутренние убеждения.¹⁴⁹ Общественная психология — это сознание массы людей, возникающее в процессе их будничной, повседневной практики.¹⁵⁰

Автор, как и многие другие, употребляет выражение «масса», как будто общественная психология — это явление, специфически присущее только «массе», а у не-«массы» — одна идеология и нет «будничной, повседневной жизни». Идеология выражает только «коренные классовые интересы и цели», поэтому, считает автор, «всякая идеология возникает прежде всего как отражение общественных отношений и противоречий в обществе», «свое содержание она черпает непосредственно из реальной действительности в известном смысле независимо от общественной психологии, от тех повседневных нужд и интересов, которые преимущественно отражаются в психологии класса».¹⁵¹ Как видим, в формулировках автора нет большой четкости, они все время сопровождаются такими выражениями: идеология возникает «прежде всего» — значит идеология возникает не только как отражение общественных отношений и противоречий, или «независимо в известном смысле», следовательно, в других смыслах — «зависимо»? Причиной такого рода высказываний автора, возможно, является то же самое отношение к идеям Г. В. Плеханова, которое, можно сказать, приобрело силу предрассудка, недаром автор выражает свое согласие, например, с А. Н. Шемякиным, точка зрения которого, как пишет автор, «представляется более обоснованной».¹⁵²

В автореферате кандидатской диссертации А. М. Корячкиной «К вопросу о соотношении идеологии и общественной психологии», (1964) общественная психология рассматривается как «практическое сознание трудящихся», а идеология — как «их теоретическое сознание». И опять общественная психология — это психология трудящихся. Почему? Есть ведь и психология нетрудящихся, психология туенядцев, психология преступников, эксплуататоров, бюрократов и т. д., представляющих целые слои общества, между собою не обязательно связанные

¹⁴⁸ См.: Тр. Военно-политической Академии им. В. И. Ленина. № 33. М., 1961 и автореферат.

¹⁴⁹ См.: Автореферат..., стр. 10.

¹⁵⁰ См.: Тр. Военно-политической Академии, стр. 255, 256.

¹⁵¹ Автореферат, стр. 12.

¹⁵² Там же.

непосредственно, но их связывает однотипность психологии и поведения.

В 1966 г. появляется еще одна работа, посвященная проблеме соотношения идеологии и общественной психологии. Автор ее Е. П. Полищук,¹⁵³ совершенно справедливо упрекает других в произвольной трактовке и употреблении понятий. Однако самим автором общественная психология и идеология называются и «компонентами общественного сознания», и «уровнями отражения общественного бытия», и теоретической и эмпирической «ступенями общественного сознания» и т. д. Еще Ф. Энгельс писал, что нередко «словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления».¹⁵⁴

Пожалуй можно даже утверждать, что устойчивое употребление понятий «теоретическое сознание» и «идеология» уже утвердилось в нашей литературе: «теоретическое сознание» — понятие более широкое, идеология — теоретическое сознание, отражающее классовые интересы и цели, не всякое теоретическое сознание представляет собою идеологию — все это стало уже азбукой. Однако автор не различает идеологию и теоретическое сознание, говорит даже о необоснованности различия идеологического и познавательного процессов, хотя вполне очевидно, что познание — это процесс, в результате которого получают истинные или искаженные знания, а на основе знаний, на основе правильно понятого классового интереса в свою очередь вырабатывается идеологией класса теория, выражающая классовый интерес и цели, за которые ведется борьба. Можно ли в таком случае в отношении идеологии говорить, что она истинная или ложная? Если в тредьюнионистской идеологии интересы пролетариата были выражены неправильно, то это означало лишь, что идеологией пролетариата эта идеология не могла быть. А если буржуазная идеология правильно выражает классовые интересы буржуазии, то можно ли говорить, что она имеет ложный характер, как это утверждает Е. П. Полищук? Если говорить о том, что буржуазная идеология выражает интересы пролетариата — это утверждение будет ложным, но если говорится, что она выражает интересы буржуазии и выражает их правильно, что же тогда в ней ложного?

Не понимая диалектики абсолютности и относительности в истине, истины и заблуждения, истинности и ложности, автор пытается обвинять других во всех смертных грехах, и прежде всего в том, что они считают идеологию «ни истинной, ни ложной», это, пишет автор, «опасно», т. е. «может быть использовано в целях отрицания истинности марксистско-ленинской идеологии и маскировки ложного характера идеологии буржу-

¹⁵³ Соотношение идеологии и общественной психологии, Киев, 1966.

¹⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 293.

азной». Где автор видит такую «опасность»? Общественную же психологию автор признает «реально существующим массовым сознанием», «собственным сознанием масс» и при этом не видит никакой опасности в использовании буржуазными идеологами деления общества не на классы, а на «непросвещенные, темные массы», которым присуща только «общественная психология», или как некоторые авторы еще называют «обыденное сознание», и элиту, у которой «общественная психология», согласно логике Е. П. Полищука, отсутствует.

Основоположники марксизма давали социально-психологическую характеристику не только рабочему классу, крестьянству, т. е. тем, кого нередко именуют «массой», но и интеллигенции, т. е. той социальной группе, которая не относится обычно к «массе», но которая тоже имеет психологию, а не только «теоретическое сознание» и «идеологию».

Интерес представляет раздел «Идеология и общественная психология» также и в коллективном труде «Психология воинского коллектива» (1967). Авторы монографии А. В. Барабанщиков, А. Д. Глоточкин, Н. Ф. Феденко, В. В. Шеляг отмечают давний интерес к проблеме общественной психологии, характерный для военных и политических работников. В частности, авторы отмечают работы М. В. Фрунзе, который писал о необходимости «отличать и учитывать общественную психологию красноармейцев из рабочих и крестьян, новобранцев и старослужащих воинов».¹⁵⁵ Отмечается также интерес и к социально-психологическим исследованиям в армии, которые проводились в 20 гг. В монографии некоторые проблемы социальной психологии, главным образом в ее психологическом аспекте, развиваются в связи с изучением процессов, происходящих в воинских коллективах.

Как видим, проблеме выяснения взаимоотношения общественной психологии и идеологии в нашей литературе уделено много внимания, что, однако, не означает окончательного разрешения этой проблемы. Другим проблемам при социологическом подходе к предмету социальной психологии было уделено несколько меньше внимания. К ним относится и вопрос национальной психологии.

В 1927 г. вышла работа Густава Шпета «Введение в этническую психологию», в которой автор считает предметом этнической психологии «дух народа» как «коллективный субъект», объективирующийся в языке, мифах, нравах, религии и т. д.¹⁵⁶ Этническая психология изучает «типические коллективные пе-

¹⁵⁵ А. В. Барабанщиков, А. Д. Глоточкин, Н. Ф. Феденко, В. В. Шеляг, Психология воинского коллектива, М., 1967, стр. 14.

¹⁵⁶ Густав Шпет, Введение в этническую психологию, Киев, 1927, стр. 108—109.

реживания»,¹⁵⁷ типически общее в реакциях коллектива на объективную действительность.¹⁵⁸ Тип, пишет автор, не есть «носитель» в смысле субстанции, он может быть «выразителем» в смысле репрезентации коллективного по преимуществу. Тип эпохи, народа и пр. — «суть типы духовных укладов», не в смысле сходства психофизических организмов народов, эпох или групп населения, а в смысле единства коллективной душевной жизни. Язык, миф, рыцарство, эпоха Возрождения, культ, война и т. п. «суть указания на «идеи», объединяющие не только «объектированное» содержание, но и психологическую реакцию на него».¹⁵⁹

Каждый индивид, пишет автор, «есть *sui generis* коллектив переживаний, где его личные переживания предопределяются всей массой аперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, т. е. как его современников, так и его предков».¹⁶⁰ «Сознание народа, что он есть этот народ, есть объект этнической психологии, как особое переживание «народности», национальности, и т. п., каковые термины являются уже категориями чисто психологическими». Духовное богатство индивида есть прошлое народа, к которому он сам себя причисляет. Духовный уклад индивида и есть дух его народа. Мы определяем конкретный дух, собирая типические черты одного «воображаемого» репрезентанта и этот последний уже служит «нормой» для определения принадлежности каждого индивида к данному коллективному типу».¹⁶¹

Хотя среди советских исследователей национального вопроса нет единства в признании психического склада нации и в его понимании, о чем свидетельствует и развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия,¹⁶² однако многие придают проблеме то необходимое значение, которое она имеет и недооценка которой может вести на практике к значительным трудностям при разрешении вопросов, возникающих в разнонациональных коллективах.

В 1959 году в Вестнике АН Казахской ССР появилась статья Л. Карасаева «К вопросу о психическом складе нации», автор которой, понимая под психическим складом национальный характер, пишет о различных формах проявления таких нравственных качеств, как коллективизм, принципиальность, патриотизм, трудолюбие и т. д., свойственных всем народам и нациям. Формы проявления этих качеств отличаются в силу своеобразного восприятия окружающей действительности, эмо-

¹⁵⁷ Там же, стр. 109.

¹⁵⁸ Там же, стр. 110.

¹⁵⁹ Там же, стр. 133.

¹⁶⁰ Там же, стр. 134.

¹⁶¹ Там же, стр. 146.

¹⁶² См. «Вопросы истории», № 1, 1966 и последующие номера.

циональных различий и особенностей манер мышления людей различных наций. Именно специфическая манера мышления и воспроизведения явлений окружающей среды составляет своеобразные черты психического склада нации, не являющегося «классовой категорией», пишет автор.¹⁶³

Одной из обособленных отраслей психологического знания считает «народную психологию» А. С. Прангшвили.¹⁶⁴ Специфика и значение «народной психологии» «определяются спецификой «народного опыта», как источника знаний о психической деятельности человека». Этот народный опыт представлен в продуктах народного творчества: языке, фольклоре и т. д., сам образ жизни народов, т. е. те данные, «с которыми одинаково имеют дело как антропологические, так и психологические науки, изучая человека».

В 1966 г. вышла монография С. М. Арутюняна «Нация и ее психический склад».¹⁶⁵ В работе признается общность психического склада нации, хотя автор и пишет, что он трудно уловим и проявляется только в особенностях национальной культуры.¹⁶⁶ Употребление термина «национальный характер» автор считает неточным, поскольку о «едином характере» можно говорить только в отношении индивида.

Однако достаточно широко известны социально-психологические характеристики наций, даваемые основоположниками марксизма, в которых одно из основных мест уделено именно характеристике национальных характеров. К сожалению, автор в такой большой монографии не использовал в достаточной мере этих важных характеристик и прямых указаний на наличие и значение «национальных характеров»: «Английский национальный характер, — писал Ф. Энгельс, — существенно отличен как от немецкого, так и от французского»,¹⁶⁷ «ирландцы по своему национальному характеру сродни романским народам...»,¹⁶⁸ К. Маркс также отмечал «более страстный и более революционный характер ирландцев в сравнении с англичанами»¹⁶⁹ и т. д. К тому же автор и сам непоследователен, употребляя этот «неточный», по его словам, термин, когда пишет, что окружающая естественная среда не может играть определяющей роли в формировании общности национального характера», подобные выражения встречаются очень часто в работе.

¹⁶³ Л. Карасаев, К вопросу о психическом складе нации, «Вестник АН Казахской ССР», № 9, 1959.

¹⁶⁴ К понятию психического в «народной психологии», VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Тбилиси, 1964.

¹⁶⁵ С. М. Арутюнян, Нация и ее психический склад, Краснодар, 1966.

¹⁶⁶ См. стр. 22 и 17.

¹⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 602.

¹⁶⁸ Там же, т. 2, стр. 493.

¹⁶⁹ Там же, стр. 557.

Несколько странным на наш взгляд выглядит такое утверждение автора, пишущего монографию о национальном, а не о классовом психическом складе: «Живыми постоянными носителями психического склада всегда выступают народные массы, создатели материальной и духовной культуры нации».¹⁷⁰ А другие представители нации, что же — неживые и непостоянные?

Ф. Энгельс, например, писал, что крестьянское движение в Германии XVI в. было «столь же национально», как и «национальное дворянское движение».¹⁷¹ К. Маркс отмечал различие французского и английского материализма, отвечавшее в какой-то степени различию национальных характеров.¹⁷² Философия, как известно, является духовной культурой и духовным богатством нации но создается она не народными массами. В. И. Ленин писал о «мыслящих представителях класса»: «В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положении исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть — и, пока существуют классы, пока полностью не укрепились, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно будут — представители класса не мыслящие и мыслить не способные»¹⁷³.

То упрощенное представление о культурном развитии нации, которое дает автор, не может способствовать научному исследованию этих проблем. Автор, к сожалению, неточно передает и некоторые другие важные положения. Так, С. М. Арутюнян пишет: «Социальную психологию К. Маркс назвал обыденным сознанием классов».¹⁷⁴ К. Маркс нигде не употребляет понятия «социальная психология» и нигде не пишет об «обыденном сознании классов». Такое вольное обращение с мыслями классиков марксизма совершенно недопустимо.

Несмотря на указанные недостатки и неточности, появление работы С. М. Арутюняна означает известный сдвиг в разработке национальной психологии как одной из проблем социальной психологии. Прежде всего следует отметить как очень важную, на наш взгляд, и положительную особенность работы С. М. Арутюняна — исторический подход к проблемам. Далее, выделение определенного круга проблем, предпринимаемое автором, представляет особенно необходимым в современных условиях. Главным образом таких проблем, как соотношение общенационального и классового, интернациональная природа общности социалистических наций, становление единых черт духовного облика социалистических наций и особенности их культурного сближения и др.

¹⁷⁰ С. М. Арутюнян, Указ. работа, стр. 26.

¹⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 493.

¹⁷² Там же, т. 2, стр. 144.

¹⁷³ В. И. Ленин, Соч., т. 41, стр. 52—53.

¹⁷⁴ С. М. Арутюнян, Указ. работа, стр. 40.

Большое внимание проблемам национальной психологии было уделено в монографии «О некоторых понятиях теории нации», изданной кафедрой философии Киргизского государственного университета в 1968 г. Таким проблемам, как национальный интерес, национальный вкус, национальные чувства, понятие «духовный облик нации» и др. было отведено в работе значительное место.

Многие исследователи в своих работах рассматривали соотношение общественной психологии с другими явлениями общественной жизни. Больше всего внимания было уделено религиозной психологии, которая чаще всего рассматривалась в ее связи и взаимоотношении с идеологией.

В 1961 г. в «Вопросах философии» (№ 4) появилась статья Д. М. Угриновича. «Атеистическое воспитание и преодоление религиозной психологии». Автор отмечает большое значение изучения общественной психологии в рамках отдельных форм общественного сознания, в том числе изучение религиозной психологии, как части общественного сознания, относящейся к общественной психологии. Поэтому автор и ставит проблему соотношения религиозной идеологии и религиозной психологии.

К сожалению, Д. М. Угринович отождествляет общественную психологию с так называемым «обыденным сознанием»,¹⁷⁵ которое, по нашему мнению, не может быть отнесено к общественному сознанию. Конечно, по своему происхождению, по своей сущности, средствам сознание человека во всех своих аспектах является общественным. Но когда мы говорим в социологии об общественном сознании, имеются в виду моменты общественно-значимые, общие для социальных групп, отражающие определенные процессы. Такой социальной группой может быть класс, нация, социальная прослойка общества и т. д. Вряд ли понятие «обыденное сознание» можно применить и характеристике одной нации в противоположность другой или одного класса в противоположность другому.

Ссылки некоторых авторов, включающих «обыденное сознание» в структуру общественного сознания, на Ф. Энгельса нельзя признать удачными. У Ф. Энгельса выражение «обыденное сознание» — при рассмотрении логических и гносеологических, но отнюдь не социологических вопросов, — соответствует метафизическому мышлению (в том числе и в области науки), не связанному с теоретическим исследованием и сознательным применением категорий мышления.

О некоторых психологических основах религии интересные мысли высказаны С. Коппелем.¹⁷⁶ Выделяя в религии как фор-

¹⁷⁵ Д. М. Угринович, ук. статья, стр. 98, 99; см. также стр. 29.

¹⁷⁶ С. Коппель, О некоторых психологических основах религии, «Коммунист Эстонии», № 7, 1962.

ме общественного сознания две стороны — религиозную психологию и религиозную идеологию, — автор пишет о необходимости развивать психологию религии как одну из отраслей психологической науки, изучающей религиозную психологию, рассматриваемую автором как категорию исторического материализма. Поскольку, пишет автор, общественное сознание существует только в индивидуальных сознаниях, то исследовать его можно при помощи психологической науки.

Из общепсихологического аспекта религиозного сознания автор выделяет в качестве составных частей связанные с религией представления и понятия, религиозные чувства и связанную с религией волевою деятельность. Психологической основой и религиозной психологии, и религиозной идеологии является вся психическая деятельность в целом. «Религиозные чувства представляют собой искаженные общечеловеческие чувства, продукт объединения естественных чувств с религиозными ошибочными мнениями человека».

Один из путей освобождения людей от религиозных чувств — освобождение его от религиозных представлений и убеждений. «Чтобы человек стал верующим, религиозные представления и понятия должны стать... сильными доминантами», подчиняющимися себе все другие раздражители, тесно связанные с чувствами, особенно, например, эстетические переживания, что церковь давно и умело использовала. Другое свойство доминанты — инертность, устойчивость, неугасимость, «очаг патологически застойного возбуждения», по выражению И. П. Павлова. «Если отдельные религиозные представления, понятия и чувства представляет собой доминанты, то религиозное мировоззрение, вера человека в целом есть система этих доминант и соответствующих действий, возникающих из-за свойства высшей нервной функции — синтетической (системной) деятельности. Синтетическая деятельность сводит связи повременной последовательности, пространственного соседства, тождественности, противоположности, причинности и связанные с другими условиями нервные функции в комплексы, системы».

Система религиозных мыслей, чувств и действий не изолирована от нерелигиозных. В одинаковых повторяющихся условиях складываются определенные системы реакций на некоторые раздражители — динамические стереотипы, в результате многократного повторения нервные процессы становятся автоматическими, стереотип становится инертным, трудноизменяемым. Динамические стереотипы являются физиологической основой навыка, знаний, привычек. «И система религиозных убеждений, чувств и действий может сложиться в коре головного мозга в динамический стереотип, религия может стать, так сказать, привычной», «привычным образом мышления». Можно сознательно помочь человеку «погасить религиозные доминанты». В зависимости от возраста возникновение и угасание

динамического стереотипа происходит различно. У молодых людей и особенно у детей это происходит быстрее и легче. Все это необходимо учитывать и использовать в атеистическом воспитании.

В 1967 г. вышла монография К. К. Платонова «Психология религии», в которой автор под религиозной психологией понимает лишь «индивидуальное религиозное сознание».¹⁷⁷

Через всю книгу К. К. Платонов проводит основную идею тесной связи религии с психологией, связи религиозных чувств с другими, с эстетическими, в том числе. Убедительно доказывая, что религиозные чувства не являются врожденными, а воспитываются обществом, автор вскрывает психологические корни религии, видя их в таких человеческих чувствах, как страх¹⁷⁸, любовь¹⁷⁹ и другие, которые при определенных условиях становятся основой особых религиозных чувств. «Так в психологии исповеди, как и в психологии молитвы и в ряде других случаев, общие психологические закономерности, искажаясь верой, становятся явлением религиозной психологии»¹⁸⁰. Какова же, например, психологическая сущность исповеди? — спрашивает автор, — которая заставляла уже с IV века большинство верующих добровольно исповедоваться? И отмечает психологические причины этого: явление, названное Аристотелем «катарсисом» (термин, нередко употребляемый в древнегреческой философии и эстетике) — очищением под влиянием музыки, трагедии и т. д., т. е. вытеснение примитивных эмоций более возвышенными и эстетически сильными, — ритуальная обстановка исповеди способствовала этому. Вторая причина выражается народной мудростью: «разделенная радость — двойная радость; разделенное горе — половинное горе» — чувство облегчения, «душевного освобождения», по выражению Джемса, создание особого эмоционального состояния. Третью причину автор видит тоже в «катарсисе», понимаемом в несколько ином смысле и применяемом в современной психотерапии: в качестве приема, задачей которого служит связывание неосознанных и мучительных переживаний в причинно-следственные цепи, внесение изменений в застойные очаги возбуждения в коре головного мозга, что нередко можно достигнуть путем словесного выражения. Еще одну психологическую особенность имеет только исповедь: вера в отпущение грехов. «Если бы исповедь и покаяние в грехах не давали бы людям облегчения, церковь не смогла бы загавить верующих исповедоваться»¹⁸¹

¹⁷⁷ К. К. Платонов, Психология религии, М., 1967, стр. 8.

¹⁷⁸ Там же, стр. 32, 33 и др.

¹⁷⁹ Там же, стр. 115.

¹⁸⁰ Там же, стр. 214.

¹⁸¹ Там же.

К. К. Платонов отмечает огромную роль в религиозной психологии «нейродинамического стереотипа», состоящего из серии условных рефлексов, сложившихся в определенную систему, «слаженную, уравновешанную, — по словам И. П. Павлова, — систему внутренних процессов». Все религиозные ритуалы и обряды по своим механизмам, считает автор, — это нейродинамические стереотипы¹⁸². «Срабатывает», как теперь принято выражаться, и закон доминанты. «В борьбе разума и веры разум физиологически находится в худшем положении, так как эмоциональные доминанты чаще бывают сильнее, чем интеллектуальные. Поэтому вера формируется не доводами, а чувствами, вызываемыми этими доводами. Уничтожается она также не доводами, а путем создания более сильной эмоциональной доминанты».¹⁸³

Определяя личность «как носителя сознания»¹⁸⁴ и выделяя в структуре личности различные ее элементы, стороны, автор вместе с тем подчеркивает целостность ее структуры. В структуру личности религиозного человека религиозное сознание может входить лишь как часть, занимая более или менее значительное место. Поэтому достаточно эффективное воздействие на сознание верующего возможно лишь при непременном условии изучения его личности в целом, в частности, — содержания эмоциональной жизни человека. Этим обосновывается необходимость индивидуального подхода в атеистическом воспитании¹⁸⁵. «Понимание динамической функциональной структуры личности верующего, — справедливо пишет автор, — облегчает индивидуальную работу с ним».¹⁸⁶

Основной же корень религии очень ярко, по мнению автора, выразил Л. Фейербах: «Тайна религии есть, в конце концов, лишь тайна сочетания в одном и том же существе сознания с бессознательным, воли с произвольным... Человек со своим Я или сознанием стоит на краю бездонной пропасти, являющейся, однако, не чем иным, как его бессознательным существом, представляющимся ему чужим», «бездонная пропасть», — пишет К. К. Платонов, — это бессознательное (неосознанное) в психике человека», «тайна религии» — это сочетание в одном и том же сознании человека осознанного и неосознанного.¹⁸⁷

В связи с приведенным положением, которое автор делает одним из основных в своей работе, часто употребляя выражение: «стоять на краю бездонной пропасти», можно высказать и некоторые полемические замечания.

¹⁸² Там же, стр. 29.

¹⁸³ Там же, стр. 100.

¹⁸⁴ Там же, стр. 227, 229.

¹⁸⁵ Там же, стр. 10.

¹⁸⁶ Там же, стр. 227.

¹⁸⁷ Там же, стр. 36.

К. К. Платонов неоднократно ставит знак равенства между религиозной психологией и индивидуальным религиозным сознанием (напр., стр. 8); на том основании, что сознание есть высшая форма психики, автор не видит «никакой разницы» между религиозной психологией и религиозным сознанием (стр. 227). Но на стр. 36 автор сам писал о «бессознательном» (неосознанном) в психике человека. Имеет ли здесь место просто лишь неудачное применение терминологии («бессознательное» оказывается «сознанием»)? Думаю, что не только это.

В работе К. К. Платонова проступает тенденция сведения психологии личности религиозного человека к определенному состоянию сознания. Но это в свою очередь мешает автору заметить, что он противоречит основному смыслу своей работы, когда начинает рассматривать религию только в плоскости знания. Проявляется это в стремлении преувеличить значение отношения религии к науке. Отсюда, в духе буржуазного просветительства, утверждение: «Там, где наука делает шаг вперед, религия отстывает».¹⁸⁸ Если бы действительно было так, то вряд ли бы религия сохранилась так долго, особенно если учесть уже не просто шаги вперед, а стремительный бег современного научного развития. Дело же обстоит далеко не так просто, и К. К. Платонов сам прекрасно показал это, исходя из одного из основных положений Энгельса: «Религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным».

По словам автора, задача, которую он поставил в III главе «Психология веры» — показать «психологическую причину непримиримости науки и религии». Она — в принципиальном различии знания и веры в индивидуальном сознании».¹⁸⁹ Однако функция науки как особой формы общественного сознания отнюдь не в том, чтобы, «исправлять любые искажения познания».¹⁹⁰ Можно, конечно, и такую задачу ставить перед наукой, но это не специфически научная задача. И искусство отражает мир в художественных образах, а не в понятиях науки, законах и категориях. Среди средств и приемов художественного выражения значительное место принадлежит гиперболе, олицетворениям, иносказаниям, фантазии, художественному вымыслу, которое знанием не является, и т. д. И мораль не представляет собою совокупности, не говоря уже о системе, знаний, научных понятий. Следовательно, их также можно противопоставлять в каком-то отношении науке и т. д. Да и религия совсем не обязательно стремится заменить знания верой.

¹⁸⁸ Там же, стр. 117.

¹⁸⁹ Там же, стр. 143.

¹⁹⁰ Там же, стр. 94.

В процессе познания мира возможны, были, есть и всегда будут заблуждения. Если религиозное представление мира можно назвать заблуждением, то заблуждение не обязательно связано с религией. Корни религии не в знании или их отсутствии. Основную роль, как показывает К. К. Платонов, играет психика человека, чувства страха, бессилия, зависимости. Это, в основном, явления индивидуальной психологии, психологические же проблемы религии по преимуществу социально-психологические. Заслугой автора, рассматривающего явления религиозной психологии в плане индивидуального сознания, является как раз то, что он внимание свое сосредоточил на психологических проблемах. Из социальной обусловленности религиозной психологии автор исходит, нигде не забывая о данном основании.

Некоторые сомнения вызывает и концепция автора относительно минимумов религии, науки, морали и искусства: веры, знания, осознания норм взаимоотношения между людьми, «эффекта участия». Минимумом религии автор считает веру, неожиданно признавая при этом в качестве одного из источников религиозных взглядов чувство сомнения.¹⁹¹ Кстати, и Р. А. Лопаткин, один из авторов книги «Особенности современного религиозного сознания» (М., 1966), пишет, что «такие верующие, которых часто называют «колеблющимися», и представляют собой наиболее массовый тип современного верующего»¹⁹². Чувство сомнения, однако, является, по словам К. К. Платонова также и причиной свободомыслия и атеизма.¹⁹³ Надо отметить также существование различных проявлений веры. Чувство веры может не быть связано с религией. Так, например, вера в победу во время войны в огромном количестве случаев основывалась на осознании справедливости нашего дела, на чувстве патриотизма, а не на основе знания. В сфере науки только тот, кто верит в правильность своей гипотезы, будет делать все, чтобы ее доказать. «Вера» здесь — убеждение в истинности еще не доказанного вывода из данных науки, отвечающего требованиям логики научного метода. От нее отказываются в случае ее очевидного несоответствия вновь обнаруженным фактам. К. К. Платонов же пишет, что представитель науки не может употреблять выражений: «не верю», «верю», а только — «знаю» и «не знаю, но должен узнать»¹⁹⁴. Вера религиозна, когда связывается с представлениями об иной, нереальной жизни, о существовании иных, нереальных существ, которые верующему человеку представляются реальными.

¹⁹¹ Там же, стр. 6.

¹⁹² Там же, стр. 22.

¹⁹³ Там же, стр. 20.

¹⁹⁴ Там же, стр. 118—119.

Автор предлагает в предыдущих случаях слово «вера», как якобы заимствованное из лексикона религиозных людей, заменить словом «убеждение» (стр. 93). Вряд ли замена слов поможет в данном случае, ведь и верующий «убежден», что есть бог, все дело в том, на чем основано это убеждение: на знании или вере.

Исторически сложилось определенное словоупотребление у многих народов. Слово «вера» употребляется в двух основных смыслах: как убеждение, уверенность в чем-то и как представление о существовании бога и т. д. и вера в них, в то, что они существуют. Латинское «fides» — вера, доверие; немецкое «Glauben» — религиозная вера, доверие, уверенность; английское «faith» — вера, доверие, религиозная вера, честность, верность и т. д. и английское прилагательное «faithful» — верный, преданный, верующий, правотверный, правдивый и т. д.; французское «foi» — вера, верование, доверие; польское «wiara» — вера, верование, и церковное в том числе, «wiarogodność» — подлинность, достоверность и т. д. Вероятно, с исчезновением религии потеряет смысл одно из значений слова «вера», а другое — убеждение, уверенность — сохранится.

Ввиду сказанного, чувство веры является необходимым элементом не только религиозного сознания. Оно необходимо человеку вообще. Если человек стремится к чему-то он должен быть уверенным, что достигнет этого, т. е. верить в возможность достижения. И если автор относит, и совершенно справедливо, к группе верующих тех, которые «сомневаются», то, следовательно, у них нет веры (вера и сомнение — несовместимые чувства) и тогда, в силу логики самого автора, вера не может быть «достаточным» элементом «чтобы утверждать наличие религиозного сознания»¹⁹⁵. Поэтому, возможно, не само по себе чувство веры может являться минимумом религий, а вера во что-то (в мана, в аренда, в аканда, в маниту, см. стр. 130); вера в приметы (стр. 191). Или, как автор пишет на стр. 82 — «в сверхъестественное»; «по своей сути, — пишет К. К. Платонов, — вера обращается не к реальному миру, а к богу»¹⁹⁶; или, наконец, употребляя выражение Энгельса — «фантастическое отражение внешних, земных сил, природных и общественных, которые принимают форму неземных». И это не будет тавтологией — «маслом масляным», как полагает автор¹⁹⁷.

Что касается знания, о котором К. К. Платонов пишет, как о минимуме науки, то оно является необходимым элементом не только науки, но и вообще человеку, чтобы выжить, приспособиться (речь идет о ранних ступенях развития общества), нуж-

¹⁹⁵ Там же, стр. 55.

¹⁹⁶ Там же, стр. 228.

¹⁹⁷ См. стр. 85.

но знание. Если знание следует признать необходимым элементом науки, то достаточным оно вряд ли является, ибо без отлета фантазии от жизни, без гипотез и предположений, без, прежде всего, системы, в которую знания приводятся, нет науки.

«Осознание норм взаимоотношения между людьми» — настолько значительно и по содержанию и по значению, что термин «минимум морали» кажется странным. К тому же в первобытном обществе мораль была, а осознания норм, вероятно, не было.

И, наконец, если минимум искусства считать, как это делает автор, «эффект участия», то вся схема представляется, если позволено будет так выразиться, «отлетом фантазии от действительности», что свойственно, по выражению самого автора, «второй сигнальной системе и особенно абстрактному мышлению»¹⁹⁸, и что может приводить либо к религиозной вере, либо к построению далеких от действительности схем. Ведь в общении между людьми в производстве, в быту, в семейных отношениях, в выполнении различного рода обрядов и культов, в том числе и религиозных, обязательно имеет место «эффект участия». С другой стороны, например, картины многих художников (скажем, фламандская живопись, Рафаэль, Айвазовский и т. д.) не производят такого «эффекта», в то время как, например, абстрактное искусство его обязательно предполагает, иначе его невозможно воспринимать, что со многими людьми и происходит. В киноискусстве роль этого эффекта значительна, но он также не может быть назван достаточным «минимумом», ведь если показывать все время движущиеся на зрителя предметы, то это еще не будет искусством, хотя эффект участия и может создаваться.

К. К. Платонов правильно показывает, как велика связь религии с искусством, этой формой общественного сознания, проявляющейся так или иначе в сознании личности, в какой тесной связи они находились в истории культуры. Подчеркивая различие между религиозными чувствами и эстетическими, автор отмечает их различного рода взаимовлияния и возможность взаимного усиления¹⁹⁹. Но вряд ли можно говорить об «общем психологическом корне религии и искусства», который автор видит в чувстве прекрасного²⁰⁰, являющемся эстетическим чувством. Общий психологический корень автор видит у религии и с наукой и связывает его с ориентировочным рефлексом и возникновением второй сигнальной системы. Тогда уж проще сказать, что вся психология человека является корнем религии, искусства, морали, науки, философии и т. д. Действительная

¹⁹⁸ Там же, стр. 142.

¹⁹⁹ Там же, стр. 59—60.

²⁰⁰ Там же, стр. 58.

же задача заключается в том, чтобы отыскать специфические психологические корни религии.

Следует отметить также понимание автором отношения религии к мифологии, как особой форме общественного сознания. На стр. 70 автор называет античную мифологию одной из религий древнего мира. На стр. 58 автор пишет, что в мифах имеются элементы религии, искусства, морали и науки (в виде «элементов объяснения причинно-следственных отношений, ответов на вопрос «почему?») и что поэтому нельзя считать мифы «только религиозным явлением». На стр. 107 автор простейшие мифы называет «формой народного творчества». И, наконец, на стр. 224 автор противопоставляет химию и алхимию, астрономию и астрологию, историю и мифы, медицину и знахарство, отмечая, что в свое время у них не было столь «отчетливо выраженных антагонистических противоречий, как сейчас». К. Маркс называл, как известно, греческую мифологию предпосылкой греческого искусства, арсеналом и почвой его. «Всякая мифология, — писал Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы», «предпосылкою греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией». Маркс пишет о мифологическом отношении к природе, о мифологизировании природы, что происходило до возникновения таких форм общественного сознания как искусство, философия. К сожалению, автор не использует современных советских исследований мифологической формы сознания, опирающихся на эти идеи Маркса.

Не может удовлетворить рассмотрение автором связи религии с философией. Во-первых, для него по сути дела не существует разницы между идеализмом и религией. Утверждая, что «агностицизм» есть элемент религиозной психологии²⁰¹, автор, очевидно, забыл, что Энгельс считал агностицизм отнюдь не элементом религии, а стыдливым материализмом. Это же приводит автора к утверждению, что «история философии не знает ни одного философа-идеалиста, являвшегося последовательным атеистом, хотя бывали случаи, когда материалисты, в силу путаницы и непоследовательности своих взглядов и давления традиций, были религиозными людьми»²⁰². («Ни одного философа-идеалиста», хотя «бывали случаи» с материалистами). А на стр. 32 приводит прекрасную выдержку из лекции идеалиста атеиста Бертрана Рассела «Почему я не христианин». Добавление слова «последовательный», конечно, может считаться до-

²⁰¹ Там же, стр. 118.

²⁰² Там же, стр. 25.

статочным для того, чтобы признать данную мысль правильной. Однако, строго говоря, последовательно-атеистическое мировоззрение представляет только диалектический и исторический материализм Маркса.

Интересной представляется попытка, предпринятая Б. Ф. Поршневым, рассмотреть некоторые проблемы социальной психологии в свете истории.²⁰³ Ранее эти проблемы были поставлены в статье А. Я. Гуревича, опубликованной в журнале «Вопросы истории».²⁰⁴ Говоря о некоторых аспектах изучения социальной истории, А. Я. Гуревич большое внимание уделяет именно общественно-исторической психологии, считая перспективным для исторического исследования использование методики и проблематики ее. Автор считает, что «в любой человеческой группе — от самой небольшой и элементарной (скажем, семья) и до наиболее крупных коллективов (класс, народ, нация) — в системе многообразных взаимоотношений осуществляется также и духовное общение, в немалой мере определяющее внутреннее психологическое состояние группы и влияющее на степень ее устойчивости, жизнеспособности, эффективности и характер ее отношений с другими группами».²⁰⁵ Без учета общественной психологии, как важного фактора общественной жизни, многие явления, по мнению А. Я. Гуревича, остаются непонятными.

Большое место в работах занимает критика буржуазной социальной психологии. Эта критика велась и в 20—30 гг. М. А. Рейснер отмечал в своих работах, что хотя социальная психология как наука возникла сравнительно поздно, о ее возникновении можно говорить лишь с того времени, «когда впервые родилась социология, как самостоятельная доктрина»,²⁰⁶ «психологические данные встречаются в большом изобилии в различных политических и этических системах, начиная с древности».²⁰⁷ «Одна история иезуитов, — пишет М. А. Рейснер, — дает великолепные документы по церковной психотехнике».²⁰⁸ В работе «Проблемы социальной психологии», отмечая «классовую подоплеку», автор дает критику теоретических положений Сигеле, Тарда, Лебона о «толпе», теории инстинктов Мак-Дауголла, теории «психических рас» Л. Крживицкого. В работах М. А. Рейснера находим и критическую оценку учения

²⁰³ Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966. Наша рецензия на эту книгу была опубликована в журнале «Вопросы философии», № 7, 1967.

²⁰⁴ А. Я. Гуревич, Некоторые аспекты изучения социальной истории, «Вопросы истории», № 10, 1964.

²⁰⁵ Там же, стр. 51.

²⁰⁶ М. А. Рейснер, Социальная психология и марксизм, стр. 27, 31.

²⁰⁷ Там же, стр. 27.

²⁰⁸ Там же, стр. 29.

З. Фрейда.²⁰⁹ В работе В. А. Артемова «Введение в социальную психологию» также содержится история развития социальной психологии и критический анализ предшествующей социально-психологической мысли, начиная с Лацаруса и Штейнтала.

Критике буржуазной социальной психологии посвящены некоторые работы Ю. А. Замошкина. Рассматривая социальную психологию с точки зрения социологии и с этой точки зрения критикуя буржуазных идеологов, автор в работе 1958 г. определяет общественную психологию как совокупность «социальных чувств, переживаний, привычек, нравов, иллюзий, настроений, типов характера», людей того или иного общества, класса, прослойки, возникающих стихийно».²¹⁰ Современная же буржуазная социальная психология именно классовую сущность психологии и не признает, не делая различия между группами и подхода «о одной меркой», — пишет автор, — и с одним набором средств анализа к любым, самым различным объединениям и группам людей: и к таким, например, как спортивные клубы или воровские шайки».

К сожалению, от этого, правильного, на наш взгляд, понимания социальной психологии, автор постепенно отказался, хотя в статье «Психологизм в социологии»²¹¹ он и указывает эту работу в библиографии. В работе 1960 года²¹² повторяя, по сути дела, свое прежнее определение общественной психологии и отмечая отличие ее от идеологии, автор без достаточной аргументации высказывает положения, отрицающие в конечном счете специфику общественной психологии. Ю. А. Замошкин идеологию считает «обобщенным и абстрагированным от отдельного индивида осмыслением «задач и интересов общества в целом», и класса, а общественную психологию, которая, по выражению автора «всегда выступает» «в личной форме», как проявление «в форме социальной общности» психических свойств индивидуумов. Что это может означать: общественная психология выступает в личной форме, а проявляется в форме социальной общности? В этой работе автором был сделан шаг в сторону признания общественной психологии, как присущей уже не классу, обществу, прослойке, а только индивиду, хотя автор еще и употребляет понятие «социальной общности».

И в следующей работе «Кризис буржуазного индивидуализма» 1966 автор уже окончательно признает общественную пси-

²⁰⁹ М. А. Рейснер, Фрейд и его школа о религии, журнал «Печать и революция», кн. 1 и 3, 1924; его же, Социальная психология в учении Фрейда, там же, кн. 3, 4, 5, 1925.

²¹⁰ Ю. А. Замошкин, Психологическое направление в современной буржуазной социологии, М., 1958, стр. 7.

²¹¹ См.: «Философскую энциклопедию», т. 4.

²¹² Проблема общественного сознания и теории социальной психологии. Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии, М., 1960.

хологию как совокупность социальных чувств, настроений, переживаний, привычек, черт характера человека, побудительных мотивов его поведения.²¹³

В 1962 г. вышла монография Н. С. Мансурова «Современная буржуазная психология», в которой описывается история возникновения основных школ и отраслей психологии (социальную психологию автор относит к отрасли психологии) и значительный раздел которой посвящается критике психорасизма, социометрии, фрейдизма.²¹⁴

Автор подчеркивает, как один из основных пороков буржуазной социальной психологии, преувеличенную оценку роли психологии в общественной жизни, при этом употребление таких категорий, как «класс», «производственные отношения», «общественно-экономическая формация» и другие, избегается. В самой буржуазной социальной психологии, пишет автор, имеется три направления: «психолого-социологическое, социально-психологическое и микросоциологическое (социометрия)».²¹⁵

Психолого-социологическое направление, основывающееся на бихевиоризме, главной проблемой социальной психологии считает изучение взаимоотношений людей в группе и межгрупповые отношения. Группы подразделяются на первичные (семья, соседи, группы, складывающиеся в часы досуга и т. п.) и вторичные (цех, предприятие, учреждение и т. п.), или «оформленные» и «неоформленные», причем «неоформленным» группам, складывающимся на основе общности взглядов и интересов уделяется особое внимание. Большое место занимает проблема лидерства. Генетическая школа социальной психологии, утверждающая, что всякая психология — социальная наука, что социальная психология изучает поведение индивида в группе, влияние группы на индивида, изучает мотивы человеческого поведения. Признавая влияние среды, общества, социальные психологи психолого-социологического направления считают классовое деление общества абстракцией, а задачей социальных психологов — изучение не абстракций, а реальных людей с их конкретными желаниями, целями, потребностями и т. д.

Социально-психологическое направление («психологическая школа в социологии») главной задачей социальной психологии считает объяснение не психических явлений, а общественных. Они подменяют социологию психологией, используют фрейдизм, теорию инстинктов и т. п. для объяснения явлений общественной жизни.

²¹³ Ю. А. Замосшкин, Кризис буржуазного индивидуализма, М., 1966, стр. 14.

²¹⁴ Обстоятельную критику фрейдизма см. также Е. В. Шорохова, в кн.: «Современная психология в капиталистических странах», М., 1963.

²¹⁵ Н. С. Мансуров, Современная буржуазная психология, М., 1962. Эти же идеи автор развивает и в разделе «Социальная психология» в книге «Современная психология в капиталистических странах».

Микросоциология изучает так называемые «малые группы» общества, главной задачей ее является регулирование взаимоотношениями в группе. С критикой этого направления буржуазной социальной психологии выступили М. Бахитов²¹⁶ и А. Д. Глоточкин. Признавая проблему взаимоотношений между людьми в коллективе, группе одной из важнейших проблем социальной психологии, А. Д. Глоточкин дает критический разбор и оценку теоретических положений буржуазной социальной психологии и социометрических методик, применяемых ею. Автор сам применил социометрические методики к изучению взаимоотношений в военных коллективах и сопоставил их с результатами, полученными с помощью «обычной, несколько систематизированной методики»,²¹⁷ т. е. методов наблюдения, бесед и обобщения независимых характеристик. Вывод, который был сделан автором: микросоциология электически синтезирует глубинную психологию и бихевиоризм, применяемая ею социометрическая методика мало пригодна «для изучения психологических взаимоотношений» между людьми и использованы могут быть лишь отдельные приемы социометрической методики.²¹⁸

С такой, в целом отрицательной, оценкой социометрии согласны не все исследователи. Е. С. Кузьмин говорил, что «метод социометрии как способ, прием может быть выделен из методологии и ложной теории Д. Морено с пользой для социальной психологии. В этом убеждаются наши друзья из ГДР, в этом убедились и мы при социально-психологическом исследовании «производственных бригад», «социометрия — хороший, быстрый прием «фотографирования» отношений в коллективе, группе. Эти отношения можно выявлять и другими методами: наблюдением значимых ситуаций, беседой, длительной работой с коллективом, но наиболее эффективным остается социометрия».²¹⁹

Об этом же Е. С. Кузьмин пишет и в статье «Из опыта изучения производственных коллективов». Суть методики Д. Морено заключается в сравнении видимых, пространственных взаимоотношений в бригаде (макроструктура, психография) с невидимыми, внутренними взаимоотношениями в бригаде (микроструктура).²²⁰ «Интересно отметить, — пишет Е. С. Кузьмин, — что, по данным Дж. Морено и его учеников, которые изучают взаимоотношения в группах на капиталистических предприя-

²¹⁶ См. предисловие к книге Дж. Л. Морено, Социометрия, М., 1958.

²¹⁷ А. Д. Глоточкин, Проблема взаимоотношений в буржуазной психологии, Тр. Академии, (Военно-политическая), М., 1963, стр. 254.

²¹⁸ Там же, стр. 255.

²¹⁹ Е. С. Кузьмин, Методы социальной психологии, Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 5, стр. 220.

²²⁰ См.: «Проблемы общественной психологии», стр. 412.

тиях, макроструктура почти никогда не соответствует микро-структуре. В наших же коммунистических бригадах такое соответствие налицо».²²¹

В монографии «Основы социальной психологии», вышедшей в 1967 г. Е. С. Кузьмин справедливо пишет, что «диагностика и прогнозирование деятельности групп и личности еще далеки от совершенства», но еще хуже обстоит дело с изучением «психических состояний толпы, масс, средств коммуникаций, психологии народов и наций. Пока, — пишет автор, — социальные психологи в этих областях могут сказать лишь несколько больше, чем просто перечислить или на уровне беллетристики описать эти явления».²²² Однако, как нам кажется, автор не учитывает особенностей социальной психологии в ее социологическом аспекте.

В зависимости от того, что понимается под основной проблемой социальной психологии, должны находиться и методы исследования. Буржуазная социальная психология, как показали многие из рассмотренных нами исследователей, не проводя различия между «группами», применяют для их изучения по сути дела одни и те же методы, и прежде всего методы группового эксперимента, получившие распространение после проведения их немецким психологом Мёде над группами студентов и учащихся.²²³

Для изучения психологии класса, нации, иной социальной группы, вероятно, не годятся методы социометрии. С помощью бесед, анкет и т. д. можно выяснить настроение, отношение к тем или иным явлениям общественной жизни, людям, событиям. Изучение продуктов деятельности, печатных материалов, исторических событий, этнографических материалов, художественной литературы и т. д. может помочь в изучении национальной психологии, классовой, психологии эпохи и т. д., всей совокупности проблем социальной психологии при социологическом к ней подходе. Известно какое значение придавал В. И. Ленин изучению этнографии, народного творчества. По поводу «Смоленского этнографического сборника», составленного В. И. Добровольским, В. И. Ленин говорил: «какой интересный материал... Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... вот здесь, в сказках Ончукова... есть замечательные места... это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни».²²⁴

²²¹ Там же, стр. 417.

²²² Е. С. Кузьмин, Основы социальной психологии, Л., 1967, стр. 4.

²²³ О проводившихся групповых экспериментах Мёде, Олпорта и В. М. Бехтерева см. Е. С. Кузьмин, Методы социальной психологии.

²²⁴ В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин об устном народном творчестве, «Советская этнография», № 4, 1954, стр. 118.

Об использовании для целей коллективной психологии богатейшего этнографического материала, накопленного в России, писал Г. Челпанов.²²⁵ О фольклоре как источнике изучения общественной психологии писал В. Е. Гусев.²²⁶ С. И. Королев, рассматривая этническую психологию как отрасль социальной психологии, пишет, что «определенные сведения о национальной психике можно получить путем изучения языка (особенно лексики)».²²⁷

В интересной монографии Э. А. Баграмова «Национальный вопрос и буржуазная идеология» (1966), как и в ранее вышедшей брошюре «Старые расистские измышления на новый лад» (1959) немалое место занимает критика буржуазных теорий, связанных с проблемами национальной психологии. Автор пишет: «Метод изучения психических особенностей народов, которым пользуются этнопсихологи, а также их суждения о духовном облике людей ненаучны и реакционны. Но это вовсе не значит, что наука отрицает различия в психическом складе отдельных народов». «Психический склад нации — это отражение в психике ее представителей своеобразных условий жизни нации, совокупность особенностей духовного облика народа, которые проявляются в национальных особенностях культуры, в различных сферах жизни, труда, быта».²²⁸ Этот, правильный, на наш взгляд, подход к проблемам национальной психологии сохраняется и в работе 1966 года, в которой круг вопросов, связанных с национальной психологией, значительно шире. Автор затрагивает и вопрос национального характера, психического склада нации, национальных предрассудков, национального интереса и национального сознания, национального нигилизма, шовинизма, космополитизма и национализма и др.

В работах советских социальных психологов уделялось внимание и истории социальной психологии, хотя монографического исследования пока не имеется. В уже упоминавшихся работах М. А. Рейснера, В. А. Артемова, Н. С. Мансурова, Ю. А. Замошкина, Е. С. Кузьмина дается исторический обзор и анализ развития социальной психологии с момента ее возникновения и до наших дней.

Несколько работ было посвящено рассмотрению проблем социальной психологии в работах основоположников марксизма. В 1959 году вышла статья Б. Д. Парыгина «В. И. Ленин об

²²⁵ Г. Челпанов. Социальная психология или условные рефлексы, стр. 9.

²²⁶ В. Е. Гусев, Фольклор как источник изучения социальной психологии, «Проблемы общественной психологии».

²²⁷ С. И. Королев, Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, Автореферат канд. диссертации, М., 1965, стр. 4, 10.

²²⁸ Э. А. Баграмов, Старые расистские измышления на новый лад, М., 1959, стр. 50, 51.

общественных настроениях»²²⁹ и в 1961 году автореферат кандидатской диссертации «В. И. Ленин о формировании настроения масс». Автор не дает, на наш взгляд, более или менее четко определенного социального настроения (например, революционным настроением он считает и «революционную энергию масс», как будто энергия — это настроение, и «решимость рабочего класса»). Автор пишет даже, что категория настроения «совпадает с понятием общественной психологии»²³⁰ на том основании, что В. И. Ленин в одном из своих докладов говорил: психология «левых коммунистов» в отношении учета, контроля и дисциплины совпадает с настроениями мелкой буржуазии.²³¹

Очевидная нелогичность заявления о «совпадении» понятий «настроение» и «общественная психология», вынуждает автора оговориться, что «категория общественного настроения никогда полностью не совпадает с категориями общественной психологии и идеологии». Сами настроения какой-то социальной группы могут совпадать или соответствовать психологии другой социальной группы в какой-то момент или в отношении каких-то явлений общественной жизни, о чем В. И. Ленин и писал в приведенном выше случае, но при чем же тут совпадение категорий?

Такое произвольное изложение ленинских мыслей свойственно не только этой работе, автор допускает их и в других своих работах. Подчеркивая «исключительную подвижность» коллективных настроений, изменение их и «качественно» и «коренным образом» в «самый незначительный срок, иногда почти мгновенно»²³² автор, к сожалению, не указывает методов, с помощью которых можно изучать столь быстро изменяющиеся явления. Б. Д. Парыгин пишет: «Рассматриваемый вопрос почти не затрагивался в нашей научной литературе, за исключением работ, опубликованных автором»²³³ но поскольку «без учета общественных настроений и законов их движения немисливо проникновение в сущность любого социального явления»²³⁴, то приходится сделать вывод, что до появления указанной автором научной литературы никому еще не удалось проникнуть в сущность ни одного социального явления.

И, наконец, итогом многолетней работы автора в этой области, согласно аннотации, явилась монография «Общественное настроение», в которой понятие «общественное настроение» при-

²²⁹ См. Вест. ЛГУ, № 17, 1959, серия экономики, философии и права.

²³⁰ Там же, стр. 76, 77, 78.

²³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 264.

²³² Б. Д. Парыгин, В. И. Ленин о формировании настроений масс, Автореф. канд. дисс., Л., 1961, стр. 9; см. также «Проблемы общественной психологии», стр. 305.

²³³ Там же, стр. 287.

²³⁴ Там же, стр. 286.

обретает «предельно широкий смысл»²³⁵, по выражению самого автора оно включает в себя и настроение восприятий и ощущений (установка восприятия и мироощущение), и настроение чувств, и настроение воли, и настроение интересов, воображения, настроения памяти и т. д., под настроением понимается и «совокупность оттенков чувств», и скептицизм, и сомнение, и нигилизм, и «дух времени», и «дух народа».²³⁶

Б. Д. Парыгин в статье «К. Маркс и Ф. Энгельс об общественной психологии» пишет, что основоположниками марксизма общественная психология рассматривалась «как специфический вид сознания» в отличие от теоретически систематизированных форм — науки и идеологии,²³⁷ в параграфе «К. Маркс и Ф. Энгельс о видах и формах общественной психологии» автор выделяет в качестве «видов» общественной психологии: индивидуальную общественную психологию и групповую или общественную психологию.

Примером способа обращения с работами основоположников марксизма, широко применяемого автором, может служить утверждение о том, что когда К. Маркс пишет, что общество есть «продукт взаимодействия людей», то он тем самым подчеркивает «важность того момента», что без «социально-психологического общения и взаимовлияния людей друг на друга» «немыслимо само понятие групповой психологии».²³⁸ Автор утверждает также, что «в работах К. Маркса и Ф. Энгельса... всесторонне раскрыта структура элементов социальной психологии»²³⁹ и т. д. Такой стиль исследования сохраняется и в монографии «Социальная психология как наука».

Б. Д. Парыгин не может отнести социальную психологию ни к психологии, ни к социологии и поэтому он просто называет ее «отраслью науки», или «отраслью в различных разделах обоснования» и т. п.²⁴⁰, пытаясь выяснить вопрос: наука ли социальная психология вообще.

В первой главе «Из истории социальной психологии» автор, разбирая вопрос о возникновении социальной психологии, критикует Е. С. Кузьмина и Н. С. Мансурова за то, что они, считая социальную психологию ответвлением, отраслью психологии, объясняют ее возникновение потребностями развития самой психологии, развитием ряда общественных наук, с одной сто-

²³⁵ В. Д. Парыгин, Общественное настроение, М., 1966, стр. 3.

²³⁶ Там же, стр. 11, 30, 66 и другие.

²³⁷ См. «Проблемы общественной психологии», стр. 17.

²³⁸ Там же, стр. 28.

²³⁹ Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука, Л., 1965, стр. 55.

²⁴⁰ Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука, Автореф. докт. дисс., Л., 1967, стр. 3; его же, Социальная психология как наука, стр. 15.

роны, и потребностями идеологической и политической борьбы господствующих классов, с другой. Поскольку, по мнению автора, они делают больший упор на потребностях идеологической и политической борьбы, поэтому «социальная психология оказывается по существу вынесенной за рамки науки».²⁴¹

Как же автор сам объясняет возникновение социальной психологии: главную роль в возникновении социальной психологии играли «закономерности развития научного знания»,²⁴² «потребности развития научного знания»,²⁴³ «успехи и потребности развития различных отраслей научного знания»²⁴⁴ пишет автор, не давая, однако, конкретного анализа этих причин и условий, этих закономерностей и потребностей. По сути дела возникновение социальной психологии автором также объясняется потребностями общественного развития, главным образом, классовыми интересами господствующих верхов.²⁴⁵ Собственно, весь пафос страницы двадцатой заключается в том, что социальная психология — «новый идеологический способ оправдания эксплуатации и насилия», вызвана «задачами борьбы эксплуататорских классов с революционным движением», связана «с колониальной внешней политикой» и т. д.

Другими словами, автор иных, по сравнению с критикуемыми им авторами, причин возникновения социальной психологии не указывает. Правда, Б. Д. Парыгин делает такую оговорку, что социальная психология еще не является самостоятельной научной дисциплиной, что возникновение ее следует относить к 30—40 гг. XX в, и тут же пишет об основных этапах развития буржуазной социальной психологии, начиная со второй половины XIX в. Но если какая-либо наука имеет «этапы» своего развития, то значит она уже обнаруживает свое существование, нельзя же ее возникновение относить ко второму, третьему и т. д. этапам. Когда же автор пишет о развитии социальной психологии в СССР, то он совсем забывает «науку». Он пишет: «практические задачи», «потребности практики» «настоятельно требовали разработки научной социальной психологии».²⁴⁶

В монографии дается критика буржуазной социальной психологии. Основной порок буржуазных социальных психологов Б. Д. Парыгин видит в том, что они «требуют отделить теорию от эмпирических данных». Упрек автора, на наш взгляд, справедлив, учитывая имеющее место фактическое отделение теории от эмпирических исследований. (Кстати, и у нас нередко

²⁴¹ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 8.

²⁴² Там же, стр. 17.

²⁴³ Там же, стр. 10.

²⁴⁴ Там же, стр. 15.

²⁴⁵ Там же, стр. 19.

²⁴⁶ Там же, стр. 45.

эмпирические исследования ведутся в отрыве от теории, на что уже в литературе указывалось.²⁴⁷ Однако, автор строит при этом свою критику, подменяя слово «отделить» словом «противопоставить» и не делая различия между «рабочей гипотезой» и «теорией».²⁴⁸

В параграфе «Возникновение и развитие марксистской социальной психологии» автор пишет, что «научное понимание общественной психологии было дано впервые именно основоположниками марксизма до того, как появилась буржуазная социальная психология», что «была заложена методологическая основа материалистической социальной психологии»,²⁴⁹ а возникновение социальной психологии, как уже упоминалось, автор относит к середине XX в. и не объясняет при этом такого разрыва между закладкой методологических основ социальной психологии, появлением научного понимания и возникновением ее.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса применяется социальное-психологический анализ общественных явлений, в конкретном освещении событий, в практическом применении, «как только дело доходило, — писал Ф. Энгельс, — до изображения какого-либо исторического периода», никогда не допускалось сведение только к экономическим причинам, к экономическому объяснению, а всегда освещалось «взаимодействие всех моментов».²⁵⁰ Б. Д. Парыгин же пишет, что в работах основоположников марксизма «раскрыты природа, роль и место общественной психологии в социальной структуре, ее связь со всей системой социально-экономических, политических и идеологических отношений».²⁵¹ На основании первого тезиса о Фейербахе автор делает вывод, что К. Маркс «подчеркивал» значение психологического фактора в жизни общества²⁵² и т. д. Такой же стиль сохраняется и тогда, когда автор пишет о работах В. И. Ленина. С такой постоянной «натяжкой», если позволено будет так выразиться, совершенно, на наш взгляд, нельзя согласиться.

В параграфе «Развитие социальной психологии в СССР» автор отмечает «пестроту подходов к построению социальной психологии»,²⁵³ «серьезные ошибки первых советских социальных психологов»,²⁵⁴ которым «так и не удалось сформулировать

²⁴⁷ См., например, В. А. Ядов, Некоторые методологические предпосылки эмпирического исследования социальной обусловленности общественного сознания, «Человек и общество», Л., 1966, стр. 68—69.

²⁴⁸ Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука, стр. 32.

²⁴⁹ Там же, стр. 38.

²⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 396.

²⁵¹ Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука, стр. 39—40.

²⁵² Там же, стр. 39.

²⁵³ Там же, стр. 45.

²⁵⁴ Там же, стр. 48.

методологические принципы материалистической социальной психологии».²⁵⁵ (Ранее же автор указывал, что они уже были в какой-то степени сформулированы, раз были «заложены основы» и дано научное объяснение). Фактически же дело обстоит далеко не так. В работах социальных психологов 20—30-х годов, как мы уже видели, имеется постановка многих проблем социальной психологии и то или иное их решение. В последние годы использовано лишь немного из того, что было достигнуто прежде, а дальнейшее успешное развитие социальной психологии трудно себе представить без овладения этим богатым наследством.

Во второй главе «Методология социальной психологии» автор исходным моментом всякого научного исследования считает выяснение предмета науки.²⁵⁶ История же развития наук, научных исследований показывает, что определить предмет науки, очертить более или менее четко круг ее проблем можно только после того, как научное исследование пройдет какой-то этап своего развития. Поэтому правы, на наш взгляд, Е. С. Кузьмин, В. Б. Ольшанский, А. П. Матейко в своих возражениях против попыток предварительного определения предмета науки социальной психологии. Да и фактическое положение дел показывает известную бесплодность таких попыток.

Дискуссия о предмете социальной психологии началась в 1959 г. статьей проф. А. Г. Ковалева, которая сыграла положительную роль, стимулировав рассмотрение целого круга конкретных вопросов. Однако полностью и однозначно определить предмет научной дисциплины социальной психологии и до сих пор не удалось. К тому же Б. Д. Парыгин, как нам кажется, допускает известную нелогичность, когда пишет, что определение предмета науки необходимо как исходная предпосылка и «как важнейший фактор упорядочения всей системы науки».²⁵⁷ Если есть «система науки», то тогда определение предмета не может быть «исходной предпосылкой» ее упорядочивания. На стр. 131 автор одной из исходных проблем социальной психологии считает проблему личности, на стр. 61—63 он критиковал тех, кто выдвигает эту проблему как основную в социальной психологии, а на стр. 144 «исходной ячейкой» он уже считает «психологию группы».

Исходя из такой субъективной, на наш взгляд, предпосылки развития научной дисциплины, как определение заранее предмета ее, автор приходит к объяснению перерыва в развитии социальной психологии отсутствием договоренности между философами и психологами по вопросу о предмете.²⁵⁸ Можно «дого-

²⁵⁵ Там же, стр. 47—48.

²⁵⁶ Там же, стр. 55.

²⁵⁷ Там же, стр. 56.

²⁵⁸ Там же.

вориться» считать что-то чем-то, но нельзя «договариваться» по поводу объективных законов, принципов, методов и т. д. той или иной научной дисциплины или отрасли знания. Такой субъективно-идеалистический подход к науке приводит автора и к ряду других непоследовательных высказываний. Например, такого рода: Б. Д. Парыгин пишет о «принципе относительной самостоятельности общественной психологии». В чем же он, по мнению автора, заключается. Читаем: «Под самостоятельностью мы понимаем в данном случае известную независимость общественной психологии от воздействий как социальной, так и природной среды».²⁵⁹ Или еще: в разделе о законах социальной психологии автор называет такие «законы» и «закономерности», как «закономерности колебания, прилива и отлива революционного настроения»,²⁶⁰ закон подражания, закон «периодического колебания политического настроения масс», закон «функционирования привычек и традиций»²⁶¹ и т. д. Четкую классификацию законов дать, конечно, и невозможно, ибо она — результат изучения связи между конкретными явлениями.

Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с постановкой вопроса о классификации социальных групп. Автору «для определения структуры групповой психологии становится явно недостаточной общая характеристика ее основных компонентов. Наряду с традиционным (автор не уточняет, что он под «традиционным» понимает) здесь правомерно и другое, более широкое понимание структуры общественной психологии», и поэтому «можно говорить о четырех аспектах общественной психологии».²⁶² Отвлекаясь от того обстоятельства, что автор в данном случае не различает аспектов от структур, попытаемся разобрать указанные аспекты по существу.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что автор выделяет или подразделяет социальные группы на малые и большие.²⁶³ Соотношение «большого» и «малого» очевидно, — соотношение количественное, которое может приводить к качественно новым характеристикам и закономерностям, если рассматривать однотипные группы. Но сопоставлять «малые» (родственные, семейные, соседские, товарищеские и пр.) и «большие» (народы, нации, классы) вряд ли имеет смысл,²⁶⁴ да это и не представляется возможным. Автора же такое сопоставление приводит к утверждениям, что у малой группы «не может быть своего языка, в то время как у наций и народов он есть».²⁶⁵ Но к «большим» группам автор относит еще и классы. Как же

²⁵⁹ Там же, стр. 82.

²⁶⁰ Там же, стр. 95.

²⁶¹ Там же, стр. 96—97.

²⁶² Там же, стр. 145.

²⁶³ Там же, стр. 87, 145.

²⁶⁴ Там же, стр. 87.

²⁶⁵ Там же, стр. 145.

обстоит дело в таком случае? Автор пишет также, что «каждая большая группа имеет свои обычаи и традиции, чего может и не быть в малой группе».²⁶⁶ Обычаи и традиции, как правило, возникают и в коллективах и социальных группах, имеются традиции и семейные, и само понятие «товарищества» заключает в себе определенные нормы поведения и взаимоотношений, носящих «обычный» характер. Об отсутствии обычаев и традиций можно говорить лишь в отношении таких групп, которые возникают на очень непродолжительное время.

Теперь несколько слов об «аспектах» общественной психологии. Первый аспект, о котором пишет автор, — «совокупность компонентов коллективной психологии»: настроения, коллективная воля, общественное мнение, традиции и групповые отношения.²⁶⁷ Очевидно, что в данную совокупность включены совершенно разнородные элементы, которые, на наш взгляд, не могут представить совокупности в смысле некоего структурного единства. Общественное мнение, например, не «компонент» общественной психологии, оно само включает в себя общественную психологию в качестве своего компонента. Имеются, в частности, работы А. К. Уледова, в которых исследуется такое явление общественной жизни и общественного сознания, как общественное мнение. К сожалению, автор не учитывает выводов этих работ. Далее, групповые отношения — это не общественная психология. Социально-психологическая сторона — лишь одна из сторон групповых отношений, групповые отношения к ней лишь не сводятся. Полностью к общественной психологии, из указанных Б. Д. Парыгиным «компонентов», можно отнести, пожалуй, только настроения и традиции.

Говоря о втором аспекте, автор перечисляет различного рода социальные группы. Однако, остается неясным, каким образом социальные группы могут быть аспектом психологии? То, что каждая из названных групп «характеризуется специфической именно для нее атмосферой внутри групповых отношений» нисколько не меняет дела.

Говоря о третьем аспекте общественной психологии, автор выделяет «психологию материального производства», «психологию политики» и т. д. Почему это — аспект общественной психологии? Нам представляется, что именно общественная психология является аспектом различных сторон или явлений общественной жизни.

И, наконец, четвертый «аспект» — социально-психологические стороны различных форм общественного сознания, например, «психологические основы права», «психологическая почва философии», «психологические истоки науки» и т. д. Другими

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же.

словами, психологические основы, почва и истоки называются автором сторонами общественного сознания. Это новая в нашей литературе точка зрения на структуру общественного сознания не получила, к сожалению, достаточно основательного подтверждения. Таким образом структура «групповой психологии», употребляя выражение автора, или «общественной психологии» сводится к четырем аспектам, на наш взгляд, произвольно выбираемым автором, поэтому указанная структура не представляет собою целого.

Отмеченными нами проблемами не исчерпывается все содержание монографии, но они нам представляются наиболее важными для дальнейшего исследования этих проблем, поэтому на них пришлось остановиться для более подробного их рассмотрения. Другие проблемы также представляют значительный интерес. Например, выяснение соотношения социальной психологии с другими дисциплинами: социологией, историей, психологией, педагогикой. Мы можем также полностью присоединиться к упреку автора, который он делает социальной психологии конца XIX начала XX веков, увлекающейся «построением общих теоретических схем, претендующих на объяснение всех социальных явлений. Претензии, — справедливо пишет Б. Д. Парыгин, — на философское обобщение в данном конкретном случае были неоправданны... потому, что, как правило, не подкреплялись столь же широким и обоснованным анализом фактического материала».²⁶⁸

В июле 1968 г. состоялся III Всесоюзный съезд общества психологов СССР. На этом съезде, к сожалению, проблемам социальной психологии было уделено значительно меньше внимания, чем на II Всесоюзном съезде общества психологов. Выступления, сделанные на съезде, касались преимущественно психологии отношений и взаимоотношений в малых группах, а также психологии личности.

Можно было бы назвать и еще некоторые работы, в той или иной мере затрагивающие рассматриваемые нами проблемы. Но ввиду того, что в них не выдвигается сколько-нибудь новых постановок проблем, а преимущественно лишь уточняются, углубляются вопросы, ранее уже поставленные, мы не будем специально останавливаться на их анализе. Мы же пытались показать, что имеется два основных направления, возникших отнюдь не случайно, в развитии социальной психологии, каждый из которых является плодотворным и перспективным, имеющим большое значение в решении задачи исследования «возможностей, условий и путей» всестороннего развития человека.

*Поступила в редакцию
30 октября 1969 года*

²⁶⁸ Там же, стр. 29.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИИ

М. Х. Титма

1 СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Общественное развитие происходит через непрерывный процесс социального воспроизводства предыдущим поколением настоящего и настоящим поколением будущего. В этом процессе воспроизводства человечества связующим звеном, обеспечивающим преемственность накопленного предыдущим поколением опыта является социальная среда, непосредственно окружающая индивида. Сущность этой среды веками определялась социальным происхождением индивида. В социально неоднородном обществе социальное происхождение определяет весьма существенно положение и статус индивида в обществе. В то же время социальное происхождение на определенном уровне и в соответствующих культурах, где не практикуется полное общественное воспитание будущих граждан (например, Спарта), обеспечивает преемственность культурного развития. Через него даются основные ценности такого общества. Это дополнительно обеспечивает способность социального происхождения влиять на возникновение социальной неоднородности общества. Особенно четко это обнаруживается в буржуазном обществе, где социальное происхождение не дает прямых политико-юридически закрепленных привилегий.¹ Здесь выявлена прямая связь между социальным статусом родителей, по которому обычно эмпирически определяют социальное происхождение, и статусом детей.² В какой-то мере это происходит и в нашем обществе, как показывают исследования В. Н. Шубкина и М. Н. Руткевича.

¹ В данном случае не рассматриваются более низкие стадии развития общества.

² См. E. F. Jackson, H. J. Crockett Jr., Occupational Mobility in United States: a point estimate and trend comparison, "American Sociological Review", 1964, Vol. 29, Nr. 1, p. 12, B. R. Blisshen, F. E. Jones, K. P. Naegele, J. Porter, Canadian Society, Toronto, 1961, p. 471—537.

Таким образом выявляется закономерность, в силу которой разные социальные структуры воспроизводят самих себя. Следовательно, некоторые признаки социальных групп передаются через социальное происхождение.

Изучение роли социального происхождения органически связано с проблемой изучения общественных структур в целом. В обществе обычно выделяются классы как основные экономико-социальные группы людей с общими интересами. Социальное происхождение трактуется как принадлежность к тому или иному классу. Более узко рассматривается происхождение уже на уровне семьи (кто отец?). Такая постановка вопроса не дает возможности изучать существенные различия внутри одного и того же класса. Неправоммерно сводить все различия в структуре общества к классовым различиям. Это особенно неверно по отношению к социалистическому обществу, где классовые различия постепенно стираются, но социальная неоднородность продолжает сохраняться. Необходимо изучение общества на уровне социальных и профессиональных групп.

То, что некоторые буржуазные социологи пытаются противопоставить стратификационный анализ классовому, ни в коем случае не должно приводить к отрицанию более детального изучения общества. Буржуазными учеными проблема социальной стратификации используется в политических целях. Так, по данным некоторых социологов в скором времени все американское общество перейдет в высший и средний класс, а в 3 слоях низшего класса останутся единицы.³ Такие ненаучные трактовки социальной стратификации, не учитывающие изменения в профессиональной структуре общества, вследствие развития и индустриализации опровергаются сами буржуазные социологи. Так М. Марш показывает, что индустриализация коррелируется потребностью в элите, а мобильность элиты коррелируется потребностью в ней и уровнем индустриализации.⁴ Ненаучность и недобросовестность некоторых ученых не снимает проблему.

В последние годы советскими социологами структура общества и изучается в плане социальной стратификации.⁵

Такая постановка вопроса диктуется развитием общества, в результате которого создается необходимость научного руковод-

³ См.: C. Guire, Social stratification and mobility patterns, "American Sociological Review", 1950, N. 15, p. 195—204.

⁴ См.: R. M. March, Values, demand and social mobility patterns, "American Sociological Review", Vol. 28, N. 4, 1963, p. 565—576.

⁵ Классовая структура советского общества, раздел III, в сб.: Социология в СССР, т. I, М., 1965, стр. 337—432; О. И. Шкаратан, Некоторые методические проблемы изучения социальной структуры общества, «Философские науки», 1965, № 1; С. А. Кугель, Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму, М., 1963; Н. А. Айтов, Некоторые особенности изменения классовой структуры в СССР, «Вопросы философии», 1965, № 3.

ства общественными процессами. Это требует более детального анализа социальной структуры и механизма воспроизводства общественной системы. Для конкретно-социологического анализа общества это особенно необходимо. Социальная группа, являясь более или менее замкнутой структурой в обществе, влияет существенно на социальные процессы, протекающие вокруг нее и внутри себя. В буржуазном обществе эта индивидуальность и замкнутость в отдельных группах весьма значительна. Так, например, исследования показывают, что лишь дети «выскочки» принимаются в привилегированную социальную группу, если они восприняли ценности этой группы.⁶ В нашем обществе столь разительных контрастов нет, но тем не менее «...любая группа людей, связанная общностью происхождения и отличающаяся определенными чертами от других человеческих групп, обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует и — действительные и воображаемые — специфические черты».⁷ Через общественное мнение социальная группа может очень сильно регулировать ценностные структуры своих членов, а также мешать усвоению неприемлемых для нее ценностей. На основе материалов «Известий» и «Комсомольской правды» по проблемам морали можно установить, что социальные группы в селах очень сильно контролируют ценности и основанное на них поведение членов данных групп. Этот контроль может доходить до прикрепления ярлыка и мобилизации всего общественного мнения против отдельных членов группы. Наиболее сильное влияние такое общественное мнение⁸ группы имеет в замкнутых неразвитых социальных группах, и оно может очень сильно противостоять общественному прогрессу. Например: проблема переселения крестьян на плодородные земли с гор в Таджикистане.

Социальные группы как определенный уровень общественной структуры особенно сильно влияют на передачу ценностей в данном обществе (на весь процесс социализации). Именно этот аспект, являющийся объектом изучения, выделяется в настоящей статье. Исходя из данной задачи, нами рассматривается и

⁶ См.: T. Parsons, E. Shils, D. K. Naegle, J. R. Pitts, *Theories of Society*, Vol. 2, N. Y., London, 1961, p. 710—712.

⁷ См.: И. Кон, Психология предрассудка, «Новый мир», 1966, № 9, стр. 189.

⁸ См.: А. И. Горячева, Общественное мнение и общественная психология, Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. VI, Тарту, 1962, стр. 62. Мы употребляем термин «общественное мнение» как определенное отношение любой общности (коллектива, социальной группы, класса, общества, национальности и т. д.) к явлениям действительности. Мы не можем согласиться с мнением А. К. Уледова, что «общественное мнение при социализме есть суждение общества, связанное с практическим решением тех или иных вопросов социальной жизни», (А. К. Уледов, Социализм и общественное мнение, «Вопросы философии», 1960, № 6, стр. 3).

структура социального происхождения. В ней выделяются лишь уровни и признаки, связанные с передачей ценностей определенными социальными группами выходцам из данных групп.

Содержание социального происхождения эмпирически довольно мало изучено, так что при определении в нем факторов, которые могут влиять на передачу ценностей профессии (исследуемый нами элемент духовной культуры), целесообразно провести теоретический анализ.

Наиболее общей характеристикой социального происхождения является помимо класса социальная группа, в которую входят родители ребенка. Общими признаками, могущими индивидуализировать возникающие у молодежи ценности профессии вследствие принадлежности их родителей к той или иной социальной группе, являются следующие:

1. Наиболее существенную часть деятельности социальной группы составляет определенная профессиональная деятельность. Обычно в социальную группу входят несколько профессиональных групп. Сама эта деятельность определяет экономическое, политическое, интеллектуальное, и другие положения данной социальной группы в обществе. С этой деятельностью также связан общественный престиж этой группы. Все это в совокупности создает у выходца из группы определенное отношение к соответствующей профессиональной деятельности. Отношение к профессиональной деятельности при этом может формироваться именно на основе социального положения данной социальной группы.

2. Быт и склад жизни определенной социальной группы — одна из главных характеристик социальных групп в капиталистическом обществе — играет все меньшую роль в нашем обществе. Здесь социальная однородность достигается быстрее, чем в других сферах действительности. В нашем обществе нет такого четкого разграничения быта социальных групп, как в США, где оно доходит до поселения той или иной группы в определенных частях города.

3. Стимуляция и вознаграждение профессиональной деятельности выражают значение этой деятельности в данном обществе. Эта стимуляция и создает экономическое различие в положении разных социальных групп. Это различие является выражением принципа социализма: каждому по труду. Но, кроме этого, различная стимуляция создает неравное социально-политическое, интеллектуальное, культурное и другое положение людей, занятых неодинаковой профессиональной деятельностью. На основе стимуляции удовлетворяются в одних социальных группах одни потребности и ценности работников, а в других группах — другие. Это актуализирует определенные ценности профессии у выходцев из разных социальных и профессиональных групп.

4. На основе социального бытия (профессиональная деятельность, быт и склад жизни, а также стимуляция профессиональной деятельности) у социальной группы возникает определенное групповое сознание, составной частью которого является групповая психология. Так, группа исследователей под руководством Ю. А. Замошкина установила четкую связь между социальной организацией данного вида профессионального труда и идейно-психологическими установками личности. «При исследовании хищений социалистической собственности в сфере торговли четко выявилась зависимость между зрелостью с точки зрения развития социализма организации труда и идейно-психологическими установками человека. Выявилось, что в крупных торговых предприятиях, где работают тысячи людей, где более высокое разделение и четкая организация труда, где труд носит характер квалифицированного труда и где в этой связи развиты отношения коллективизма, резко падало количество и масштабы хищений».⁹

В групповой психологии особо необходимо выделить ту ее часть, которая непосредственно связана с профессиональной деятельностью.

5. Ценности профессии, которые вошли в структуру сознания определенной социальной группы. Эти ценности профессии регулируют отношение к ней в социальной группе. Имеется соответственная направленность и интенсивность информации о ценностях и в данной среде. Так, в отношении одних ценностей профессии может создаваться дефицит их осуществления, а другие, наоборот, могут быть полностью удовлетворены. В нашем исследовании выяснилось, что дети одной группы интеллигенции (ученых) меньше ценят самоусовершенствование, чем их сверстники. По нашему мнению, это результат обесценения указанной ценности в группе ученых, ибо ученые не чувствуют недостатка в этом отношении в своей профессиональной деятельности. Определенное практическое осуществление ценностей профессии в данной социальной группе создает и соответствующее субъективное восприятие этой практики.

6. Субъективное восприятие практики осуществления поведения на основе определенных ценностей профессии. Возможность осуществления поведения на основе той или иной ценности профессии имеет определенное отражение в психологии соответствующей социальной группы. Это может вызвать болезненное ощущение дефицита (воображаемого или действительного) в осуществлении поведения на основе каких-то ценностей профессии. Особенно важны здесь сравнительные возможности осуществления этих ценностей в других социальных (профес-

⁹ Р. И. Чочиев, Личность и общество, «Вопросы философии», 1966, № 8, стр. 138.

сиональных) группах. Именно это обуславливает недовольство заработной платой в некоторых социальных группах. Несоответствие материального вознаграждения (действительное и воображаемое) вызывает резко выраженное недовольство материальной стимуляцией труда у этих социальных групп. Кроме того, субъективное восприятие родителей может вызвать и появление специфических ценностей профессии, передаваемых выходцам из определенных социальных групп. Так, например, в нашем исследовании выявилось, что выпускники из социальных групп, работающих в профессиях с неограниченным рабочим временем, значительно выше оценили значение установленных рамок времени в профессиональной деятельности.

Необходимо учитывать также отражение в сознании группы социальной информации о стимуляции остальной профессиональной деятельности, ценностей профессий других социальных групп и престижной шкалы профессии в обществе. Особенно важен здесь социальный престиж той или иной профессиональной деятельности, складывающейся в сознании социальной группы. Шкала престижа довольно индивидуальна в тех или иных социальных группах. Уровень престижа конкретной социальной группы является обычно низшей степенью стремлений выхода из этой группы. Недостижение указанного уровня считается неудачей и может весьма болезненно восприниматься этой социальной группой. Например, совершенно противоположно оценивает соответствующая социальная группа поступление сына академика и сына крестьянина-колхозника слесарем на завод. В одном случае создается ажиотаж вокруг такого происшествия (неудачи), во втором случае это рассматривается как успех.

Указанные выше моменты определяют сущность социального происхождения на уровне социальных групп в отношении передачи ценностей профессии в обществе. Но эта сущность значительно конкретизируется на уровне семьи и приобретает отличающиеся от характеристик соответствующей социальной группы качества.

В начальные годы развития ребенка влияние социальной группы идет исключительно через семью, а в последующие годы семья остается структурой, через которую идет это влияние. Так как эмпирическое изучение социального происхождения осуществляется через семью (профессия, образование и т. д. отца или матери), то попытаемся более или — менее точно установить характеристики, которые могут воздействовать на передачу ценностей профессии семьей. Семья — социальный институт, главной функцией которой является социальное воспроизводство человеческого рода. Вместе с тем она является разновидностью первичной группы. Для понимания ее роли в социальном происхождении необходимо учитывать, что она существует и влияет на социализацию индивида, как процесс. Именно в этом про-

цессе вырисовываются наиболее четко различия между семьями из разных социальных групп. Через семью ребенок приобретает определенное социальное положение и вступает в соответствующие отношения в обществе. Сюда входят экономические, политические, интеллектуальные, физические, профессиональные, культурные и семейные отношения и положения. Между отдельными семьями из разных социальных групп имеются значительные различия.

Для более детального анализа роли семьи в социальном происхождении выделим некоторые аспекты семьи, которые нам кажутся важными для осмысления социального происхождения как фактора, влияющего на процесс социализации индивида (на усвоение тех или иных ценностей профессии).

1. Структура семьи. В структуре семьи имеются определенные элементы и соответствующие связи между ними. В этом отношении наиболее значительным различием между семьями из разных социальных групп является существование разных уровней в семье, которые выступают во взаимосвязи поколений: имеется ли первое, второе и третье поколение в семье или только два. Например, по данным И. М. Мусатова, можно установить различия в семьях сельских местностей маленьких и больших городов. Если в Новосибирске семьи в среднем состоят из 3,58 человек, а во всех городах Новосибирской области из 3,60, то в селах области размером семьи является 3,90 человек. Процент семей численностью выше пяти человек составляет соответственно 9,08%, 9,73 и 17,30%.¹⁰ Какой-то сдвиг в количестве членов семьи может быть обусловлен и за счет большей рождаемости в семьях колхозников.

Разрешение жилищной проблемы, по-видимому, ускоряет процесс изменения структуры семьи в направлении соединения только двух поколений.¹¹ Это выдвигает неизбежно проблему связи между поколениями и ускоряет изменения в общественном сознании. Стабилизация в процессе социализации, которая достигалась посредством контактов между первым и третьим поколениями, нарушается. Результатом этого в какой-то мере является возникновение проблемы ценностного воспитания молодежи. Указанный процесс уменьшает значение социального происхождения, но вместе с тем нарушает и стабильность процесса социализации. Значительные перемены в процессе социализации вызывает и понижение рождаемости, вследствие чего совместная деятельность подрастающего поколения в рамках

¹⁰ И. М. Мусатов, Состав семьи и жилищное строительство, в сб.: Опыт экономико-социологических исследований в Сибири, Новосибирск, 1966, стр. 139.

¹¹ См.: Ф. Ю. Алешина, Изменение уровня жизни рабочих семей, в сб.: Социология в СССР, т. 2, М., 1965, стр. 351—352.

семьи сокращается. Структурные изменения могут касаться и главного элемента социального происхождения — родителей.

Все эти структурные изменения происходят в социальных группах по-разному и могут вызывать неоднородное влияние социального происхождения.

Несомненно, отец и мать — составная часть семьи, причем отец обычно рассматривается, как референт социального происхождения. Через него исследуется влияние социального происхождения, и в общественной психологии его социальная позиция (в ведомственных и кадровых анкетах профессиональная деятельность) определяет социальное происхождение. Главную роль в такой установке играет в классовых обществах не содержание самого труда, а классовая принадлежность и также оценка полезности, общественно-политического значения определенной профессиональной деятельности соответствующими общественными институтами. В какой-то мере она покоится и на действительной полезности данного вида труда для человечества и создает соответствующий социальный престиж и положение семьи (хлебороб, пастух, кузнец и другие профессии всегда имели соответствующий престиж в общине). В настоящее время одной из важных характеристик социальных групп является образование.

Если всё социальное положение семьи веками основывалось на социальной позиции отца и соответственно от него передавались классовые признаки детям, то в нашем обществе вопрос о превалирующем влиянии отца на передачу тех или иных ценностей профессии детям довольно сложен и требует исследования. Никак нельзя априорно утверждать, что контакты семьи с другими социальными институтами проходят в основном через отца. Профессиональная деятельность матери в нашем обществе имеет гораздо большее значение, чем, например, в США. Таким образом, неправомерны экстраполяции выводов о доминировании влияния отца в социальном происхождении в буржуазном обществе на нашу социальную действительность.

Роль матери как фактора в социальном происхождении довольно мало изучена, особенно с точки зрения передачи ценностей от поколения к поколению. Но в то же время педагоги установили, что ее роль, особенно в первые годы развития ребёнка, весьма значительна. Вопрос о возрастании ее роли в передаче ценностей, содержащих главные цели жизни человека, на основе которых ребенок должен решать и проблему выбора профессии, не изучен. Но здесь явно имеются значительные перемены в связи с изменением роли женщины в обществе. К особенно сильным изменениям это должно привести в формировании ценностей профессии у девушек. Происходит переоценка конкретной профессиональной деятельности в том смысле, что, является ли она «женской» профессией или нет. Изме-

няются цели, к которым стремятся женщины в профессиональной деятельности.

Все изменения в структуре семьи неизбежно приводят к изменению ее роли, смысла и функции в передаче ценностей в обществе.

2. Семья как элемент воспроизводства общества своей деятельностью и сознанием влияет на возникновение определенной системы ценностей. В основном признаки семьи в этом отношении совпадают с приведенными характеристиками социальных групп. Эти признаки значительно индивидуализируются. В социальную группу входят обычно несколько профессиональных групп, а практика семьи представляет лишь одну профессиональную группу и то в индивидуальном преломлении.

В семье члены ее имеют конкретные занятия (профессиональную деятельность).¹² На шкале престижа окружающей среды эта деятельность имеет какой-то вес, который часто смешивается с личными качествами членов семьи. Крайности в этой шкале престижа, особенно низкая оценка, могут вызвать в сознании ребенка совершенно противоположные реакции. С одной стороны, может возникнуть так называемая защитная реакция, при которой аспекты профессиональной деятельности (ценности профессии семьи), не оценивающиеся средой, превращаются в ценность у ребенка. С другой стороны, возможна и противоположная реакция, когда указанные аспекты профессиональной деятельности приобретают крайне негативную значимость для ребенка. Обе эти реакции можно на материалах нашего исследования видеть у детей (первую у дочерей, вторую у сыновей) руководящих работников.

— Значительно различается быт разных семей.¹³ Это можно наблюдать хотя бы на комфортабельности жилья. Сфера быта остается, как в плане общества в целом, так и в плане отдельных социальных групп, самой неразвитой сферой нашей жизни. Здесь различия между отдельными социальными группами бывают очень незначительные и степень организованности и рациональности в сфере быта профессора и грузчика порой одинаковы. Меняется лишь степень участия отца в домашней жизни.

— В семье происходит практическое осуществление ценностей профессии. Внутри отдельной профессиональной группы они довольно сходны и, как показывает наше исследование, складываются уже в какой-то мере раньше занятий этой профессиональной деятельностью (выпускники с одинаковыми цен-

¹² См. о роли практики: Л. М. Архангельский, Коммунистические нравственные нормы и их становление, «Философские науки», 1967, № 3, стр. 51—57.

¹³ См.: А. Г. Харчев, Быт и семья при социализме, «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 12—19; Г. В. Осипов, С. Ф. Фролов, Внерабочее время и его использование, в сб.: Социология в СССР, т. 2, М., 1965, стр. 225—242.

ностями профессии пытаются выбрать определенные профессии).

— У каждой семьи складывается какое-то субъективное отражение осуществляемых ею на практике ценностей, а также стимуляции профессиональной деятельности обществом.¹⁴ Субъективное восприятие может резко отличаться от действительности и отражать воображаемые ценности (положения). Это субъективное отражение ценности может также не соответствовать действительному содержанию вознаграждения трудовой деятельности (недовольство некоторых учителей нетворческим характером своего труда).

— Традиции семьи в осуществлении какой-то профессиональной деятельности имели в прошлом большое значение при определении выбора профессии.¹⁵ Значение традиций несомненно падает в нашем обществе, но они остаются характеристиками социального происхождения, как характеризующего непосредственные условия развития и существования индивида. Это особенно четко обнаруживается при сравнении так называемых переходных групп и групп, которые меняют свое положение в обществе. Несомненно, рабочие или интеллигенция первого поколения отличаются от потомственных рабочих или интеллигенции. У первых нет еще определенности в своем положении в обществе, и у них ещё не сложилась структура ценностей, характерная для вторых. А все это создает возможности больших социальных аномалий среди членов первой группы, которые могут иной раз выражаться в свойствах «высочки», в определенной переоценке себя (это явление можно встретить среди интеллигенции развивающихся наций СССР, у которых в прошлом не было своей интеллигенции).

— В каждой семье ведется определенное направленное воспитание. Как показывают исследования, имеется связь между профессиональной деятельностью и методами воспитания. Часто считают это главным фактором, обеспечивающим направленность процесса социализации индивида в семье. В действительности, цельность воспитания создает сама обстановка прохождения этого процесса в семье, где индивид включен в личные связи и выступает во всех отношениях как субъект и участник данного процесса, субъективная направленность которого только поддерживает цельное развитие, решающим же фактором является сама обстановка. Это отлично выражается и в тех слу-

¹⁴ См. интересный опыт, проведенный под руководством В. Н. Шубкина в рамках одного коллектива, где видны значительные различия в самооценке и коллективной оценке ценностной системы индивида. Н. Д. Карпов, Г. М. Кочетов, В. Н. Шубкин, Применение количественных оценок в исследовании социально-психологических отношений коллектива и личности, в сб.: Социология в СССР, т. 2, М., 1965, стр. 409—425.

¹⁵ См. Я. З. Хайкин, Сущность и эволюция профессиональной морали, Уч. зап. ТГУ, Тр. по философии, вып. X, Тарту, 1966, стр. 106—114.

чаях, когда семья пытается вести воспитание ценностей, не освоенных самой семьей. Результатом такого воспитания бывает обнаружение влияния на ребенка действительных ценностей семьи, а не тех, которые хотели привить. Субъективная практика ребенка — это главный инструмент воспитания, который может направляться семьей.

Но в целом нельзя переоценивать роль направленного воздействия на ребенка в семье, но неоднородность в данном отношении наблюдается в семьях из различных социальных групп.

Все предыдущие моменты составляют те механизмы в семье, которые непосредственно могут обусловить возникновение тех или иных ценностей профессии у выходца из конкретной семьи (семьи как референта какой-то социальной группы).

3. Семья имеет установившуюся систему ценностей, которая характеризуется наиболее свойственными этой социальной группе чертами. О смысле и роли этих ценностей мы можем сделать выводы к концу анализа конкретных данных. Но значительные различия имеются здесь и в направленности и гомогенности этой системы ценностей. Можно выделить несколько типов этих систем.

Ценностная система может быть гомогенной, т. е. мать и отец осуществляют единую практику на основе тех или иных ценностей в профессиональной деятельности и имеют одинаковое субъективное восприятие стимуляции обществом этой деятельности. Такое положение более свойственно для социальных слоев, где семья образуется внутри данного слоя. В Эстонии такими слоями, по нашим материалам, являются колхозники и служащие. Гомогенность ценностной системы не играет автоматически позитивную роль в формировании ценности профессии, ибо сущность ценностной системы в семье может быть противоположной ценностям социализма.

Довольно близким к гомогенной системе ценностей является такое положение, когда одна ценностная система явно доминирует в семье. Доминирование ценностей отца или матери в семье отнюдь не означает, что на ребенка влияет именно доминирующая система ценностей. Подчиненная система ценностей, хотя она и не вступает в конфликт с доминирующей, может через более истинное выражение действительности иметь решающее значение в формировании системы ценностей у ребенка.

Наиболее сложная ситуация в развитии ребенка возникает тогда, когда в семье создается ценностный конфликт, т. е. ценности отца и матери различные или даже противоположные. Такое положение может возникать между взглядами разных поколений (пресловутая теща) в семье, а также при большом разрыве между профессиональной деятельностью отца и матери.

Конечно, в каких-то случаях такая ситуация способствует усвоению и осмыслению ценностей ребенком, но более характерным является случай, когда ценностный конфликт приводит к негативным результатам, не содействуя интернализации и интеграции общественно значимых ценностей.

Такой же эффект, но с большей вероятностью, создается при отсутствии единой ценностной системы в семье. Просто семья, как единая социальная система, отсутствует, и отец и мать живут вне ее, а семья существует формально. Обычно такой дефицит в сфере психической жизни ребенка восполняется другими влияниями на ребенка. Эти влияния действуют, как правило, не со стороны школы, а со стороны неформальных групп (в том числе и референтных групп.).

Роль ценностной системы семьи значительно возросла в связи с изменением социального положения женщины, и потому требуется исследование влияния матери и отца на возникновение ценностей профессии ребенка.

4. Каждая семья включена в те или иные контакты с другими социальными системами. Семья является как бы опосредующей средой, которая пропускает социальную информацию от остального мира к ребенку.

В какой-то степени семья имеет здесь возможность выбора, но некоторые каналы влияния необходимо включаются в непосредственную среду существования детей. Во-первых, такое положение возникает из-за материальных обстоятельств. По материалам «Комсомольской правды» и «Известий» о моральных конфликтах в селах и поселках можно заключить, что большинство семей в приведенных случаях при первой же возможности переменяли бы место жительства. Но такая перемена невозможна из-за трудностей с жильем.

Во-вторых, имеются конкретные юридические ограничения. Радио, телевидение, газеты — все это верующий сектант может исключить из непосредственной среды существования своего ребенка, но законом установленный срок обучения в школе обязывает и сектанта поступать соответственным образом. В огромное же большинство связей семья включается добровольно. У родителей имеются свои малые группы, коллективы и т. д. Эти каналы передают разную информацию (в том числе и ценности, их структуру и систему) о социальной действительности. Индивидуальность этих связей создает индивидуальность того социального воздействия, которое влияет на ребенка в процессе социализации. Это влияние корректируется семьей, определяющей шкалу престижа и, в какой-то мере, интенсивность того или иного влияния, той или иной информации. Интенсивность контактов с теми или иными каналами не всегда устанавливает семья, как мы указывали. Но номинальная интенсивность не определяет еще ее влияния на формирование ценностей профес-

сии. Реальное влияние того или иного фактора определяется ее престижем и выборочным восприятием всех влияний ребенком. Источник (канал) информации, который стоит выше по шкале престижа, имеет корректирующее значение в отношении нижележащих источников. Особенно это выявляется при передаче противоположной информации. Большое количество каналов, в связь с которыми ребенок включен как номинально, так и по содержанию, создает условия, в которых ребенок должен выбирать между ними, и уменьшает влияние одного из каналов на него. В этом смысле очень важен диапазон каналов и их направленность. Первоначально семья полностью устанавливает престиж разных каналов и информации, которая передается по ним, и лишь тогда, когда семья безразлична к этой информации и не определяет шкалу престижа для разных социальных институтов и людей (это плохой дядя и т. д.), тогда ребенок без указанного опосредующего фактора воспринимает информацию о ценностях. Конечно, вместе с становлением индивида сюда включается и собственная избирательность и рациональность тех или иных ценностей. Роль семьи снижается, когда она находится на низком уровне в шкале престижа ребенка. Обычно это происходит вместе с переключением ребенка в другую первичную группу. Например, по нашим данным для 48,4% юношей и 39,3% девушек¹⁶ мнение родителей не имеет никакого значения при выборе профессии. Лишь 4% выпускников считают, что мнение родителей надо обязательно учитывать.

Таким образом, у большинства выпускников во время выбора профессии семья уже не выступает определяющим фактором и шкалу престижа других источников информации не определяет.

В предыдущем анализе социального происхождения мы пытались провести предварительный анализ указанного фактора передачи ценностей профессии. Такой анализ необходим для предостережения слишком узкой интерпретации данных, полученных нами при помощи эмпирического исследования.¹⁷ Предварительному определению границ социального происхождения как канала передачи социальной сущности общества от поколения к поколению, и способствует такой анализ.

¹⁶ Наши данные совпадают с результатами итальянцев. 44% из выпускников итальянских школ ни с кем не консультировались при выборе, и лишь 13% советовались с родителями. («Unità» от 14 июля 1967 г.)

¹⁷ Через социальное происхождение влияют и некоторые другие факторы, которые необходимо учитывать при эмпирическом исследовании данного фактора.

II ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ЦЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ¹⁸

Мы обследовали социальное происхождение через профессию отца и матери. При этом ставилось три задачи.

Во-первых, обоснование более детального деления общества, чем его классовая структура, и принципы выделения социальных групп. Во-вторых, выяснение того, является ли обоснованным рассмотрение профессии отца в качестве референта социального происхождения, или это приводит к искажениям в описании социальной действительности. В-третьих, изучение влияния социального происхождения на усвоение тех или иных ценностей профессии выпускниками.

В нашей социологической литературе нет более или менее подробного деления общества на социальные группы. Для эмпирического обследования мы экспериментально выделили лишь некоторые социальные группы, не претендуя на охват всех возможных социальных групп. При этом мы, исходя из целей исследования и учитывая общепризнанное деление общества на два класса (рабочий класс и крестьянство) и интеллигенцию, выделили десять социальных групп.

Не имея разработанных принципов выделения социальных групп в нашем обществе, мы исходили из эмпирических наблюдений. Логика выделения исследуемых групп была у нас иной, чем у большинства исследователей. Обычно пытаются охватить социальное происхождение всех опрашиваемых и вырабатывается классификация, в которой каждый отвечающий мог бы найти «графу» своих родителей. При такой постановке вопроса довольно часто теряется главная цель указанной классификации: изучить реальные социальные группы, которые имеют своеобразие и отличаются от других групп. Такая классификация, охватывая всех, в то же время оказывается формальной для описания реальных социальных групп. Для избежания этого, мы сознательно не ставили цели провести целостный стратификационный анализ нашего общества, а выделили экспериментально лишь некоторые социальные группы:

— крестьянство (колхозников) очень трудно дифференцировать и мы не делили его на более мелкие группы.¹⁹ Колхозников-отцов у выпускников было 498, а матерей — 588.

¹⁸ См. нашу технику и методику эмпирического исследования: М. Тигма, Техника проведения конкретно-социологического исследования проблемы выбора профессии, Сборник научных трудов Эстонской сельскохозяйственной академии, Труды по философии 2. (54), Тарту, 1967.

¹⁹ См. анализ данной среды В. И. Селиванова, Первичные сельские коллективы и их влияние на формирование личности, в сб. Социология в СССР, т. 1, 1965, стр. 458—470.

На основе опыта других исследователей можно было бы в составе рабочего класса выделить некоторые социальные группы:²⁰

— рабочие на предприятиях, где не более 50 рабочих. Обычно на таких предприятиях труд кустарный, менее организованный. Социальные контакты имеют более личностный характер, а социальные роли не столь четко определены, как в крупной промышленности. В условиях Эстонии необходимо учитывать еще классовую базу формирования данной социальной группы (крестьянство, мелкая буржуазия и кустари). Мужчин было в данной группе 105, а женщин 102.

— рабочие на предприятиях, где более 50 рабочих. Эта группа в основном сложилась из рабочих крупной промышленности. Особенности, отличающие эту группу от предыдущей, приведены выше. Мужчин в приведенной группе больше, чем в других группах — 520, а женщин 330.

— рабочие торговли. Вокруг указанной группы в общественной психологии сложились некоторые нездоровые оценки. Общественное мнение на каких-то уровнях считает почти нормальным явлением присвоение торговыми работниками материальных благ, и возмущение вызывают лишь случаи чрезмерных хищений. Большой процент таких преступлений среди торговых работников явно обусловлен действительностью их профессиональной деятельности (маленькие заработки и в то же время возможность присвоения материальных благ). Указанная группа должна отличаться от рабочих промышленности не только сферой деятельности, но и общественным положением. Всего в приведенной группе было: 101 мужчина и 222 женщин.

— служащие предприятий и учреждений. Данная группа гипотетически в какой-то мере должна быть сходна с «White collars» в американском обществе, но, конечно, не охватывает всех тех профессий, которые входят в эту группу в США.²¹ В указанной группе 329 мужчин и 396 женщин. Она в известной степени является промежуточной группой между рабочими и интеллигенцией и довольно разнородна.

²⁰ Г. В. О с и п о в, Технический прогресс и изменение профессиональной структуры рабочего класса, в сб. Социология в СССР, т. II, М., 1965, стр. 10—27; Ф. Г. К р о т о в, Л. В. Ф о к и н, И. О. Ш к а р а т а н, Рабочий класс — ведущая сила строительства коммунизма, М., 1965; И. О. Ш к а р а т а н, Социальная структура рабочего класса, «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 28—39; М. Г. И о в ч у к, Социальное значение подъема культурно-технического уровня рабочих, в сб. Социология в СССР, т. 2, М., 1965, стр. 28—56; Л. В. К о г а н, Проблема ликвидации профессиональной ограниченности рабочего, там же, стр. 57—75; Р. А. К л е щ е в а, Об изменении профессионального облика советских рабочих, 4 «Вопросы философии», 1964, № 7; Рабочий класс и технический прогресс, М., 1965; Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса, М., 1961.

²¹ См. С. W. Mills, White collars, N. Y. 1951.

— такую же промежуточную группу в нашем исследовании составляют и медицинские работники. Эта группа, первоначально предполагавшаяся для изучения врачей, превратилась в гетерогенную группу, куда были включены все, работающие в медицинских учреждениях (от санитаров до врачей). Это повлияло на половой состав этой группы: мужчин 32, а женщин 129.

— техническая интеллигенция. В ее состав входят 89 мужчин и 20 женщин.

— гуманитарная интеллигенция. Закономерно, что в ее состав входит больше женщин — 109, против 89 мужчин.

— научные работники тоже имеют своеобразие не только в сфере труда, но и по общественному положению. Это должно обусловить различия их от других групп интеллигенции. Поэтому мы выделили научных работников в особую группу. Данная группа малочисленна, она состоит из 33 мужчин и 14 женщин. — руководящие работники профсоюзных, советских и др. органов. В отношении данной группы мы предположили определенные особенности, исходя из ее исключительного общественного положения. Отцы выпускников составляют 35, а матери 14 членов этой группы.

В целом более подробно изучались различия среди групп интеллигенции²². На их основе мы намеревались изучить неодинаковые влияния групп внутри одного слоя. Здесь можно исследовать и влияние определенного осуществления ценностей профессии, и профессиональной деятельности, и субъективного отражения данных факторов в сознании родителей, и усвоение детьми тех или иных ценностей профессии.

При анализе полученных данных необходимо учитывать влияние других факторов. Эти факторы могут обусловить некоторые различия между социальными группами. Наиболее вероятно это в отношении колхозного крестьянства. Отличие здесь от остальных групп может быть обусловлено качеством школьного обучения (деревенская школа по составу учителей, оборудованию и оснащенности еще отстает от городской).

Труднее интерпретировать данные в отношении влияния других факторов на усвоение той или иной ценности профессии

²² См. М. Н. Руткевич, Изменение социальной структуры советского общества и интеллигенция, в сб. Социология в СССР т. II. М., 1965, стр. 393—415; В. С. Семенов, Об изменении интеллигенции и служащих в процессе развернутого строительства коммунизма, там же, стр. 416—432; М. Н. Руткевич, О понятии интеллигенции как социального слоя социалистического общества, «Вопросы философии» 1966, № 4, стр. 20—29; М. Н. Руткевич, Социальные источники пополнения советской интеллигенции, «Вопросы философии», 1967, № 5, стр. 15—23; М. Н. Руткевич, Стирание классовых различий и место интеллигенции в социальной структуре советского общества «Философские науки», 1963, № 5.

выпускниками. Информацию об этих ценностях выпускник получает из разных каналов, при этом возможности и интенсивность влияния разных каналов значительно различаются в конкретных случаях.

В каком направлении ведется социальная политика в отношении какой-то ценности? Здесь создается ситуация конкуренции между разными каналами. Наиболее легко объясняемая ситуация создается, если главные каналы действуют в одинаковом направлении. Тогда различия, выявляющиеся в данных во влиянии социального происхождения на усвоение тех или иных ценностей выпускниками, показывают различия в эффективности влияния разных социальных групп на выпускников. Также можно интерпретировать данные, когда какая-то ценность усваивается только посредством социального происхождения. Это так явно в отношении ценностей профессии,²³ которые связаны со специфическими условиями какой-то профессиональной деятельности.

Гораздо труднее определить влияние социального происхождения в случаях, когда социальная политика через формальные каналы (социальные институты, контролируемые государством) противодействует влиянию отдельных социальных групп. При таком положении очень трудно установить направленность и интенсивность влияния социального происхождения на формирование той или иной ценности профессии. В этих случаях мы можем лишь косвенными путями обосновать анализ проблемы.

Для более четкого сопоставления эмпирических данных квантифицируем шкалу интенсивности оценки у всех рассматриваемых ценностей, умножая процент оценивающих «очень важно» на $+1$, «средне важно» на 0 и «не важно» на -1 . Если у выпускников преобладает в отношении какой-то ценности позитивная оценка (очень важное требование), тогда получаем при суммировании средний с плюсом; если же преобладает негативная оценка (не важное требование), тогда с минусом. Такой взвешенный средний (процент) дает возможность более обобщенно сопоставить влияние отдельных групп на формирование ценностей профессии у индивида. Это помогает также выяснению важности выделения более мелких социальных групп, чем классы²⁴.

²³ См. более подробно об этих ценностях: М. Х. Титма Ценности, влияющие на выбор профессии, «Вопросы философии», 1969, № 9, стр. 52—61.

²⁴ Применяя для изложения данных графики, а не диаграммы, можно более четко показать влияние социальных групп на передачу ценностей новому поколению в обществе.

В графиках очень маленькими (14 индивидов) являются группы матерей (ученых и руководящих работников) и эта группа репрезентативна лишь в определенных случаях. Профессии отцов и матерей отмечены следующим образом:

Трудно на основе нашего материала установить влияние отца и матери на формирование ценностей профессии в социальных группах. Для такого анализа мы приводим в таблице номер один состав семьи у наших выпускников. Как видно из таблицы номер один, наиболее гомогенные семьи в социальном смысле (мать и отец из одной социальной группы) у колхозников (процент отцов, женившихся на колхозницах 76,9%, а матерей, вышедших за колхозников 65,1%), служащих (соответственно 44,4% и 37%), медиков (соответственно 53,1% и 13,2%), у гуманитарной интеллигенции (соответственно 40,2% и 32,1%). Разницу во влиянии отца и матери нельзя выявить при гомогенной семье (отец и мать из одной социальной группы), ибо различий в данных нет. Выявить неодинаковое влияние матери и отца можно только на основе данных о семьях, состав которых гетерогенный (отец — одной профессии, а мать — другой). Колебания в графике или диаграмме могут показывать доминирование влияния отца или матери. Лишь вершины кривой графика дают возможность утверждать, что в этой социальной группе явно доминирует отец или мать, а не проявляется влияние отца или матери другой профессии. Труднее объяснить различия между отцами и матерями, если точка графы их влияния не составляет крайних точек кривой. Тогда следует прибегнуть к анализу состава семьи этих групп родителей. Необходимо выяснять, не проявляется ли в этих колебаниях графы влияние других социальных групп, т. е. мужа или жены рассматриваемого родителя.

Для выяснения различий во влиянии семей разных социальных групп, подвергнем анализу графики от первого до четвертого¹. В них в среднем (процент) выражено влияние социального происхождения на усвоение выпускниками первой группы ценностей профессии и тесно к ним примыкающей ценности — быть полезным народному хозяйству.* Все эти ценности усиленно пропагандируются (явно и скрытно) как школой, массовыми коммуникациями так и другими формальными

0 — не отметившие профессию отца и матери;

1 — работники сельского хозяйства;

2 — рабочие на предприятии, где не более 50 рабочих;

3 — работники системы торговли и общественного питания;

4 — рабочие на предприятии, где более 50 рабочих;

5 — техническая интеллигенция (инженеры);

7 — медицинские работники;

6 — служащие предприятий и учреждений;

8 — гуманитарная интеллигенция (учителя, журналисты и др.);

9 — руководящие работники профсоюзных, советских и др. органов;

10 — научные работники;

11 — профессии, которые не были нами расшифрованы.

* При анализе необходимо учитывать, что выпускники средних школ составляют выборку из выходцев тех или иных социальных групп. Значительная часть молодежи не поступает в среднюю школу.

Профессия матери Профессия отца	0		1		2		3		4	
0 Не отметившие профессию отца	40,2	107 29,8	12,9 ²	76 ¹ 21,2 ³	18,6	19 5,3	11,2	37 10,3	12,6	28 17,8
1 работники сельского хозяйства	1,20	34 6,8	65,1	383 76,9	8,8	9 1,8	4,2	14 2,8	4,1	9 1,8
2 рабочие на предприятии, где не более 50 рабочих	48,5	12 11,4	3,1	18 17,1	23,5	24 22,9	5,2	17 16,2	7,2	16 15,2
3 рабочие на предприятии, где более 50 рабочих	17,2	46 8,8	8,3	49 9,4	24,5	25 4,8	60,6	200 38,5	25,7	57 11
4 работники системы торговли и общественного питания	3,0	8 7,9	0,5	3 3,0	4,9	5 5,0	2,8	9 8,9	17,1	38 37,6
5 служащие предприятий и учреждений	10,9	29 8,8	5,0	31 9,4	9,8	10 3,0	7,3	24 7,3	18,9	42 12,8
6 научные работники	2,6	7 21,2	0,2	1 3,0	0,0	0 0	0,3	1 3,0	0,5	1 3,0
7 руководящие работники профсоюзных, советских и др. организаций	0,4	1 2,9	0,5	3 8,6	0,0	0 0	1,2	4 11,4	2,5	5 14,3
8 гуманитарная интеллигенция	2,6	7 8,0	0,2	1 1,1	2,9	3 3,4	1,5	5 5,7	2,7	6 6,9
9 техническая интеллигенция	1,9	5 5,6	0,7	4 4,5	4,9	5 14,6	3,9	13 13,5	5,4	12 27,0
10 медицинские работники	0,4	1 3,1	0,2	1 3,1	1,0	1 3,1	0,3	1 3,1	0,9	2 6,2
11 прочие	3,4	79 14,5	3,1	18 2,9	1,0	1 1,6	1,5	5 8	2,7	6 9,7
В итоге		266		588		102		330		222

¹ процент матерей из совокупности данной группы, вышедшей замуж за мужчин данной группы

² число браков между отцами и матерями данных социальных групп

³ процент отцов данной группы, женившихся на женщинах данной группы.

институтами. Поэтому семья выступает здесь в роли опосредующего фактора, который корректирует влияние других каналов информации на детей. Обычно эта корректирующая функция выступает, как в виде оценки той или иной информации, так

Таблица 1

5		6		7		8		9		10		11		В итоге
12,9	51 14,2	0,0	0 0	28,6	4 1,1	11,0	12 3,3	0 0	0 0	11,3	21	1,6	4 1,1	359
4,8	19 3,8	0,0	0 0	0	0 0	5,5	6 1,2	0 0	0 0	7,0	9 1,8	24,6	15 3,0	498
1,8	7 6,7	0,0	0 0	0	0 0	2,8	3 2,9	5,0	1 1,0	0,8	1 1,0	9,8	6 5,7	105
19,7	78 15	0,0	0 0	7,0	1 0,2	9,2	10 1,9	15,0	3 0,6	28,7	37 7,1	23,0	14 2,7	520
4,3	19 18,8	0,0	0 0	14,3	2 2,0	7,3	8 7,8	5,0	1 1,0	3,9	5 5,0	4,9	3 3,0	101
37,0	146 14,4	14,3	2 0,6	21,4	3 0,9	11,9	13 4,0	15,0	3 0,9	15,5	20 6,1	9,8	6 1,8	329
1,3	6 18,2	57,1	8 24,2	0	0 0	6,4	7 21,2	5,0	1 3,0	0,8	1 3,0	0	0 0	33
3,5	14 40	7,1	1 2,9	14,3	2 5,7	4,6	5 14,3	0	0 0	0	0 0	0	0 0	35
5,1	20 23,0	7,1	1 1,1	0	0 0	32,1	35 40,2	20,0	4 4,6	3,1	4 4,6	1,6	1 1,1	87
6,1	24 27,0	7,1	1 1,1	7,1	1 1,1	6,4	7 7,9	30,0	6 6,7	7,0	9 10,1	3,3	2 2,2	89
1,3	5 15,6	7,1	1 3,1	0	0 0	1,8	2 3,2	5,0	1 3,1	13,2	17 53,1	0	0 0	32
1,5	6 9,7	0	0 0	7,0	1 1,6	0,9	1 1,6	0	0 0	3,9	5 8	16,4	10 16,1	62
396		14		14		109		20		129		61		2250

и в виде установления престижа канала. При чтении графиков поэтому необходимо учитывать, что приводимая знаковая система может у выпускников приобрести совершенно иной смысл, чем в пропаганде, а также может быть не осмыслена и не интернализирована вообще ими.

1. Постоянная возможность самоусовершенствования и развития кругозора — знаковая форма ценности самоусовершенствования, которая используется усиленно школой, массовыми коммуникациями и другими формальными институтами, передающими эту ценность в обществе. Семья может поддерживать эту политику или быть инертной по отношению к ней. Как мы видим из графика номер один, различия во влиянии социального происхождения исследуемого, как через мать, так и через отца, незначительные (графа имеет очень небольшие отклонения). Наибо-

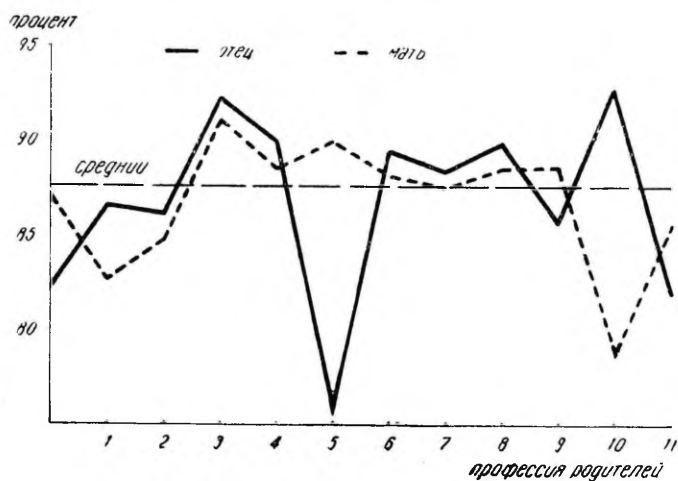

График 1.

лее индивидуальным в передаче этой ценности является влияние отца-ученого. Дети ученых имеют, по сравнению с детьми других социальных групп явно лучшие возможности для самоусовершенствования. В семье не возникает дефицита в отношении самоусовершенствования и поэтому социальная политика, проводимая через другие каналы, в этом отношении не поддерживается в данной среде так сильно, как в остальных социальных группах, что и вызывает более умеренное проявление рассматриваемого критерия выбора профессии у детей ученых.

2. Творчество, как ценность, менее пропагандируется через школу и массовые коммуникации. Связанная с самоутверждением, она не поддается так легко усвоению, как предыдущая ценность. У выпускников эта ценность связывается обычно с определенной (умственной) деятельностью, хотя они об этой деятельности имеют порой смутное представление. Индивидуализация этой ценности не происходит обычно в школе, ибо там

ведется учеба для всей группы и смысл творчества не индивидуализируется. Основой осмысления творчества должна выступать довольно часто именно окружающая среда, где немалую роль играет социальная группа.

Данные о влиянии социальной группы на усвоение творчества, как ценности в профессиональной деятельности, видны в графике номер два. Графы отца и матери значительно колеблются, так что социальное происхождение явно оказывает

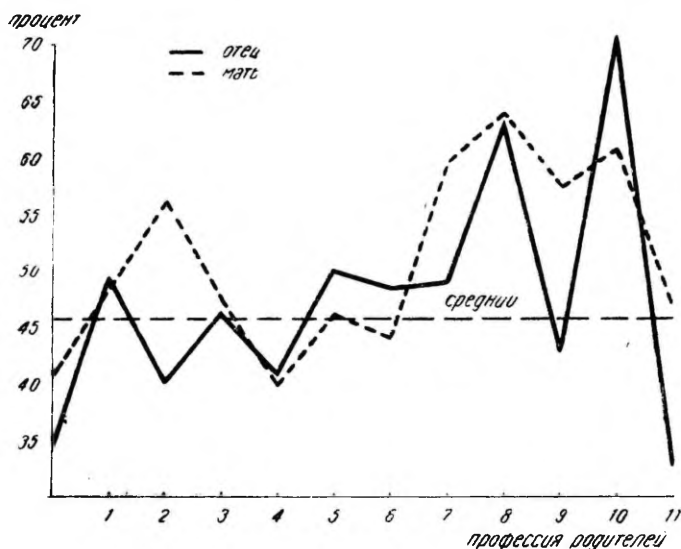

График 2.

влияние на усвоение рассматриваемой ценности выпускниками. Выпускники, считающие творчество «очень важным», составляют из всей совокупности детей, приводимых в графике, социальных групп по матери от 78,6% до 42,6% и по отцу от 68% до 47,8%, а средние (проценты) в графике, соответственно от 71,4 до 32,8 и от 63,2 до 39,8. Это подтверждает гипотезу в отношении того, что необходимо деление общества на более мелкие группы чем классы, ибо эти группы в действительности имеют значительные различия во влиянии на передачу ценностей профессии. Наиболее интенсивно усваивается «творчество» в семьях гуманитарной интеллигенции, ученых и медиков, явно меньше других групп интеллигенции усваивается она в семьях технической интеллигенции. Очень близко к влиянию технической интеллигенции на передачу ценностей профессии и влияние служащих и рабочих крупной промышленности. Средние, выражающие их

влияние, составляют самые нижние точки в графиках, если не учитывать влияние родителей, которых ответившие не отметили, и тех, которые принадлежат к социальным группам не подлежащим рассмотрению. В глаза бросается очень значительное различие в передаче творчества как ценности между влиянием рабочих мелких предприятий и рабочих, занятых на крупных предприятиях (разница в среднем от 56,2 до 39,8, а «очень важным» считали из детей по отцу от 64,7% до 47,8%). Такое различие может объясняться содержанием трудового процесса в указанных социальных группах. Труд рабочего (мужчины) на маленьких предприятиях в условиях ЭССР (маленькие мастерские, ателье и т. д., в основном труд здесь имеет кустарный характер) сохраняет индивидуальность и творческий характер. В то же время в крупной промышленности труд имеет строго нормированные рамки, в которых рабочий может проявлять свою индивидуальность. В этом смысле довольно логично и то, что влияние технической интеллигенции более сходно с влиянием рабочих крупной промышленности, чем других групп интеллигенции. Крупная индустрия со своей атмосферой трудового процесса не содействует проявлению в групповом сознании у рабочих крупной промышленности и технической интеллигенции приведенной ценности.²⁵

Интересно, что выпускники, которые не отметили профессии отца или матери, а также не поместившиеся в наш набор (приписали профессию) наиболее низко оценивают творчество. Как видно, график довольно легко объясняет и разницу влияния отца и матери на усвоение детьми творчества как ценности.

Очевидно, что наибольшие колебания в графике, изображающем влияние матерей (нижние точки 32,8 и 34,2 и верхние — 71,4 и 63,3) на передачу рассматриваемой ценности, объяснимы лишь большим влиянием матери, чем отца. Явно противоречиво влияние матери и отца в группе рабочих мелких предприятий. Анализ состава смешанных семей дает нам право утверждать, что в них доминируют матери и отцы из этой группы (матери из указанной группы вышли замуж: 24,5% за рабочих крупных предприятий, 18,6% за тех, профессию которых выпускники не отметили, и 9,8% за служащих. Только одна из этих групп (по отцу) незначительно меньше передает приведенную ценность детям, чем матери, работающие на мелких предприятиях. Отцы этой группы женились: 16,2% на работниках крупных предприятий, 17,1% на колхозниках, 15,2% на работниках торговли и 11,4% на женщинах, профессию которых выпускники не отметили. Все эти группы (по матери) значительно

²⁵ Так обстоит дело в настоящее время, и отнюдь не во всех отраслях промышленности. Этот вывод характеризует совокупность этих профессий. См. Человек и его работа. М., 1967, стр. 202—234, 288—306.

менее способствуют усвоению творчества детьми.²⁶ Такие большие различия между влиянием отца и матери рассматриваемой социальной группы объясняются различиями в характере труда. Женщины в основном на маленьких предприятиях заняты выполнением подсобных работ, так что их труд не носит творческого характера.

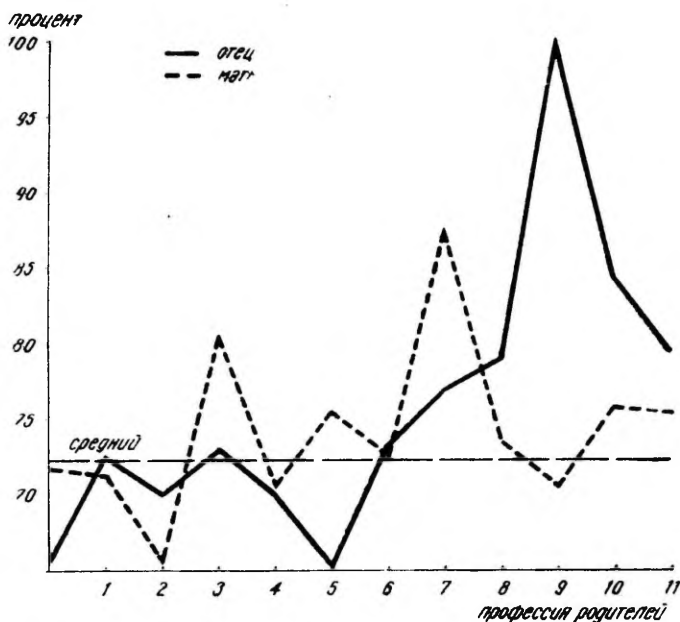

График 3.

Различия между отцами и матерями-медиками в передаче творчества как ценности детям могут быть обусловлены гетерогенностью этой группы у матерей (врачи и санитары). Различия между матерями-учеными, руководящими работницами и отцами этих групп трудно объяснимы. Совершенно ясно, что как отцы, так и матери гуманитарных профессий в смешанных семьях наиболее способствуют передаче творчества детям в качестве ценности. Различия в группах выпускников, не отметивших профессии родителей или приписавших ее, могут быть обусловлены неоднородностью социальных групп их матерей и отцов. В целом график номер два явно показывает, что в раз-

²⁶ В дальнейшем мы не будем делать такого подробного изложения, а сошлемся лишь на график и таблицу, в которых приведены соответствующие данные.

личных социальных группах влияние отца и матери на усвоение детьми творчества, как ценности, неодинаково.

3. Содержательность анализа социальных групп как каналов передачи ценностей видна и из графика номер три (колебания графы влияния матерей от 65 до 100, и у отцов от 65,7 до 87,5). В целом дети интеллигенции более усваивают приведенную ценность. Исключение составляют лишь дети технической интеллигенции. Среди детей рабочих наиболее сильно отличаются от остальных групп дети работников торговли. Следует проверить возможность усвоения ими этой ценности в связи с дефицитом осуществления ее в профессиональной деятельности этих семей или истолкование ими способностей, как «ловкой манипуляции» и «умения». Последняя интерпретация довольно часто встречается у торговых работников. Значительное своеобразие оценок детей медицинских работников объясняется характером труда их родителей. Практика индивидуальной работы усиливает роль способностей у медиков.

Довольно значительны и различия между влиянием матери и отца одних и тех же социальных групп. Отметим лишь, что матери влияют больше на интернализацию рассматриваемой ценности в семьях руководящих работников (100% т. е. все дети считают использование личных способностей «очень важным»), наименее способствуют этому матери из технической интеллигенции (65 — средний). Явно больше усваивается использование личных способностей в качестве критерия оценки профессий в семьях, где отец медик, инженер или работник торговли. Влияние отца и матери здесь тоже противоречиво и профессия отца не может быть референтом социального происхождения.

4. Как мы уже отметили полезность народному хозяйству используется в нашей социальной политике как один из основных регуляторов выбора профессии. При интерпретации наших данных это необходимо учитывать, и малое усвоение этой ценности у детей какой-то социальной группы объясняется не воздействием среды передаче указанного регулятора. В условиях ЭССР через это может проявлять и политическое отношение к Советской власти. Влияние социального происхождения на передачу этой ценности существенно («очень важным» считают этот критерий выбора профессии по отцам от 55,8% до 33,3%, а по матерям от 58,8% до 32,8% выпускников, а «не важным» по отцам от 4,2% до 21,9%, а по матерям от 3,9% до 21,1%). Колебание средних видно из графика номер четыре. В целом группа интеллигенции явно менее способствует регуляции выбора профессии через рассматриваемую ценность, а колхозникам и работникам торговли более приемлема регуляция через нее выбора профессии их детей. Далее идет группа рабочих. При этом рабочие мелких предприятий более способствуют передаче указанного регулятора.

Среди интеллигенции совершенно понятна высокая оценка приведенной ценности детьми профсоюзных советских работников. Техническая интеллигенция так же передает полезность народному хозяйству как критерий выбора профессии. Наименее способствуют передаче рассматриваемой ценности отцы-медики (влияние матерей этой группы не поддается анализу из-за гетерогенного социального состава), ученые и гуманитарная интел-

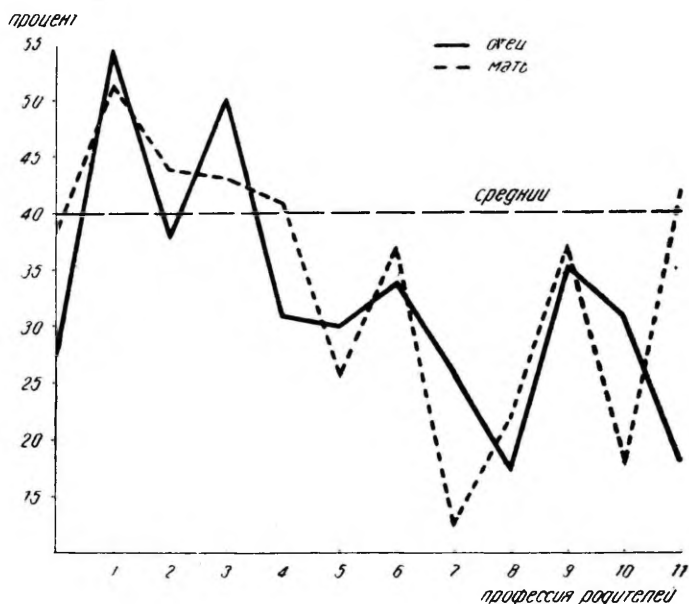

График 4.

лигенция. Такую передачу полезности народному хозяйству как регулятора выбора профессии разными социальными группами нельзя объяснить лишь политической оценкой этого стандарта поведения, хотя она здесь и проявляется. Столь негативное отношение может быть вызвано и тем, что указанные профессии в общественной психологии прямо не связываются с народным хозяйством и всякая регуляция через полезность народному хозяйству неизбежно идет против престижа этих профессий. Данные показывают понимание и в соответствии с этим отрицание или принятие полезности народному хозяйству как регулятора процесса выбора профессии. Такая прямая регуляция выбора профессии посредством рассматриваемого регулятора неприемлема для интеллигенции, и интеллигенция противодействует ус-

воению указанной ценности их детьми. Этим обусловлено и сравнительно малое усвоение приведенной ценности детьми рабочих крупной промышленности, хотя они выходцы из наиболее развитой части рабочего класса и с политической точки зрения должны наиболее позитивно оценивать указанный критерий выбора профессии. Высокое усвоение этого регулятора в семьях, где воспитание не ведется столь направленно и влияние школы и других формальных институтов безусловно сильнее сказывается, подтверждает наш вывод относительно неприемлемости этой ценности в качестве основного регулятора выбора профессии.

В какой-то мере малая передача рассматриваемой ценности может явиться последствием субъективного восприятия интеллигенцией социальной политики, не оценивающей (сравнительно) труд части интеллигенции столь высоко, как труд других слоев населения (оплата труда, власть, позиция и престиж профессии воспринимаются сравнительно с другими профессиями, и если за уборку помещения получают 60 рублей, а за работу научного сотрудника в музее — 65 рублей то это неизбежно дает отрицательный социально-психологический эффект). Если сравнить по графам влияние отцов и матерей, то различия здесь довольно значительны. К сожалению, мы не можем анализировать ответы опрошенных, не отметивших профессию отца и матери, или приписавших ее, хотя и в этих группах различия наиболее разительные. Очень трудно установить, в каких семьях мать и отец более сильно влияют в отношении усвоения рассматриваемой ценности. В группах интеллигенции это влияние явно не содействует усвоению этой ценности. Можно сделать вывод, что матери-гуманитарии наиболее сильно противодействуют усвоению полезности народному хозяйству как критерия выбора профессии детьми (дети, считающие «очень важной» полезность народному хозяйству у них составляют 35,8%, а «не важной» — 21,1%). Почти также влияют отцы-медики (дети считающие «очень важной» полезность народному хозяйству у них составляют 34,4%, и «не важной» — 21,9%).

Различия в остальных социальных группах трудно объяснить, но матери-колхозницы и работницы торговли способствуют больше регуляции процесса выбора через этот критерий, чем отцы этих групп. Рабочие же более способствуют усвоению указанного регулятора детьми, чем работницы.

В целом приведенный график, как и предыдущие, явно подтверждает гипотезу, что влияние отца и матери существенно различается и интерпретировать социальное происхождение только через отца неправомерно.

Анализ первой группы ценностей явно показал, что выделение более мелких социальных групп содержательно для социологического анализа. В дальнейшем мы сосредоточим внимание на анализе различий во влиянии отцов и матерей одной соци-

альной группы на передачу ценностей профессии выходцам из этих групп. При интерпретации данных по этой группе ценностей надо учитывать, что эти ценности, выражающие внешние функции профессиональной деятельности, развивались в течение всей истории и те или иные социальные группы усвоили в процессе своего развития их неравномерно. Более сильное влияние на передачу этих ценностей в обществе оказывает социальное происхождение. Это влияние усиливается социальной политикой, которая в большинстве случаев в отношении ценностей, основывающихся на вознаграждении профессиональной деятельности, ведется только в негативном плане. Правда, практика осуществления ценностей вознаграждения и стимуляции труда через эти ценности ведется усиленно. Особенно эта регуляция осуществляется в профессиях, где труд явно не имеет творческого характера.

5. Материальное вознаграждение профессиональной деятельности — первая рассматриваемая ценность этой группы. Ярко выраженной единой политики в отношении этой ценности в нашем обществе нет. В последнее время пропаганда делает акцент на материальную стимуляцию профессиональной деятельности, но школа еще пропагандирует негативное отношение к этой стороне профессиональной деятельности.

В диаграмме (1) получаем влияние семьи на усвоение рассматриваемой ценности. Как видно из диаграммы, влияние социального происхождения на передачу значения материального вознаграждения труда довольно значительно (средняя колеблется от 34,43 до — 7,14). Дети интеллигенции более ценят материальное вознаграждение профессиональной деятельности, чем выходцы из остальных групп населения (отклонение составляют лишь дети ученых и руководящих работников). Значительно отличаются от других дети ученых, колхозников и советских работников. Они низко оценивают материальное вознаграждение труда в качестве критерия выбора профессии. Если учесть, что эти группы материально наиболее обеспечены в условиях ЭССР, тогда такое положение показывает значение материальной стимуляции профессиональной деятельности, и регуляции через нее выбора профессии. У детей из этих социальных групп создается большая свобода выбора профессии, чем у менее обеспеченных групп молодежи. Ограничение этого выбора проявляется не только объективно, но и через субъективные регуляторы деятельности (значение материального вознаграждения, как критерия выбора). Наибольшую значимость материальное вознаграждение имеет для детей гуманитарной, технической интеллигенции и медиков. Заработок в этих социальных группах номинально отнюдь не меньше, чем у рабочих, и уже намного больше, чем у работников торговли и служащих. Здесь сказывается социально-психологический эффект заработ-

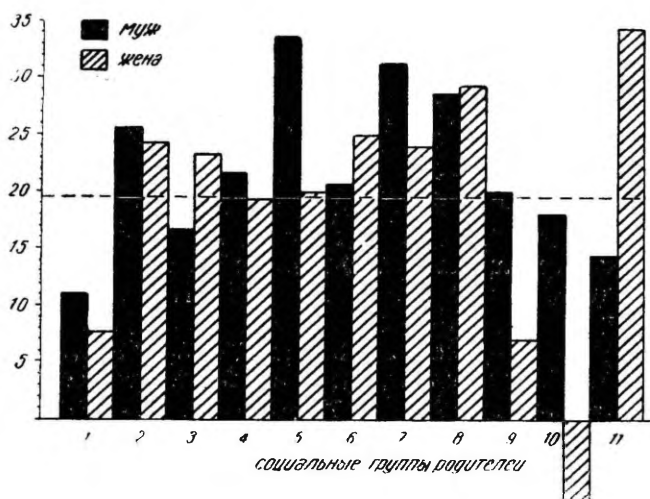

Диаграмма 1.

ка, — субъективное восприятие своего заработка сравнительно с заработком других социальных групп обуславливает ощущение дефицита в этом виде вознаграждения профессиональной деятельности. Это и создает в групповой психологии повышенную значимость материальной стимуляции профессиональной деятельности.

Между влиянием матери и отца имеются значительные различия у детей ученых, руководящих работников, технической интеллигенции и детей, приписавших профессию отца. Все эти различия в диаграмме идут в сторону того, что матери меньше передают рассматриваемую ценность. Это может быть обусловлено тем, что они не столь резко воспринимают несоответствие материального вознаграждения и удовлетворены более низким уровнем материального вознаграждения.

Работницы торговли значительно интенсивней передают указанную ценность детям нежели отцы этой группы. Тут различие создается тем, что если матери в основном продавщицы, то отцы работают на складах, в конторах и т. д. Зарплата матерей маленькая, что и обуславливает большее значение материального вознаграждения для их детей.

Здесь первый раз проявляется своеобразное явление. Дети матерей из социальных групп интеллигенции оценивают значительно ниже материальное вознаграждение, нежели дети отцов соответствующих социальных групп среди интеллигенции. Средний процент у ученых (матерей — 7,14 и у отцов 18,18), у руководящих работников (матерей 7,14 и у отцов 20,0), у технической интеллигенции (матерей 20,0 и у отцов 33,7), у ме-

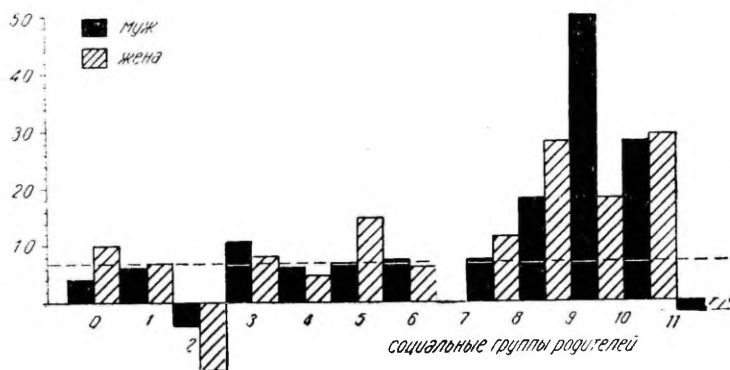

Диаграмма 2.

диков (матерей 24,0 и у отцов 31,3) и только у гуманитарной интеллигенции (матерей 29,4 и у отцов 28,7) различия нет. Матери из интеллигенции явно менее содействуют усвоению материального вознаграждения труда, как ценности профессии.

6. С материальным вознаграждением тесно связана и обеспеченность будущего. Указанная ценность усваивается под воздействием социальной группы, к которой индивид принадлежит, ибо активной социальной политики в отношении ее не ведется. Влияние социального происхождения на передачу приведенной ценности сильнее всего по сравнению с передачей всех анализированных ценностей («очень важным» считают по отцу от 26,2% до 5,3%, по матери от 28,5% до 0% выпускников из семей тех или иных социальных групп, и «не важным» считают по отцу от 35% до 20%, по матери от 50% до 5,7%). Более обеспокоены своим будущим выпускники из семей рабочих мелких предприятий, медицинских работников и рабочих крупной промышленности. В то же время наименее передается указанный регулятор выпускникам средней школы из семей руководящих работников, ученых и гуманитарной интеллигенции. Такая передача рассматриваемой ценности в какой-то мере соответствует данным по оценке материального вознаграждения выпускниками из соответствующих социальных групп. Сдвиг произошел лишь к более отрицательной оценке указанной ценности группами интеллигенции. Здесь выражается не сравнительное материальное вознаграждение, а уровень обеспеченности. Он явно наименьший у детей рабочих мелких предприятий. Это объясняет и перемещение детей гуманитарной интеллигенции в шкале оценки, так как обеспеченность их родителей довольно высокая. Значит, правомерна интерпретация указанной ценности, как основанной на обеспеченности индивида в

обществе (в социальном плане, а не в плане индивида). Лишь у детей рабочих мелкого производства группа выпускников, считающего обеспечение будущего «очень важным», превосходит группу отрицательно оценивающих приведенную ценность. Различия между группами показывают тенденцию уменьшения роли этой ценности в регуляции выбора профессии и повышения свободы выбора профессии, ибо указанная ценность выражает несвободу. Необходимо учитывать, что в известной степени через эту ценность проявляется мелкобуржуазная идеология спокойной жизни.

Влияние отца и матери значительно различается в отношении передачи обеспечения стабильного будущего как стандарта культуры. Матери всех групп интеллигенции по сравнению с отцами, а также матерями из других групп обуславливают меньшее усвоение этой ценности (у руководящих работников средний % у отца — 28,6 и у матери — 50, у ученых — 18,2 и — 28,6, у гуманитарной интеллигенции — 11,5 и — 18,4 и у технической интеллигенции — 6,7 и — 15 и у медиков 0 и — 7,8). У остальных, кроме колхозников, обратное положение: матери обуславливают большее усвоение приведенной ценности. При любой интерпретации, влияет ли семья в направлении усвоения этой ценности или вырабатывает отрицательное отношение к указанному регулятору, матери влияют более сильно на усвоение или отрицание этого регулятора выпускниками в рассматриваемых социальных группах. Как видно из диаграммы, средний (процент), вычисленный по матери, составляет высшую точку в диаграмме, как в отношении наиболее негативной оценки этой ценности, так и наиболее позитивной оценки ее (соответственно группы работниц мелких предприятий и работниц советского профсоюзного и др. аппарата).

7. Оценка непосредственной среды имеет приблизительно одинаковое значение у детей всех социальных групп из рабочего класса и крестьянства (см. диаграмму 3). Среди этих групп выделяются лишь матери — работницы системы торговли своим большим влиянием на детей в передаче значения рассматриваемой оценки. Такое выделение детей работниц торговли может быть объяснено общественным положением их матерей (продащиц). Оценка их профессиональной деятельности со стороны окружающей среды болезненно воспринимается ими (вопрос честности продавщиц). Вероятно это передается и их детям. В целом передача детям этой ценности усиливается в следующем порядке: оценка детьми колхозников, рабочих, работников торговли и служащих. Сравнительная однородность оценки рассматриваемой ценности детьми этих социальных групп связана с тем, что индивидуальность труда и продукта труда их родителей не выделяется столь четко в профессиональной деятельности, как основа оценки индивидов. Это создает и практику

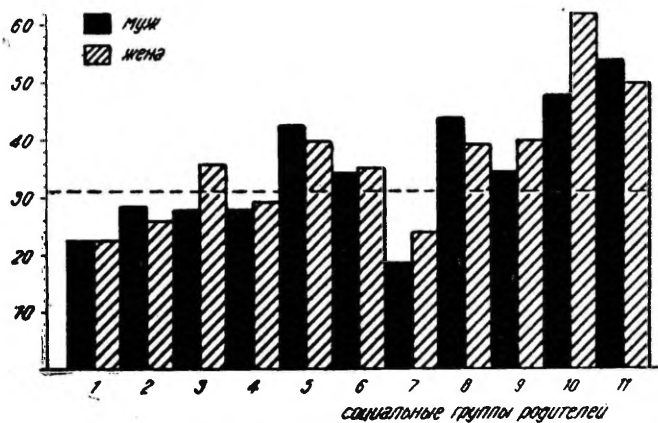

Диаграмма 3.

осуществления указанной ценности, как регулятора поведения этих социальных групп и субъективное восприятие практики, где дефицита в отношении указанной ценности не существует. Для детей интеллигенции признание непосредственной социальной среды важнее, чем у остальных групп. Это закономерно, ибо этот регулятор имеет большее значение как в практике родителей, так и в субъективном восприятии этой практики. Наибольшее значение имеет этот регулятор у детей ученых («очень важным» по отцу считают 58,7% и по матери 61,5% детей приведенной группы, а «не важным» по отцу 9,8% и по матери 0%). Оценка среды имеет у ученых большое значение, так как именно она часто является главным мерилем для ученого, как в профессиональной деятельности, так и вне ее. Дети технической и гуманитарной интеллигенции так же предполагают значительно больше других поступать при выборе профессии исходя из данного регулятора. Явно меньше других групп интеллигенции оценивают приведенный критерий при выборе профессии дети медиков. Такая оценка на основе влияния матерей объясняется социальным составом указанной группы, который близок к социальным группам, не принадлежащим к интеллигенции. Влияние же отцов в этом направлении объясняется положением врача в нашем обществе и на работе (его окружает среда, которая оценивает его, как более квалифицированного специалиста, способного спасти человека: «Доктор»). Поэтому врачи не испытывают дефицита в уважении среды и в их семье он не ощущается.

Наибольшее сходство между отцами и матерями в передаче детям рассматриваемой ценности наблюдается в диаграмме 3. Лишь группы работников торговли и гуманитарной интеллиген-

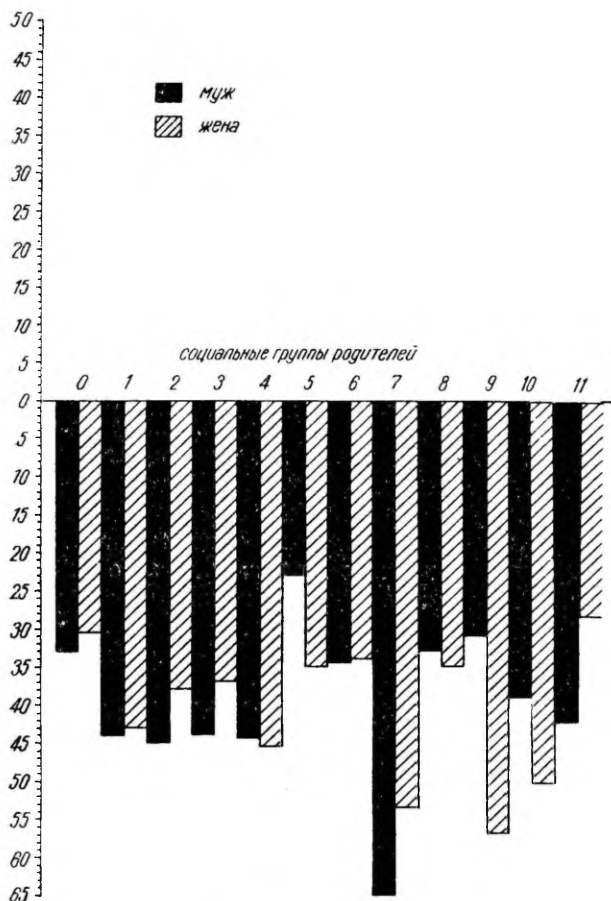

Диаграмма 4.

ции выделяются значительными различиями во влиянии отца и матери на усвоение оценки среды в качестве ценности. Более способствуют формированию значимости оценки непосредственной среды матери в группе работников торговли и отца в группе гуманитарной интеллигенции. Большинство матерей гуманитариев работает учительницами, а отцы — в других профессиях (юристы, журналисты и т. д.). Профессии отцов более индивидуальны и оценка личности в этих профессиях зависит от оценки продукта труда непосредственной средой. Этим и можно объяснить их большее влияние в семье на усвоение указанной ценности детьми, механизм усвоения сходен с тем, который имеется в случае влияния работниц торговли.

Все различия в диаграмме указывают на влияние социального происхождения в соответствии с проявлением указанного регулятора в профессиональной деятельности родителей. Дефицит в нем обуславливает большее значение рассматриваемого регулятора для детей, а отсутствие проявления его или удовлетворение потребности в нем обуславливает ее меньшее значение.

8. Четвертой ценностью внешнего вознаграждения изучается достижение видного положения в обществе посредством профессиональной деятельности (диаграмма 4). Достижение видного положения связывают иногда с карьеризмом в сфере политической деятельности. Отклонения, зависящие от социального происхождения, довольно значительны (группы выпускников, оценивших «очень важно» указанную ценность по отцу колеблются от 13,6% до 0% и по матери от 11,3% до 5%; «средне важно» соответственно от 52,7% до 24,7% и от 55% до 24,8%; «не важно» соответственно от 65% до 32,4% и от 61,2% до 31,6%).

Четко выделяются своей негативной оценкой дети медиков. Ни один (по отцу) из них не считает «очень важным» добиться видного положения в обществе, и 65% считают это «не важным» в профессиональной деятельности. Даже дети матерей медиков относятся негативней других выпускников средней школы к рассматриваемой ценности, чем дети сходные с ними по социальному происхождению. Столь негативная оценка этого регулятора обусловлена, по-видному, вознаграждением медиков в обществе. Профессиональная деятельность врача, как правило, не вознаграждается с изменением положения в обществе. Успех в профессиональной деятельности не влечет за собой изменения позиций в обществе (у врачей нет такой шкалы изменения позиций как, например, у юристов; шкала престижа и позиции действуют в очень ограниченной мере внутри профессии медиков). Из такой регуляции профессиональной деятельности вытекает и влияние родителей на детей и важность этого критерия для детей в совершении выбора профессии.

Влияние вознаграждения профессиональной деятельности тех или иных социальных групп очень четко обнаруживается во всей диаграмме. Дети рабочих и колхозников значительно менее намерены поступать при выборе профессии, исходя из указанной ценности. Это обусловлено тем, что в профессиональной деятельности их родителей меньше используется этот вид вознаграждения. Исключение среди рабочих составляют лишь работники торговли, у которых влияние на детей противоречиво. Процент детей, оценивающих «очень важно» достижение видного положения, у них наивысший (по отцу 13,6 и по матери 11,3%), в то же время и негативно оценивающая группа — одна из наиболее многочисленных (по отцу 56,4% и

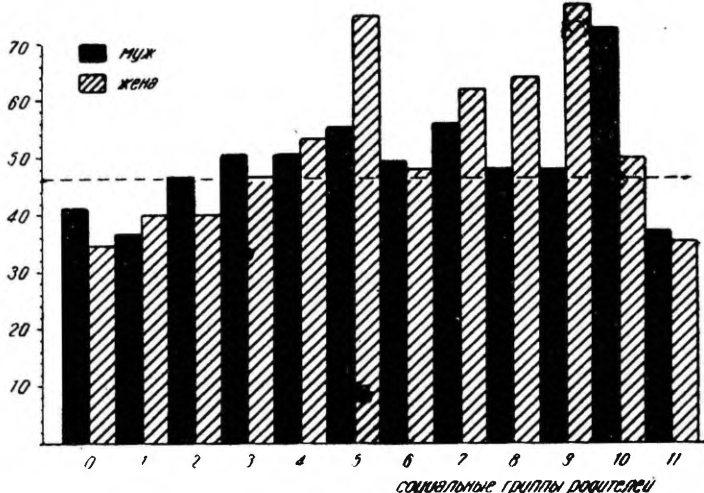

Диаграмма 5.

по матери 48,4%). Такое явление можно объяснить довольно низким престижем этой группы в обществе, что вызывает у детей противоречивый эффект. С одной стороны, возникает дефицит в указанной ценности и высокая ее интернализация, с другой стороны, защитная реакция и отрицание такой ценности вообще («для меня их мнение не значит ничего»).

В профессиональной деятельности разных групп интеллигенции (техническая и гуманитарная интеллигенция, руководящие работники) указанный регулятор используется довольно интенсивно. Это и обуславливает передачу рассматриваемой ценности детям этих социальных групп. Наиболее высоко оценивают возможность достижения видного положения в обществе через будущую профессиональную деятельность дети технической интеллигенции (группа оценивающих «очень важно» 35,6% по отцу и по матери 40%). Если посмотреть на профессиональную деятельность их родителей, то тут не должно применяться расчленение позиции больше, чем, например, у гуманитарной интеллигенции и советских работников. Это позволяет интерпретировать данные таким образом, что техническая интеллигенция чувствует наибольший дефицит в осуществлении указанной ценности (воображаемой или действительный), т. е., что в их семьях выдвижение в системе должностей составляет проблему.

В целом социальное происхождение влияет на усвоение ценности достижения видного положения в обществе. Как вытекает из предыдущего анализа, основой интенсивности передачи рассматриваемой ценности детям выступает степень ее применения в профессиональной деятельности родителей.

В диаграмме обнаруживается определенная закономерность в различиях передачи отцами и матерями детям указанной ценности. Во всех группах интеллигенции отцы больше способствуют усвоению этого регулятора детьми, чем матери (как мы указывали, матери-медики являются гетерогенной группой). При этом матери из социальных групп интеллигенции наименее способствуют усвоению этого регулятора (исключение составляют отцы-медики), а из всех групп родителей отцы-интеллигенты наиболее способствуют усвоению его. Такое противоречивое влияние матерей и отцов-интеллигентов очень трудно объяснить, это требует дальнейшего изучения. Наиболее вероятным объяснением может быть то, что матери в этих профессиях не занимают таких должностей, где осуществлялось бы вознаграждение профессиональной деятельности через изменение общественного положения. Среди руководителей (директоров, руководителей, управляющих и т. д.) очень мало женщин.

9. Руководство людьми, как критерий выбора профессий, наиболее негативно оценивается выпускниками (диаграмма 5). Возможно двоякое истолкование указанной ценности: как стремление к власти (властолюбие) или как желание занимать определенную деятельность (руководством). В общественной психологии эти две различные сущности отождествляются и в совокупности оцениваются негативно. Можно допустить, что здесь выявляется и какой-то «остаток» традиционного отношения, сложившегося между интеллигенцией и властью в буржуазном обществе, когда часть интеллигенции дефицит во власти скрывает негативной оценкой указанной деятельности вообще. Именно предыдущим мы объясняем резко негативную оценку детьми ученых руководства людьми. Если дети разных социальных групп отцов оценивают «очень важно» руководство людьми от 2,6% до 11,5%; «средне важно» от 19,5% до 33,4%; и «не важно» от 48,6% до 75,2%, то дети ученых разделяются на группы соответственно 2,6%; 19,5%; 75,2%. Без детей ученых колебание оценки указанной ценности выпускниками (оценивающих «очень важно», «средне важно» и «не важно»), сокращается наполовину. Хотя колебания в диаграмме не очень сильны, дети интеллигенции заметно негативней оценивают возможность руководства людьми в качестве критерия выбора профессии. Здесь сказывается эффект общественной психологии, дающей негативную оценку властолюбия, но вместе с тем вырабатывающей негативную оценку и руководящей деятельности вообще. На базе же деятельности интеллигенции у детей не вырабатывается значимости руководства, как критерия выбора профессии. Хотя и в социальных группах, где наиболее осуществляется руководство людьми (руководящие работники и гуманитарная интеллигенция) отцы способствуют усвоению приведенного критерия («очень важно» оценивающих соответствен-

но 11,4% и 10,3% из всех детей указанных групп), это не дает основания для противоположных утверждений. На какое-то влияние практики вознаграждения профессиональной деятельности указывает несходство во влиянии отцов и матерей среди интеллигенции. Различия в средних цифрах: у технической интеллигенции — 52,8 по отцу против — 75 по матери; у гуманитарной интеллигенции — 48,3 по отцу против — 64,2 по матери; у медиков — 56,2 по отцу против — 61,2 по матери; и только группа ученых составляет исключение — 72,7 по отцу против — 50,0 по матери. Такая явная неодинаковость подтверждает нашу гипотезу, что объяснение такого влияния необходимо искать в практике вознаграждения профессиональной деятельности. На руководящих постах значительно меньше женщин, чем мужчин, а это обуславливает меньшее проявление этого критерия у матерей в их профессиональной деятельности. Отсюда и меньшая передача указанной ценности детям.

III ХАРАКТЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕДАЧЕ ЦЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИИ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ

Для более детальных выводов изложим характерные особенности влияния социальных групп на передачу ценностей профессии, которые выявились в процессе нашего анализа. Эти различия заключаются во влиянии на оценки детей различных критериев выбора профессии. Выпускники представляют собой конкретную выборку из молодежи. Выборку, где крайние проявления второй группы ценностей профессии (ценностей внешнего вознаграждения профессиональной деятельности) не представлены. Особенно в связи с оценкой материального вознаграждения профессиональной деятельности. Влияние социального происхождения в отношении указанной ценности сглаживается в наших данных за счет выпадения из выборки молодежи, которая в большей степени усвоила этот критерий выбора профессии. Среди отвечающих не представлены юноши и девушки, не оценившие самовыражение в профессиональной деятельности, ибо они бросили учебу. Таким образом, дети с ценностями, менее способствующими приобретению образования, не представлены в массиве. Это, конечно, уменьшает в нашем материале различия в проявлении влияния социального происхождения на усвоение ценностей выпускниками. Несмотря на это, в данных вырисовываются значительные различия во влиянии социального происхождения на рассматриваемый процесс. Приведем наиболее значительные из них.

— колхозное крестьянство являлось единственным классом

в нашем исследовании, который мы не пытались делить на более мелкие социальные группы. Больше других выпускников их дети оценили полезность народному хозяйству в качестве критерия выбора профессии. При этом мать-колхозница способствует больше, чем отец усвоению указанного регулятора выбора профессии. Детям колхозников усваивается внешнее вознаграждение профессиональной деятельности более индивидуально, чем первая группа ценностей профессии. Материальное вознаграждение как ценность менее передается колхозниками своим детям, чем другими социальными группами (кроме детей ученых). Здесь мать меньше содействует усвоению указанной ценности. Такое положение совершенно естественно, учитывая сравнительно высокий жизненный уровень колхозников.

Признание непосредственной среды менее важно для детей колхозников при выборе профессии. Это может быть обусловлено тем, что в условиях деревни нет в групповом сознании расчлененной шкалы престижа профессий, ибо почти все принадлежит к одной среде, и индивид оценивается другими не в качестве представителя какой-то профессии, а как то или иное конкретное лицо. На первый взгляд, довольно неожиданной является сравнительно высокая оценка детьми колхозников возможности руководства в профессиональной деятельности, как критерия выбора профессии. Нам представляется, что основой такой особенности детей колхозников могут быть следующие обстоятельства: в деревне авторитарные отношения сохранились больше, чем в городе. Это обуславливает большее почтение к власти, как таковой. С другой стороны, здесь непосредственно проявляется полезность указанного труда (видны конкретные результаты руководства).

— рабочие мелких предприятий имеют существенное своеобразие в передаче ценностей своим детям. В отношении творческого характера труда здесь имеет место противоречивое влияние: отцы передают эту ценность очень интенсивно («очень важным» считают 56,4%) своим детям и у последних часто этот критерий выбора выступает в качестве доминирующей ценности при выборе (20,0% из детей этой социальной группы) профессии; в то же время матери — работницы мелких предприятий, значительно меньше передают эту ценность («очень важно» оценивают 40,2% детей, — это наиболее низкий процент детей, выделенных нами социальных групп матерей). В качестве доминирующей ценности рассматриваемый регулятор выбора профессии выступает у детей рабочих мелких предприятий меньше других (13,3% из детей этой социальной группы). Ниже других выпускников их дети оценивают использование личных способностей. В то же время детьми этой социальной группы воспринимается полезность народному хозяйству как основа выбора профессии. В значении воз-

награждения профессиональной деятельности для детей рассматриваемой группы имеются две особенности. Выше всех других детей дети рабочих и служащих ценят материальное вознаграждение; а также они больше всех выпускников обеспокоены своим будущим (они — единственная группа, в которой преобладают выпускники, считающие «очень важным» обеспечение стабильного будущего). Такое положение может быть обусловлено обеспеченностью их родителей и материальным вознаграждением профессиональной деятельности их родителей. Вместе с тем здесь могут проявляться и мелкобуржуазные настроения рассматриваемой социальной группы.

— рабочие крупной промышленности наименее передают детям творчество, как ценность профессии. По сравнению с другими группами рабочих, они менее способствуют передаче полезности народному хозяйству, как одной из основ выбора профессии.

Их дети обеспокоены будущим больше, чем другие выпускники и этот критерий выступает в определении ими выбора профессии. Очень негативно оценивают дети рабочих крупной промышленности руководство людьми и достижение видного положения, как ценности профессии (в отношении «видного положения» они — вторые по негативности оценки, после детей медиков; а в отношении «руководства людьми» они дают наиболее негативную оценку из детей рабочих, служащих и крестьян),

— рабочие торговли отличаются среди рабочих наиболее своеобразным влиянием на усвоение ценностей профессии детьми. Для их детей наиболее важным является самодополнение, как регулятор выбора профессии (в качестве доминирующей ценности оно выступает: по отцу у 39,3% выходцев из рассматриваемой группы, и по матери у 43,6% выходцев). Их дети значительно выше оценивают и использование своих способностей в профессиональной деятельности, особенно сильно здесь влияние отца в направлении усвоения указанной ценности профессии (22,6% выпускников). Выходцы из рассматриваемой группы составляют и вторую группу по оценке полезности народному хозяйству, как одну из основ выбора профессии. Матери обуславливают большее усвоение этого регулятора.

Матери более, чем отцы, способствуют передаче ценностей, основывающихся на вознаграждении профессиональной деятельности, детям. Наибольший разрыв наблюдается в передаче детям оценки непосредственной среды как регулятора выбора профессии. Из детей рабочих, дети работников торговли наименее обеспокоены будущим и на их отношение к профессии меньше влияет оценка непосредственной среды.

— служащие составляют переходную группу между рабо-

чими и интеллигенцией. Эта группа не имеет особенностей в своем влиянии на детей, показывая результаты, очень близкие к средней оценке всех выпускников. Различия между влиянием матери и отца также наименьшие. Это дает основание для предположения, что такой единой социальной группы не существует.

— техническая интеллигенция в отношении влияния на усвоение детьми творчества, как ценности, стоит ближе к рабочим крупной промышленности, чем к другим группам интеллигенции. Дети рассматриваемой группы менее всех из детей интеллигенции ценят самовыражение в профессиональной деятельности, а полезность народному хозяйству выступает в качестве основного регулятора выбора профессии лишь у 2,6% выходцев (по отцу) из рассматриваемой группы.

Для выходцев из технической интеллигенции внешнее вознаграждение профессиональной деятельности имеет явно большее значение, чем для детей других социальных групп. Материальное вознаграждение профессиональной деятельности передается им наиболее интенсивно и имеет среди выпускников средних школ наибольшее значение. Выходцы из технической интеллигенции наиболее намерены обеспечить свое будущее через выбор профессии. Для них при этом большое значение имеет оценка выбранной профессии друзьями и знакомыми. Больше остальных выпускников они пытаются выбрать профессию, которая дает возможность достигнуть видного положения в обществе. В целом рассматриваемая группа интенсивно передает ценности внешнего вознаграждения. Характерна сравнительная близость оценки самовыражения выходцев из рассматриваемой группы к оценкам этой ценности детьми рабочих и служащих.

— медицинские работники, как уже отмечалось, составляют по социальному составу гетерогенную группу (хотя это менее относится к группе отцов). Поэтому большему анализу подвергались отцы указанной группы. Выше всех выпускников их дети оценивают использование своих способностей в будущей профессиональной деятельности (87,5% считает это «очень важным»). В то же время они в своей будущей профессиональной деятельности меньше других желают быть полезными народному хозяйству. Выпускники из этой социальной группы ценят высоко материальное вознаграждение профессиональной деятельности и больше всех других выходцев из интеллигенции обеспокоены своим будущим (они стоят на втором месте из всех групп выпускников). Оценка друзьями и знакомыми их будущей профессиональной деятельности лишь незначительно влияет на их выбор профессии. Резко отрицательно они относятся к достижению видного положения в обществе посредством профессиональной деятельности («не важным» считают

это 65%, и «очень важным» — ни один из них). Руководство людьми тоже оценивается ими резко негативно. Это вполне закономерно, ибо оба эти аспекта не выступают в профессиональной деятельности врача.

— гуманитарная интеллигенция наиболее многочисленно (из интеллигенции) представлена в нашем исследовании. Это делает репрезентативным различного рода колебания в графе, изображающей влияние этой группы интеллигенции на передачу ценностей. Дети рассматриваемой группы интеллигенции выше всех других выпускников оценивают творчество как одну из основ выбора профессии. Это выражается в том, что для 28% выпускников (как по матери, так и по отцу) эта ценность — доминирующая среди других, предложенных (только для 14,8% из всех выпускников эта ценность доминирующая). Матери рассматриваемой группы менее всех других матерей и отцов (кроме медиков-отцов) способствуют усвоению ценности «полезность народному хозяйству» как критерия, определяющего отношение к профессии. В качестве доминирующей ценности приведенный критерий выступает лишь у 1% выпускников из рассматриваемой группы (9,3% из всех выпускников). В целом выходцы из гуманитарной интеллигенции наименее усваивают эту ценность.

Большое значение для детей гуманитариев имеет и материальное вознаграждение профессиональной деятельности. Также значительно выше среднего передается им значение оценки непосредственной средой их будущей профессии. Отец способствует усвоению этого регулятора значительно сильнее, чем мать. Но и оценка общества (достижение видного положения) имеет для них большее значение, чем для остальных выпускников (кроме детей технической интеллигенции).

У гуманитарной интеллигенции очень четко вырисовываются различия во влиянии отца и матери. Значительные различия проявляются в передаче ценностей вознаграждения профессиональной деятельности («руководство людьми», «оценка друзей и знакомых» и «обеспечение стабильного будущего»).

— руководящие работники советских профсоюзных и др. органов больше других групп интеллигенции способствуют усвоению детьми в качестве критерия выбора профессии «полезность народному хозяйству». Здесь следует отметить низкую оценку их детьми материального вознаграждения и обеспечения стабильного будущего как критериев отношения к профессии. Между влиянием матери и отца имеются значительные различия, но малочисленность рассматриваемых групп не позволяет делать точные выводы. По-видимому здесь проявляется общая для всей интеллигенции закономерность, согласно которой матери менее способствуют передаче значения вознаграждения профессиональной деятельности детям.

— ученые составляют в исследовании довольно своеобразную социальную группу. Совершенно закономерно они передают детям интенсивнее значение самовыражения («творчество» считают «очень важным» по отцу 68% и по матери 78,6% выпускников; самодополнение соответственно 78,8% и 92,8%; использование личных способностей соответственно 80,6% и 92,3%) в профессиональной деятельности. При этом в качестве доминирующей ценности использование личных способностей выступает (по отцу) у 33,3% выходцев рассматриваемой группы. Полезность народному хозяйству не отмечена ни у одного в качестве основного регулятора и вообще весьма низко оценивается в качестве критерия выбора профессии.

Вознаграждение профессиональной деятельности не имеет для детей ученых такого значения, как для других выпускников. Лишь признание непосредственной среды передается их родителями им в качестве важного критерия выбора профессии («очень важным» считает это по отцу 58,7%, а по матери 61,5%, в то же время «не важным» соответственно 9,8% и 0%). Закономерна у них и низкая оценка материального вознаграждения и уверенности в будущем. Резко негативна оценка руководства людьми как одного из критериев отношения к профессии.

Несмотря на то, что ценности самовыражения довольно интенсивно пропагандируются через другие социальные институты, социальное происхождение несомненно влияет на их усвоение выпускниками. В отношении других ценностей профессии это влияние еще более существенно, и выделение социальных групп для социологического анализа воспроизводства социальной структуры общества необходимо. Из выделенных нами групп явное своеобразие во влиянии на детей имеют гуманитарная и техническая интеллигенция, ученые, партийные работники, рабочие торговли и мелких предприятий. Другие группы слишком велики и их необходимо еще делить на более мелкие группы, ибо в настоящем исследовании они явно не отражают действительную структуру социального состава общества. При учете образовательного уровня медицинские работники могут быть выделены в дальнейшем в особую группу.

Можно констатировать значительно большее влияние интеллигенции на передачу ценностей профессии своим детям. Ее влияние индивидуально и особенно четко выявляется в отношении второй группы ценностей, где социальная политика через формальные каналы ведется в негативном плане или вообще не ведется. Но в то же время их дети менее поддаются влиянию формальных каналов (школы, массовых коммуникаций и т. д.). Различия между отдельными классами незначительны, но более существенны различия между отдельными социальными группами. Это доказывается и гетерогенностью социального состава семей. Есть необходимость в дальнейшем изучении своеобразия различных групп населения.

IV ОГРАНИЧЕНИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ, И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.

Наши данные показывают значительное влияние социального происхождения на формирование духовного облика выпускника, что подтверждает актуальность проблемы социальной однородности. Поэтому нам кажется правомерным поднятие этого вопроса В. Н. Шубкиным: «Повышение конкурса в вузы в связи с ростом выпускников школ может повести к снижению процента детей рабочих и крестьян, поступающих в высшие учебные заведения. Поэтому следовало бы заранее предусмотреть меры, которые бы противодействовали этой тенденции»²⁷. Другую точку зрения защищает М. Н. Руткевич в книге «Жизненные планы молодежи»: «На наш взгляд, единственное регулирование, которое должно иметь место при наборе молодежи в вузы — это конкурсы, проводимые с полным беспристрастием, с полным исключением самомалейшей протекции, конкурсы без преимуществ по стажу и иным привходящим факторам. Требования должны быть едиными для всех абитуриентов без исключения»²⁸. Осуществление такого принципа неизбежно приведет к неравенству, ибо социальные условия у разных слоев нашей страны отнюдь не одинаковы. Одинаковый подход к неодинаковым объектам неизбежно приведет к неодинаковой мерке. До тех пор, пока существуют классовые различия, нельзя строго однозначно подходить к этой проблеме.²⁹ Наверное никто не будет говорить, что выпускники средней школы из глухой деревни имеют одинаковые социальные условия с выпускниками — выходцами из семей московской интеллигенции. Принцип одинаковой мерки при неравных условиях не может определять нашу политику в этой области, ибо он создает привилегированные слои в обществе и приводит к потере людских ресурсов. В этом смысле явно к отрицательным результатам приводит нынешняя система специализированных классов в школе. Совершенно естественно, что эти классы создаются в первую очередь в больших городах. Набор учеников проводится в первом классе и в дальнейшем, если ученик не выпадает (остается на второй год) он оканчивает среднюю школу в этом классе. Ни для одного учителя не секрет, что ребенок, поступающий в первый класс из семьи интеллигенции превосходит по своему развитию, как правило, ребенка из рабочей семьи.

²⁷ В. Н. Шубкин, Молодежь вступает в жизнь, «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 66.

²⁸ М. Н. Руткевич, Общественные потребности, система образования и жизненные планы молодежи, в сб. Жизненные планы молодежи, Свердловск, 1966, стр. 36.

²⁹ Конечно, мы не имеем в виду такую неодинаковость, о которой писал А. Какосян и другие. См. А. Какосян «По ту сторону экзаменов», «Комсомольская правда», 1966, 23 марта, стр. 3.

Уже это обуславливает неодинаковый отбор в эти специализированные классы. Между прочим, анализ социального происхождения школьников в специализированных классах полностью это подтверждает. К тому же это и модно: «Тийна учится в специализированном классе!». Иной родитель готов ради моды испытывать все дозволенные и недозволенные приемы, чтобы определить своего ребенка в соответствующий класс. Такой выпускник значительно превосходит по своему развитию, даже если он троечник, самого хорошего выпускника из деревенской школы. И при одинаковом конкурсе попадает в вуз именно он, а не деревенский парень.

Конечно, специализированные классы имеют позитивное значение, но условия приема и пребывания в этих классах необходимо изменить, ибо не следует создавать дополнительный механизм образования социальной неоднородности нашего общества. Вероятно, должна быть применена конкурсная система приема и пребывания в этих классах. При этом необходимо создавать специализированные школы с интернатами для сельской молодежи. В то же время печально, что в Эстонии в отношении баскетбола и др. видов спорта такой отбор идет среди всей молодежи. Для подобных поисков используется радио, телевидение, печать, образовательная система и т. д. Ничего подобного не наблюдается ни в отношении народного хозяйства, ни науки, искусства и т. д. Тут явно что-то не так. В побочных сферах жизнедеятельности человека применяются у нас эффективные меры отбора самых способных, исключаяющее указанное влияние социальной среды, а в главных сферах жизнедеятельности человека имеет место недостаточная обоснованность существующей практики.

2. В социалистическом обществе неправомерно истолковывать социальное происхождение только через профессию отца. Роль матери как канала связи детей с внешним миром неизмеримо возросла. На это указывает и большее проявление различий между отцами и матерями одних и тех же социальных групп среди интеллигенции. Закономерность, проявляющаяся в оценке детьми интеллигенции ценностей внешнего вознаграждения (матери обуславливают во всех группах интеллигенции меньшее усвоение указанных ценностей, чем отцы, а в отношении достижения видного положения влияние матерей противоположно отцам), не может быть случайным результатом обследования. Обусловлено это может быть тем, что в профессиях и должностях матерей приведенные регуляторы имеют меньшее значение.

Интерпретация социального происхождения через профессию отца еще больше усложняется тем, что семьи в условиях Эстонии довольно гетерогенные (см. табл. 1). Таким образом необходимо в исследовании социальных групп учитывать влияние

обоих родителей, а это означает неприменимость методики стратификационного анализа буржуазной социологии.

В анализе влияния социального происхождения на усвоение культурных стандартов четко проявляются основы этих различий. Несомненно, часть этих различий обусловлена материальными отношениями, сложившимися в сфере соответствующей профессиональной деятельности. Это обусловило различия между рабочими мелких предприятий и гуманитарной интеллигенцией, с одной стороны, и рабочими крупной промышленности и технической интеллигенцией, с другой, в передаче творчества как ценности; повышенную оценку личных способностей детьми медиков и т. д. Особенно сильно это проявляется в отношении ценностей внешнего вознаграждения. В социальных группах, где используются соответствующие регуляторы, значительно интенсивней передаются последние и детям (если нет других аспектов, коррегирующих это влияние).

Далее, на передачу ценностей влияет субъективное восприятие трудовой практики. Особенно сильно оно влияет на усвоение ценностей внешнего вознаграждения профессиональной деятельности. Если нет недостатка в определенном виде вознаграждения, тогда оно не превращается в критерий выбора профессии у выходцев из соответствующей группы (оценка детьми ученых самоудовлетворения и денег, детьми медиков признания непосредственной среды и т. д.), или, наоборот, если создается дефицит в нем, тогда у детей появляется повышенная оценка соответствующего критерия выбора профессии (дети работников торговли в отношении социального признания непосредственной среды, дети медиков в отношении обеспечения будущего и т. д.). Такой же результат появляется вследствие отражения в групповом сознании информации о стимуляции и вознаграждении профессиональной деятельности других социальных групп и субъективном ощущении сравнительного недостатка в том или ином виде вознаграждения (повышенная оценка детьми медиков и гуманитарной интеллигенции материального вознаграждения профессиональной деятельности).

Из всего этого можно заключить, что социальное происхождение в настоящее время несет в себе богатое содержание, которое опосредует влияние других социальных институтов на процесс социализации и формирует ценности профессии индивидов. Значение различных ценностей в профессиональной деятельности передается через социальное происхождение и последнее формирует значение тех или иных ценностей для выпускников. Всякие изменения в социальной действительности, а особенно в сфере материальных отношений, вызывают изменения, как в содержании социального происхождения, так и в его роли в процессе социализации. Так, в настоящее время разрешается в нашем обществе квартирная проблема; повышается материальная обеспеченность населения; расширяется

система детских учреждений (ясли, садики, школы-интернаты и т. д.); идет процесс урбанизации; процесс отделения быта и профессиональной деятельности, как в пространстве, так и по содержанию — это все изменяет сущность социального происхождения. Социальная однородность — цель социалистического общества. Для осуществления социальной политики в данном направлении есть несколько возможных вариантов.

А. Можно попытаться сократить влияние социального происхождения или вообще устранить влияние этого фактора. В этом смысле идеальной может рассматриваться система воспитания в древней Спарте. В принципе семью можно вообще отстранить от воспитания детей и осуществить процесс социализации посредством других социальных институтов. Это может обеспечить полную социальную однородность. В какой-то мере у нас осуществляются мероприятия в этом направлении (расширение системы детских учреждений). При этом вопрос ставится часто весьма утилитарно: «Важнейшими проблемами являются расширение сети детских учреждений, особенно в отраслях с преобладанием женского труда, организация летнего отдыха детей школьного и дошкольного возраста в пионерских лагерях и т. д., с тем чтобы отдых этот был рассчитан на более длительный срок. Основная доля потерь (не менее 50%) рабочего времени приходится на женщин, увольняющихся для ухода за детьми, и ликвидация этих потерь дала бы промышленности не менее 20 тысяч круглогодичных рабочих. Решение указанных вопросов позволило бы снизить текучесть рабочей силы и облегчить положение с жилищной проблемой, поскольку таким образом будет сужен приток рабочей силы извне в Ленинград и другие крупные города».³⁰ Такой сугубо экономический подход не может быть основой для социальной политики в этой области. Ибо проблемы, вытекающие из такой политики, явно не вмещаются в область экономических отношений. Сокращение роли семьи в воспитании детей неизбежно поведет за собой ослабление связей в семье и вызовет ее неустойчивость, ибо воспитание останется за пределами практики семьи. А это в наше время одна из основных ее функций. Осуществление этого на практике как будто приближает нас к такому положению, когда брак становится легко расторгимым сожительством, основанном на любви. Но какие имеются для этого предпосылки? Сохранится ли семья в таких условиях и какие социальные последствия поведет за собой такое положение. Для определения этого семью необходимо рассматривать со стороны ее различных функций в обществе. Американский социолог Уильям Гуд перечисляет следующие ее функции:

³⁰ Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. Н. Шкаратан, Проблемы управления движением рабочей силы, в сб. Труд и развитие личности, Л., 1965, стр. 190.

1. Уровень рождаемости, могущий быть высоким или низким.

2. Определение статуса, который может быть переведен в соответствующие переменные стратификации: а) степень сохранения индивидом своего социального статуса в течение всей жизни на уровне семьи, в которой он родился; б) уровень расположения семьи на шкале стратификации и в) отношение семьи к форме распределения стратификации.

3. Биологическое сохранение, или распределительная система, внутренняя по отношению к семье. Эта функция может быть разбита на такие псевдопеременные: а) те, кто получает помощь от семьи (то есть число людей, статус которых поддерживается в семье), б) объем и вид оказываемой родственникам помощи со стороны основной (nuclear) семьи (причем в отношении родственников, не входящих в состав основной семьи, наблюдается уменьшение оказываемой им помощи).

4. Социализация, в которой основными переменными, по-видимому, являются: а) интенсивность, эффективность или степень социализации (то-есть степень, в которой семье удается оказать свое влияние на ребенка); б) количество членов семьи, чьи статусы включают обязательство социализации, и в) продолжительность времени, затраченного в семье для наблюдения за ребенком в процессе социализации.

5. Эмоциональное сохранение, или психодинамическое внутреннее и внешнее равновесие эмоционального состояния индивида. Это равенство обусловлено не личностной структурой индивида, а тем, в какой степени семейные формы обуславливают его душевное спокойствие. Как заметили различные современные исследователи семьи, современная городская основная семья стала почти единственным местом, где индивид может найти свое эмоциональное равновесие. Таким образом, взвалив на себя слишком большой груз, семья будет способствовать резкому возрастанию числа разводов.

6. Социальный контроль («сексуальный контроль» в нашем перечне классических функций семьи). Хотя семья действительно осуществляет контроль за сексуальным поведением ее членов, он представляет собой только одну из областей социального контроля. Даже в нашем собственном обществе семья является основным агентом социального контроля как для взрослых, так и для детей. Здесь соответствующими псевдопеременными являются: а) широта, диапазон поведения, подающегося реальному семейному контролю и б) многообразие личностей или статусов, являющихся, как предполагается, объектом интереса любой данной основной семьи.³⁹

Этот перечень далеко не полный, но это сейчас для нас не

³⁹ У. Гуд. Социология семьи, в сб. Социология сегодня, Проблемы и перспективы, М., 1965, стр. 206—207.

существенно. Уже эти функции показывают, что вопрос выходит за рамки экономического подхода и требует комплексного изучения. Необходимо учитывать и остальные функции семьи в обществе.

Политика отстранения семьи из процесса социализации ребенка коренным образом изменит функцию женщины в обществе. Поднимая проблему равноправия женщин и мужчин в плане профессиональной деятельности, мы создали систему регуляторов, которые обеспечили равное участие женщин и мужчин в этой деятельности. Но вместе с тем неизбежно сократилась роль женщины-матери в обществе. Это привело к соответствующим социально-психологическим последствиям. «Откуда-то было навеяно понятие о любви и браке, как о хорошей и беспечной жизни, это выдвигалось на первый план, а чувства и отношения занимали второстепенное место. Был поразительным взгляд на материнство, — что дети, мол, обременяют, лишают жизни женщину и так далее».³² К сожалению, подобный взгляд в какой-то мере вытекает из того же самого понимания равноправия. Женщина ведь не есть машина, производящая детей. А если эта ее функция обществом не поощряется, то это явно ведет за собой низкую рождаемость и потерю значения материнства для женщины. В этом смысле мы поддерживаем предложение А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова о предоставлении женщинам льгот для выполнения этой их функции.³³ Ибо в противном случае возникшие проблемы прироста населения и моральные проблемы приобретают большую остроту.

Открытым остается и вопрос: заменяют ли другие социальные институты адекватно семью, не вызывает ли устранение семьи осложнения в процессе социализации. Не потеряет ли процесс социализации индивидуальность и цельность в таком случае. Именно обеспечение этого есть главная проблема во всех социальных институтах, осуществляющих массовое воспитание. Они не всегда в состоянии создать целостную личность. Семейное воспитание, по крайней мере в первые годы развития ребенка, более эффективно в этом отношении. Устранение семьи, по крайней мере, в этот период в настоящее время не целесообразно.

Таким образом, тенденция к устранению социального происхождения как одного из факторов процесса социализации требует очень серьезных исследований перед осуществлением такой политики.

Б. Можно усиленно воздействовать через другие социальные институты с целью устранения влияния социального происхождения и достижения социальной однородности в освоении культуры подрастающим поколением. Это на практике осущест-

³² В. А. Крутецкий, Н. С. Лукин, Психология подростка, М., 1965, стр. 176.

³³ Человек и его работа. М., 1967, стр. 310.

вляется, и надобность в такой социальной политике явно имеется. Нельзя согласиться с таким подходом, при котором ценностью провозглашается анархия в этом отношении (хотя формально провозглашается невмешательство в эти области духовной жизни человека).³⁴ Кустарность и необоснованность социальной политики не может быть основой для ее отрицания вообще. Нам кажется, что именно отсутствие научно обоснованной политики является самым большим недостатком в нашей действительности в этом вопросе. Имеется явная необходимость осуществления и дальнейшей разработки ее в отношении регуляции выбора профессии. Конечно, социальная политика, проводимая лишь в форме пропаганды и не учитывающая материальные отношения, не может рассчитывать на успех. В таком случае достигается лишь кратковременный результат, позднее же создается духовный конфликт, когда ценности, не подтвержденные практикой, теряют свое значение. Такая ломка может привести и к побочным эффектам, значение которых иной раз больше достигнутого успеха. Это значит, что необходимо очень осторожно проводить пропаганду в этой области и основывать ее на материальных отношениях. Ценности профессии, пропагандируемые школой, комсомолом, массовыми коммуникациями и т. д. не могут значительно расходиться с теми, которые усваиваются на базе общественной практики, эти институты могут лишь создать определенный сдвиг во взглядах молодежи. Коренных же изменений можно достигнуть лишь через изменение самих материальных отношений в обществе.

В. Именно преобразование материальных отношений может создать большую социальную однородность через влияние семьи таким образом, что различия, обуславливающие социальное неравенство, устраняются. Пока материальное вознаграждение труда некоторых социальных групп не повысится, нельзя изменить и интенсивную передачу ими соответствующих ценностей детям. По нашему мнению, наиболее перспективная возможность социальной политики в сфере достижения большей социальной однородности состоит в изменении самой социальной действительности.

В условиях ЭССР социальное происхождение имеет значительное влияние на формирование ценностей профессии у выпускников средней школы. Таким образом она обуславливает различия в свободе выбора профессии выпускниками. Нам кажется, что выравнивание возможностей должно идти через достижение большей однородности социального положения разных социальных групп. Однако пути для достижения большей социальной однородности не очень четко определены в настоящее время и нуждаются в дальнейшем исследовании, ибо сама социальная структура не изучена. Настоящее исследование дает лишь некоторые предпосылки для более детального изучения рассматриваемой проблемы.

³⁴ Намерения при этом могут быть самые благородные.

«НАДОРГАНИЧЕСКОЕ» И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ СХЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО

Я. К. Ребане

В предыдущей статье¹ мы обратили внимание на биологические предпосылки возникновения социальной памяти и человеческого, социально опосредствованного отражения. В свете данных генетики, теории эволюции, этологии, зоопсихологии, «зоосемиотики» видоизменяется изображение общества и культуры в качестве «надорганического» явления, весьма распространенное в буржуазной эволюционистской мысли.

Когда речь идет о философской оценке концепции надорганического, нельзя поддаваться магическому влиянию термина и предположить, что сторонники надорганического принадлежат к какой-то одной школе или, по крайней мере, употребляют этот термин в близких значениях. Это не так.

Например, в англо-американской теоретической этнографии («культурной антропологии») можно выделить три основных значения «надорганического».

Во-первых, для Г. Спенсера, кем был введен термин «надорганическое» (*superorganic*) для обозначения третьей стадии эволюции (первая — неорганическая, вторая — органическая), надорганическое означало сверхорганизм, возникающий из индивидуальных организмов². В этом значении «надорганическое» примыкает к взглядам органической школы в социологии.

Во-вторых, «надорганическое» означает «выше органического», т. е. существующее до и после индивидуального организма и вне него, в объективной реальности. Именно в этом значении термин «надорганический» употребляется А. Крёбером³, который ввел его в американскую культурную антропологию, интерпретируя «надорганическое» объективно-идеалистически, в духе платоновских идей.

¹ См. стр. 31—70.

² Г. Спенсер. Основания социологии, т. I, СПб., 1876, ч. I, глава I: «Надорганическое развитие».

³ А. Л. Кроебер, The American Anthropologist, XIX, 1917, p. 163—213.

В-третьих, «надорганическое» обозначает тот факт, что культурная эволюция не лимитируется биологическим, органическим строением человека, а базируется на его умственных способностях⁴. В этом смысле «надорганическое» употребляется различными психологическими направлениями, тяготеющими, как правило, к субъективному идеализму.

Как мы видим, уже в рамках культурной антропологии «надорганическое» обладает различными значениями. Дело осложняется еще больше, когда в обсуждение включаются биологи, языковеды и представители других специальностей. В данной статье мы рассматриваем понимание надорганического только некоторыми представителями американской культурной антропологии, имея в виду, прежде всего, изображение преемственности и отличия биологической и социально-культурной эволюции. При этом мы не затрагиваем здесь концепций, применяющих для анализа культурных систем структурно-лингвистические и семиотические методы.

В последние годы англо-американская культурная антропология анализировалась с позиций марксизма-ленинизма в работах Ю. П. Аверкиевой, С. Н. Артановского, В. М. Бахты, Э. С. Маркаряна, Д. М. Сегала, Е. М. Штаермана и других советских авторов. Проблема надорганического в указанных работах специально не рассматривается. Но некоторые ее стороны затронуты в связи с классификацией направлений культурной антропологии⁵, с оценкой концепций культурного релятивизма и однолинейной эволюции⁶, с проблемой аккультурации⁷,

⁴ D. Bidney, *Theoretical Anthropology*. New York, 1953, p. 35.

⁵ Ю. П. Аверкиева, *Современные тенденции в развитии этнографии США*; Ю. П. Аверкиева, *О некоторых этнопсихологических исследованиях в США*, Сб. *Современная американская этнография*, М., 1963; Ю. П. Аверкиева, *Ответ Ст. Данну, «Советская этнография»*, 1965, № 6; Ю. П. Аверкиева, *Неозволюционизм в современной американской этнографии*, *«Советская этнография»*, 1959, № 6; М. Г. Левин, *этнографические и антропологические материалы как исторический источник*, *«Советская этнография»* 1964, № 1; С. Н. Артановский, *К критике концепций «функционализма» и «аккультурации»*, *«Вопросы философии»*, 1964, № 1; Е. М. Штаерман, *Проблема культуры в западной социологии*, *«Вопросы философии»*, 1967, № 1, стр. 176; Д. М. Сегал, *О современной культурной антропологии*, *«Вопросы философии»*, 1969, № 9.

⁶ С. Н. Артановский, *Историческое единство человечества и взаимное влияние культур*, Л., 1967; С. Н. Артановский, *«Культурный» релятивизм в американской этнографии*, Сб. *Современная американская этнография*, М., 1963; Э. С. Маркарян, *Критика концепции эквивалентных цивилизаций*, *«Вопросы философии»*, 1963, № 8; С. Н. Артановский, *Проблема сравнительной ценности культур и «теория культурного релятивизма»*, *«Советская этнография»*, 1961, № 3; С. Н. Артановский, *Ответ Ст. Данну, «Советская этнография»*, 1965, № 6.

⁷ В. М. Бахта, *Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США*, Сб. *Современная американская этнография*, М., 1963; С. Н. Артановский, *К критике концепции «функционализма» и*

с марксистской оценкой взглядов Л. Уайта⁸.

Мы рассмотрим ниже понятие надорганического преимущественно в философско-гносеологическом аспекте, не касаясь специфических культурологических проблем.

*

Отмеченные выше три значения надорганического связаны с решением основного вопроса философии. Здесь конкретно обнаруживается тот факт, что абсолютизация или неверная интерпретация определенных моментов «социальной памяти» является одним из гносеологических условий возникновения (гносеологических корней) идеализма⁹.

Хотя «надорганическое» Г. Спенсера принадлежит ныне уже истории, но это понятие оказало значительное влияние на позитивистско-эволюционистские концепции культуры и познания. В данном случае «надорганическое» связано с субъективно-феноменалистской философией, с рассуждениями Г. Спенсера с позиции «здорового смысла» и с его удивительной способностью к созданию всевозможных аналогий.

«Здравый смысл» говорит, что материя, пространство, реальность — все они даны через психический опыт как «сопротивление» (материя), как «абстрактное сосуществование» (пространство)¹⁰, как «неустранимость в сознании» (реальность)¹¹. Развитие материи идет от простого к сложному, от несложного однородного к связанному однородному¹², от однородного к гармоничному (а не хаотическому) разнородному, от неопределенного к определенному¹³. Концепция надорганического получена Г. Спенсером, исходя из этих принципов.

В марксистской критике органических теорий общества справедливо подчеркивается их прогрессивность по сравнению с конвенциональными теориями и критикуется недостаточность произвольных аналогий, замазывающих качественную специфи-

«аккультурации», «Вопросы философии», 1964, № 1; см. также Л. А. Уайт, Эволюция культуры и американская школа исторической этнографии, «Советская этнография», 1932, № 3.

⁸ С. Н. Артановский, Марксистское учение об общественном прогрессе и «эволюция культуры» Л. Уайта. Сб. Современная американская этнография, М., 1963; Э. С. Маркарян, Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический материализм, «Вопросы философии», 1966, № 2.

⁹ На это мы обратили внимание в статьях о гносеологических корнях идеализма. (См. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, VIII, 1965, стр. 3—18; Сб. Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, стр. 115—124).

¹⁰ Г. Спенсер, Основные начала, СПб., 1886, стр. 33.

¹¹ Там же, стр. 28.

¹² Там же, стр. 206.

¹³ Там же, стр. 208.

ку человеческого общества¹⁴. Но здесь имеется еще один существенный момент, на который следует обратить внимание.

Биологический редукционизм всегда оперирует определенным исторически-конкретным уровнем биологических знаний. Эти знания впоследствии могут оказаться недостаточными. В случае «надорганического» Г. Спенсера это обнаруживается довольно четко. Эта концепция обладает, по крайней мере, двумя принципиальными недостатками, из-за которых она выглядит наивной с точки зрения современной биологии.

Во-первых, у Г. Спенсера в качестве объекта эволюции и естественного отбора фигурирует индивидуальный организм, подчиненный динамическим законам¹⁵. Вероятностный стиль мышления Дарвина ему чужд. Общество — это «организм», состоящий из подсистем-органов примерно так, как это представляли себе древние мыслители¹⁶. Спенсер прокламирует соответствие между функциями организма и общества: питание, обмен веществ — торговля, нервная система — система общественного управления¹⁷.

Во-вторых, он считает благоприобретенные признаки наследуемыми. Проблема передачи культуры решается на этой основе так: в результате повторяющихся внешних влияний возникают устойчивые ассоциативные связи, которые наследуются. Историческая передача культуры достигается на базе индивидуальной психики¹⁸. На этой базе разрешается им и проблема исторического развития мышления. Спенсер довольствуется эклектическим перечислением составных частей «вторичной» среды. Сюда он относит материальные объекты, язык, науку, обычаи, законы, философию, эстетические объекты, музыку, литературу.

Итак, «надорганическое» Г. Спенсера — это «сверхорганизм», построенный по принципу морфологической модели биологии первой половины 19 века, с переносом на общество двух теоретических слабостей биологии того периода — ламаркистского принципа наследования прижизненного опыта и непонимания роли популяций в эволюции. Сюда прибавляется еще и непонимание Спенсером роли статистических закономерностей.

В то же время Спенсер социализирует животный

¹⁴ См. напр., В. Ольшанский, «Органическая школа», Философская энциклопедия, т. 4.

¹⁵ Характерно, что Г. Спенсер считает общество суммой индивидуумов. (За это, кстати, критиковал Спенсера Дюркгейм). Почти весь первый том «Оснований социологии» Спенсера посвящен изучению физической, эмоциональной и интеллектуальной сторон жизни первобытного человека.

¹⁶ Г. Спенсер, Социология, как предмет изучения, СПб., 1896, стр. 321, 328, 329; Г. Спенсер, Социальная статика, СПб., 1906, стр. 511.

¹⁷ Г. Спенсер, Социология как предмет исследования, стр. 327.

¹⁸ Г. Спенсер, Основания психологии, СПб., 1897, стр. 276—277.

мир по образцу современного ему буржуазного общества. Он совершенно серьезно говорит о «животной этике» и «обмене услуг» в животном мире¹⁹. Рассматривая надорганическое развитие в животном мире, он интерпретирует его в антропоморфных терминах. Особенно четко это обнаруживается при описании им сообществ приматов²⁰.

Об этих чертах «надорганического» Г. Спенсера полезно вспомнить, когда речь идет о современных моделях общества и культуры, базирующихся на данных биологии второй половины XX века. В этих моделях не только имеет место абсолютизация определенных данных биологии, прежде всего, этологии и зоопсихологии, но и происходит взаимное слияние двух моделей — биологической и социальной. Те черты человеческого общества, которые должны получить объяснение на базе биологической системы, как бы вносятся исследователем в эту систему путем ее концептуального расчленения.

В результате этого существует прямой переход от биологического редукционизма к различным субъективно-идеалистическим концепциям, связывающим культурное развитие с индивидуальной психикой и накоплением знаний. Такие концепции, как правило, повторяют традиционные философские идеи 17—18 веков, считая основой, исходным пунктом всех рассуждений изолированного индивидуума как психологического существа. Индивидуально-психологической концепции надорганического придерживаются многие этнологи, а также биологи, обсуждающие проблемы развития человека, культуры, познания²¹.

К сожалению, это обстоятельство порою недостаточно учитывается в марксистской философской критике. Это обнаруживается в упреках в «биологизации антропогенеза» в адрес некоторых биологов, например, американского биолога Т. Добжанского²². Фактически Т. Добжанский отнюдь не биологизирует антропогенез, а наоборот, он видит уникальность человеческой стадии существования в накоплении знаний и моральных ценностей, выступая сторонником позитивистского понимания соотношения биологического и социально-культурного.

Т. Добжанский специально подчеркивает значение культурной эволюции²³. Человек подчинен всем закономерностям гене-

¹⁹ H. Spencer, *The Principles of Ethics*, vol. II, London, 1893, p. 7

²⁰ Г. Спенсер, *Основания социологии*, т. I, СПб., стр. 5—6.

²¹ Схему развития культуры и познания как внегенетического накопления «мнемотипов» предлагал американский биолог Г. Ф. Блюм (H. F. Blum, *On the Origin and Evolution of Human Culture*, *American Scientist*, vol. 51, No 1, 1963.) Анализ этой схемы дан автором в статье «О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации», Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, X, 1966, стр. 3—12.

²² Ю. И. Семенов, *Как возникло человечество*, М., 1966, стр. 67.

²³ T. Dobzhansky, *Man and Natural Selection*. *American Scientist*, vol. 49, No. 3, 1961. T. Dobzhansky. *Anthropology and the Natural Sciences — the Problem of Human Evolution*. *Current Anthropology*, vol. 4, No. 2, 1963.

тической эволюции. Его генетический код отличается от генетического кода мыши только по своей структуре. Но основное отличие человека от других животных состоит в том, что человек участвует также в культурной эволюции. «Культурная наследственность, или просто культура, передается с помощью обучения и подражания, а это достигается, главным образом, с помощью символических процессов человеческого языка»²⁴. Т. Добжанский критикует биологических редуccionистов, мыслящих в стиле 19 века. Он не согласен, например, с Дарлингтоном, который утверждал²⁵, что вещество наследственности определяет ход истории и структура общества базируется на структуре хромосом. С другой стороны, Т. Добжанский не согласен с теми социологами, которые переоценивают роль культуры. Однако, он необоснованно приписывает такой взгляд также марксизму²⁶.

Исходя из данных современной биологии, Т. Добжанский показывает связь культуры с биологической эволюцией человека. Человек — это крайне изменчивый, политипический и полиморфный вид. Человечество меняется генетически. Главный теоретический «аргумент, почему человечество должно изменяться генетически — это то, что оно изменяется культурно»²⁷. Культурная среда усиливает путем отбора (положительная обратная связь) те генетические изменения, которые благоприятны для культурного творчества. Человек может быстро развиваться биологически, пока изменяется среда и сохраняется достаточная генетическая изменчивость. Неверно считать, что среда прямо влияет на наследственность, как полагали ламаркисты. Адаптивные достижения — это творческие ответы жизни на вызовы среды²⁸.

Такие закономерности имели место и при возникновении человека. «Преимущества адаптации, вызванные способностью развивать в самых примитивных формах культуру, должны были быть настолько значительными на ранних стадиях эволюции человека, что естественный отбор быстро содействовал генотипам, позволяющим представителям вида «человек» усвоить культуру. Контролируемая генами способность учиться, усваивать и применять новую технику и орудия была развита, усилена и распространена средствами биологической эволюции, делающей наш вид все более и более человеческим»²⁹.

²⁴ Current Anthropology, 1963, vol. 4, No. 2, p. 138.

²⁵ C. D. Darlington, The Facts of Life, London, 1953.

²⁶ Он пишет: «Теоретики марксизма утверждают, что биологическая эволюция человека закончилась, когда возникло существо, способное «трудиться»» (Current Anthropology, vol. 4, No. 2, 1963, p. 146). Это неверно.

²⁷ Current Anthropology, 1963, vol. 4, No. 2, p. 147.

²⁸ T. Dobzhansky, Evolution and Environment. In: The Evolution of Life. Its Origin, History and Future. Vol. 1 of Evolution After Darwin, Chicago, 1961, p. 426.

²⁹ T. Dobzhansky. Evolution, Genetics and Man. New York, 1955 p. 339—340.

Генетическая изменчивость человека ведет к необходимости ее регуляции³⁰. Но для такой регуляции необходима единая система человеческих ценностей. В качестве критериев такой системы ценностей Т. Добжанский предлагает соответствие морали совести людей опыту истории, а также отсутствие в ней логических противоречий³¹.

Мы специально остановились на некоторых последних работах Т. Добжанского. Он считает с влиянием культуры на биологическую эволюцию. Он делает это в соответствии с данными современной биологии, в отличие от ламаркистской теории наследования благоприобретенных признаков, которой руководствовался Г. Спенсер.

Ошибка Т. Добжанского, как и многих других современных западных ученых, занимающихся теорией антропогенеза, состоит в другом, а именно — в односторонней, идеалистической трактовке культуры, «надорганического». Сущность культуры состоит, по мнению Т. Добжанского, в знаниях и моральных принципах, передаваемых с помощью средств символизации.

В то же время Т. Добжанский стоит в понимании биологических процессов на стихийно-материалистических позициях. Это обнаруживается, например, при сопоставлении его взглядов со взглядами крупного английского биолога Д. Хаксли, считающего, что уникальность человека связана, в первую очередь, с развитием сознания, психологического-сознательного, а культура выступает в качестве эпифеномена. В основе биологической эволюции лежит естественный отбор. Дочеловеческие формы жизни зависят только от передачи материальных частиц, генов и хромосом, следующим поколениям. Благодаря своим умственным способностям, человек вступил в новую, психосоциальную фазу развития, базирующуюся на способности мышления и воображения. «В результате этого дух (*mind*), как и материя, получил возможность самовоспроизведения. Естественный отбор оказался подчиненным психологическому отбору и человеческая эволюция могла начаться»³². При этом Д. Хаксли с сочувствием относится к идеалистической концепции гоминизации Тейяра де Шардена.

Рассматривая принципы дарвинизма, Д. Хаксли специально подчеркивает значение возрастающей роли «сознания» в «антропогенезе»: «По линии эволюции, ведущей к человеку, организация

³⁰ Даже развитие медицины, ликвидация многих инфекционных болезней и уменьшение до минимума летального исхода при других, ведет к изменению генетического состава людских популяций (K. Mather, Medicine and Natural Selection, in: Biological Aspects of Social Processes, Ed. J. E. Meade, A. S. Parkers, 1964, p. 133.)

³¹ American Scientist, vol. 49, No. 3, p. 298.

³² Julian Huxley, The Future of Man, in: Modern Technology and Civilization, New York, Toronto, London, 1962, p. 449.

сознания (*awareness*) достигла такого уровня, что оказалось возможным не только сохранение индивидуального опыта, но и его кумулятивная передача следующим поколениям. Эта вторая критическая точка³³ положила начало человеческой или психо-социальной фазе эволюции»³⁴.

Д. Хаксли правильно критикует многие социальные пороки буржуазного общества. Но он предлагает для их устранения абстрактно-гуманистическое решение. Главное, по его мнению, это организованная борьба против человеческой глупости³⁵.

Концепция Хаксли отличается от концепции Добжанского тем, что Хаксли значительно больше подчеркивает роль психологии и сознания в становлении человека, т. е. стоит на позициях традиционного идеалистического понимания. Концепция Д. Хаксли критикуется многими современными американскими и английскими антропологами и этнологами, как антиэволюционистская, прерывающая преемственность в эволюции человека, игнорирующая квазисоциальные отношения и роль обучения у других приматов, считающая человеческую культуру только эпифеноменом. С другой стороны, концепция Д. Хаксли поддерживается теми этнологами, которые трактуют культуру с позиций объективного идеализма. Например, А. Крёбер считает заслугой Хаксли разрыв между биологической и культурной эволюциями. Он вполне согласен с терминами «ноэтическая» или «психологическая», применяемыми Хаксли для обозначения культурной эволюции³⁶.

Сам А. Крёбер дает объективно-идеалистическую интерпретацию надорганического. Принимая три уровня эволюции Г. Спенсера (неорганическое, органическое, надорганическое), он считает, что носителем культуры являются идеи типа Платона. «Вся цивилизация существует только в разуме. Порох, изготовление тканей, машины, законы, телефоны не передаются от человека к человеку или от поколения к поколению сами по себе. По крайней мере, это не делается постоянно. Передаются восприятия, значения и понимания их, их идеи в смысле Платона. Все социальное может существовать только через мышление»³⁷. Нет культуры без людей. Это естественно. Но люди являются только носителями, передатчиками культуры.

³³ Первой критической точкой было возникновение самовоспроизведения, самоизменения, естественного отбора, т. е. жизни.

³⁴ J. Huxley, *The Emergence of Darwinism*, in: *The Evolution of Life*, vol. 1 of *Evolution After Darwin*, p. 19.

³⁵ *Modern Technology and Civilization*, p. 454.

³⁶ A. L. Kroeber, *Evolution, History and Culture*, in: *The Evolution of Man, Mind, Culture and Society*, vol. 2 of *Evolution After Darwin*, Chicago, 1961, p. 15.

³⁷ A. L. Kroeber, *The Superorganic*, *American Anthropologist* 1917, XIX, p. 186.

В своей дальнейшей эволюции А. Крёбер различает уже четыре уровня эволюции: неорганический, органический, психический и социо-культурный, а в последний период своей жизни, особенно в работе «Природа культуры»³⁸, он различает также культурное и социальное. Надо признаться, что такое постулирование «уровней» довольно распространено в культурной антропологии³⁹. Но оно само по себе не очень интересно.

Следует учесть, что А. Л. Крёбер признает объективное существование общественных явлений⁴⁰. За это надорганическое А. Л. Крёбера критикуют как психоаналитики, так и представители психологическо-этического подхода.

Психоаналитик А. Кардинер считает признание объективных социальных процессов равноценным «антропоморфизации институтов»⁴¹. Этический идеалист Д. Бидни видит в этом «трансцендентальную концепцию культуры». Он утверждает, что «объективный метафизический культурный идеализм и материализм являются антитезисом гуманистической позиции, считающей человека действующей и конечной причиной социальной наследственности»⁴². Смысл подобных утверждений очевиден. Критикуется признание объективных законов общественного развития.

*

Переходя к рассмотрению некоторых современных интерпретаций надорганического, необходимо в них различать три момента: 1) описание общих принципов функционирования и эволюции сложных систем, раскрытие на этой основе преемственности биологического и социального; в этом отношении

³⁸ A. L. Kroeber, *The Nature of Culture*, Chicago, 1952.

³⁹ По мнению Д. Бидни, например, человек живет в 5-мерном пространстве: 1) природный мир, 2) концептуальный или символический мир, 3) мир артефактов и социофактов, 4) мир идеальных возможностей и ценностей, 5) мир личности, в котором живет «эго» и которых недоступен другим людям. (D. Bidney, *Theoretical Anthropology*, p. 18).

⁴⁰ К сожалению, надорганическое А. Л. Крёбера освещено в марксистской литературе очень мало. Об этом упоминает Э. С. Маркарян в связи с анализом взглядов Л. Уайта. («Вопросы философии», 1966, № 2, стр. 79, 86). Но это — редкое исключение. Насколько «непопулярна» у нас эта концепция, можно судить хотя бы по такому факту, что статье «Крёбер» в 3-м томе «Философской энциклопедии» концепция надорганического даже не упоминается. То же относится к рассмотрению взглядов А. Л. Крёбера Н. Бутиновым в рецензии на книгу *Cultural Growth*, Berkeley, 1944. A. L. Kroeber, *Configurations of Cultural Growth*, Berkeley, 1944. «Советская этнография», 1948, № 6.

⁴¹ A. Kardiner, *Social and Cultural Implications of Psychoanalysis in Psychoanalysis, Scientific Method and Philosophy*, New York, 1959, p. 105.

⁴² D. Bidney, *Theoretical Anthropology*, p. 26.

подобные модели полезны, 2) описание функционального сходства биологического и социального; в этом отношении подобные модели дают значительно меньше, они сводятся к выделению определенных общих условий гомеостатического приспособления, 3) описание сущности социального; в этом отношении подобные модели искажают реальное положение дел.

Эти моменты обнаруживаются в тех моделях преемственности социальной и культурной эволюции, где используется функциональный и эволюционистский подход.

Функциональный (и структурно-функциональный) подход — не школа и не особое направление, а известный методологический подход и соответствующий ему тип научно-социологического мышления. Этот тип мышления не может быть связан только с кругом лиц, считающихся представителями функционализма (например, «идеографический макрофункционализм» А. Р. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского; «номотетический макрофункционализм» Т. Парсонса, Р. Мертона; «микрофункционализм» К. Левина и других).⁴³ В этом смысле правы авторы, подчеркивающие, что нет теоретической школы функционализма⁴⁴, что функционализм — это известный общетеоретический подход в социологии («этнологический анализ»)⁴⁵.

Марксизм всегда интересовался и интересуется функциональной стороной социальных процессов. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли уже задолго до Э. Дюркгейма, что существование и развитие социальных структур определяется предшествующими социальными фактами, а не индивидуальным сознанием. Они также рассматривали общество как единое, органическое целое, подчеркивали объективное существование социальных структур. Наконец, они дали функционально-телеономическое (а не наивно-телеологическое) объяснение социальных процессов. Но, сказав все это, мы еще ничего не сказали о сущности марксистского понимания общества. Марк-

⁴³ Такое деление принадлежит Я. Уайтэкеру. Оно довольно удачное. (См. Ян Уайтэкер, Характер и значение функционализма в социологии, Сб.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии, вып. 1, М., 1968, стр. 282—292).

⁴⁴ Уже А. Р. Рэдклифф-Браун отрицал существование функциональной школы и считал ее мифом, изобретенным Б. Малиновским. Прогрессивный американский этнолог Л. А. Уайт отмечает, однако, наличие «школы» самого Рэдклиффа-Брауна в смысле группы ученых, организованных вокруг определенной концепции. (См. Leslie A. White. The Social Organization of Ethnological Theory, Rice University Studies, vol. 52, Nr. 4, 1966, p. 28 35, 51).

⁴⁵ К. Дэвис, Миф о функциональном анализе как специальным методе в социологии и антропологии, Сб.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии, М., 1968, стр. 213, 225—226.

сизм как целостная социально-философская теория и функциональный подход как метод исследования находятся в различных плоскостях ⁴⁶.

Итак, как социологический подход функционализм вряд ли может отождествляться с каким-нибудь узким кругом лиц или школ. Особенно четко это обнаруживается в последние десятилетия, когда в результате внедрения методов кибернетики структурно-функциональный подход применяется представителями различных теоретических течений. Но функционализм как методологический подход может противопоставляться описательному историзму, субъективно-психологическому подходу и ламаркистскому и социал-дарвинистскому вариантам биологизма в социологии.

С этой точки зрения для функционального подхода характерно:

1. Выход за рамки простых описаний и морфологических расчленений, раскрытие функциональной стороны культурных явлений.

2. Понимание культуры в качестве надорганического и над-индивидуального явления.

3. Попытки раскрытия в самой культуре причинно-следственных связей и внутренней детерминации.

В этом отношении функциональный подход резко отличается от индивидуалистической концепции общества и познания. Например, Б. Малиновский характеризует функционализм как объяснение антропологических фактов с точки зрения их роли в интегральной культурной системе, способа их взаимосвязи, способа связи культурной системы с физическим окружением ⁴⁷. Культура, по его мнению, — это инструментальный аппарат, имеющий три между собой тесно связанных измерения: артефакты, организованные группы и символизм ⁴⁸. Перечисляя пять общих аксиом функциональной теории, Малиновский подчеркивает приспособительное значение культуры: системы знания, верования и морали, способы творческого и художественного самовыражения существуют как один из видов приспособительного действия ⁴⁹. В этом утверждении сказывается бихевиористско-прагматическое понимание сущности знания Б. Малиновским ⁵⁰.

⁴⁶ На это справедливо обращает внимание А. Г. Здравомыслов. (А. Г. Здравомыслов, Функционализм и его критика, Сб.: Структурно-функциональный анализ, стр. XI).

⁴⁷ B. Malinowski, "Anthropology", Encyclopaedia Britannica, Supplementary vol. I of the 13-th Edition, 1926, p. 132.

⁴⁸ B. Malinowski, The Functional Theory, in: A Scientific Theory of Culture and Other Essays, Chapel Hill, 1944, p. 151.

⁴⁹ Там же, p. 150.

⁵⁰ Но нельзя согласиться с критикой, считающей вообще понятие «функция» понятием, заимствованным у бихевиористов.

Представитель «номотетического» функционализма Т. Парсонс также критикует индивидуалистско-психологическое объяснение социальных явлений⁵¹ и выделяет существенные моменты культуры: культура передается как наследство или социальная традиция, культуре обучаются, она не является проявлением генетической природы человека⁵². Т. Парсонс подчеркивает значение процессов «институционализации» и «интертеоризации» нормативных элементов в управлении социальными действиями⁵³. Все эти идеи насчет социально-культурной детерминации сознания не подлежат сомнению. Однако, в мировоззренческом отношении Т. Парсонс при раскрытии этой детерминации опирается на концепции Вебера и Дюркгейма.

На основе выделения известных общих функций социальных и биологических систем выдвигаются современные сравнительно-эволюционистские модели культуры и общества. Их характерной чертой является попытка учесть значение кооперированной деятельности в эволюции и функционировании биологических и социальных систем.

У. Гольдшмидт предлагает функциональную модель «контекста» социальных систем, которая работала бы в пространстве с тремя основными измерениями: 1) психобиологический характер человека, 2) экосистема, 3) временное измерение⁵⁴. Для психобиологического характера человека наиболее существенной является тенденция к символизации, которая может быть понята только в связи с мотивацией деятельности и ее функциями, причем междундивидуальные стимулы имеются также у представителей других видов⁵⁵. Экосистема состоит из окружающей природы и других обществ. Временное измерение ведет к необходимости учета культурной наследственности. С функциональной точки зрения общество и культура реализуют двоякие функции: 1) удовлетворяют «анималистические», но преобразованные через культуру, нужды человека; 2) обеспечивают через институциональный механизм сохранение социальной системы, институционализируют в этих целях поведение индивидуумов, обеспечивают удовлетворение духовных потребностей.

⁵¹ Т. Парсонс, Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии, Сб.: Структурно-функциональный анализ, стр. 29.

⁵² Т. Парсонс, Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Сб.: Структурно-функциональный анализ, стр. 49.

⁵³ Т. Парсонс, Новые тенденции в структурно-функциональной теории. Сб.: Структурно-функциональный анализ, стр. 65.

⁵⁴ Walter Goldschmidt, Comparative Functionalism, Berkeley, Los Angeles, 1966, p. 34.

⁵⁵ Walter Goldschmidt, Comparative Functionalism, p. 44, 47.

Аналогичное разграничение двух групп функций встречается у многих современных буржуазных авторов, независимо от их принадлежности к той или иной философской школе. Например, Э. Мозер выделяет три группы функций, общих для человека и животных — самосохранение, размножение, поддержание существования обществ. Однако, в качестве истинно-немецкого идеалиста он вводит кроме этих «витальных целей» (Vitalzwecke) еще «имманентные духовные цели» (Geistige Selbstzwecke), присущие только человеку⁵⁶.

Данный пример еще раз подтверждает, что функциональный подход не может быть связан с каким-нибудь одним решением основного вопроса философии и других центральных философских проблем. В то же время за общим термином «функциональное описание» скрывается, как правило, идеалистическое понимание культуры и общества.

* *
*

Функционально-эволюционистские схемы, включающие понимание культуры в качестве надорганического, используются также современными сторонниками психоанализа. Концепция самого З. Фрейда и ее видоизмененный вариант К. Юнга базировались на идее биологического наследования прижизненного опыта а также на распространении биогенетического закона Геккеля на развитие индивидуальной психики. Несмотря на различия в позднейших концепциях З. Фрейда и К. Юнга, идея наследования родового опыта остается для них общей.

Учение З. Фрейда о комплексах базируется на том, что психическая память способна каким-то образом сохранить опыт предыдущих поколений. Поскольку социальная обстановка увеличивает длительность созревания индивидуума, возникает конфликт между записанными в подсознательной памяти психическими явлениями и возможностями их актуализации. Отсюда необходимость сдерживать свое подсознательное Я, конфликтная ситуация, различные комплексы.

Особенно четко выступает сохранение прошлого опыта человечества в психической памяти индивидуумов в учении К. Юнга о архетипах. К. Юнг постулировал наличие «коллективного бессознательного», которое в качестве «архетипа» фигурирует в подсознании людей, пробуждаясь в сновидениях и неконтролируемых сознанием психических явлениях: «Мы говорим об онтогенетическом повторении филогенетической психологии в ребенке. Мы видим, что фантастическое мышление является особенностью древних людей, ребенка и низших человеческих рас. Мы знаем

⁵⁶ E. Moser, Von geistesmenschlichen Sein, S. 16, 21—23.

теперь также, что такое же фантастическое мышление требует к себе большого места у современного взрослого человека и проявляется тогда, когда прекращается направленное мышление»⁵⁷. Идея унаследования психического опыта проходит красной нитью через все его последующие работы. Что же касается механизма этих коллективных представлений, «вновь переживаемых архетипов», то здесь К. Юнг ссылается на полуфантастическую концепцию «энграмм» Р. Семона⁵⁸. Приняв эту концепцию, К. Юнг безоговорочно заявляет, что «мы должны принять, что бессознательное является не только индивидуальным, но и безличным, коллективным, в форме унаследованных категорий или архетипов»⁵⁹. К. Юнг считает, что «архетипы» — очень древние образования. Они возникли на заре человечества, поэтому они обнаруживаются как в греческой мифологии, так и в фантазии душевнобольного чистокровного негра. Архетип, первобытный образ — это «психическое выражение физиологически и анатомически определенной врожденной способности»⁶⁰.

3. Фрейд выразил неудовлетворенность концепцией К. Юнга, и издал в спешном порядке работу «Тотем и табу. Известное сходство между психикой первобытных людей и невротиков» (1912), где он проводит мысль о возвращении ребенка к тотемизму⁶¹, о сходстве мышления невротика и первобытного человека. В итоге 3. Фрейд трактует психику и мышление человека крайне абстрактно, в духе гносеологии 17—18 веков. Для него функционирует психика «человека вообще». Поэтому этнологи уже при появлении работы 3. Фрейда не могли принять ее всерьез. Единственная идея 3. Фрейда в данной области, кото-

⁵⁷ C. G. Jung, Wandlungen und Symbole der Libido, Zweite Auflage 1925, Leipzig und Wien, 1925, S. 27.

⁵⁸ Р. Седон руководствовался тезисом махизма об единстве психического и физического. Он говорил о «памяти клетки», эта «память» (мнемо) представляет собою запись следов ощущений. Эти следы определяют характер реакции особи и вида. (R. Semon, Die mnemischen Empfindungen, Leipzig, 1909, S. 6.)

⁵⁹ C. G. Jung, Die Beziehungen Zwischen dem Ich und dem Unbewussten, Dritte Auflage, Zürich und Leipzig, 1938, S. 30.

⁶⁰ C. G. Jung, Psychologische Typen, Zürich, 1921, S. 598. «Принадлежат ли архетипы к природному основанию человека или они априорно духовны?», спрашивает ученик Юнга Ф. Зейферт. «Ответ гласит: архетипы находятся в корреляции как с природным, так и духовным». (Friedrich Seifert, Seele und Bewusstsein, München, 1962). Но в дальнейшем оказывается и у Зейферта, что архетипы являются «природными» только в смысле идеалистически трактуемого инстинкта, в целом они уподобляются «идеям» Платона. (Там же, стр. 301).

⁶¹ S. Freud, Totem und Tabu. Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker, Leipzig und Wien, 1913.

⁶² S. Freud, Totem und Tabu. Die infantile Wiederkehr des Totemismus, особенно S. 117—123.

рая дискутируется в течение более длительного времени, — это идея сходства мышления первобытного человека с мышлением невротика. Но З. Фрейд нигде не дал ответа на вопрос, на основе каких физиологических механизмов прошлое человеческого рода живет в сознании современного человека. Он считал непосредственной данностью аналогию между умственным развитием человечества и психикой ребенка или невротика.

Итак, классический фрейдизм был связан с неправильными представлениями о наследственности. Г. Уэллс, один из наиболее вдумчивых критиков фрейдизма, указывает, что фрейдизм, явно и неявно, опирается на неправильные биологические представления о наследственности в следующих вопросах: миф о первобытной орде; учение о физиологических воспоминаниях, согласно которому отдаленный первобытный опыт превращается в наследственные воспоминания, присущие каждому современному ребенку и взрослому; концепция врожденных детских сексуальных фаз; учение о биологически predetermined эдиповом комплексе; учение о биологически наследуемом первобытном языке, состоящем из архаических символов в форме образов; учение о биологически унаследованном родовом бессознательном⁶².

Критика фрейдизма западными учеными в данной области сводится к указанию того факта, что фрейдизм не раскрывает механизмов передачи родового бессознательного⁶³, что фрейдизм допускает существование платоновских сущностей — идей⁶⁴, что существуют социально-культурные системы, где эдипов комплекс и другие явления, якобы опирающиеся на опыт раннего детства, невозможны⁶⁵, что доктрина фрейдизма базируется на ненаучных принципах⁶⁶ и неприменима в области социологии⁶⁷.

Осознание несоответствия первоначальной концепции Фрейда—Юнга современной биологии, физической и культурной антропологии привело к реформации фрейдизма.

Идеологическое содержание реформированного фрейдизма раскрыто в специальных исследованиях⁶⁸.

⁶² Г. Уэллс, Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968, стр. 47—48.

⁶³ P. Radin, *The World Anthropology*, New York, 1953, p. 306—319.

⁶⁴ D. Bidney, *Theoretical Anthropology*, New York, 1953, p. 6—9.

⁶⁵ D. Price-Williams, *Cross-Cultural Studies*, in *New Horizons in Psychology*, 1966, p. 396—397.

⁶⁶ E. Nagel, *Methodological Issues in Psychoanalytic Theory; Psychoanalysis, Scientific Method and Philosophy*, A Symposium, New York, 1959, p. 55; A. Wallace, *Culture and Personality*, New York, 1962, p. 7.

⁶⁷ A. Inkels, *Psychoanalysis and Society; Psychoanalysis, Scientific Method and Philosophy*, p. 120.

⁶⁸ См., например, Г. Уэллс, Крах психоанализа, от Фрейда к Фромму, М., 1968.

Наряду с этим обнаруживается стремление приблизить психоанализ к современным данным генетики, этологии, культурной антропологии. Наиболее видным его представителем является А. И. Хеллоуэлл. Аналогичные попытки встречаются и у других западных исследователей культуры, разделяющих в той или иной степени идеи психоанализа. Хеллоуэлл справедливо считает⁶⁹, что дисконтинуальные концепции культуры, например, концепция «психосоциальной фазы» Д. Хаксли, по своему существу антиэволюционистические. Он приводит ряд данных о пресapiентных гоминидах, живущих социальными группами. В этих группах имеются территориальные отношения и некоторые формы парной семьи (biparential family), забота о молодняке. У высших приматов имеются некоторые обучаемые умения и определенные зачатки технологических традиций. Они умеют отличать ядовитые ягоды, используют (но редко изготавливают) традиционные орудия, строят гнезда, общаются с помощью знаков — звуков и жестов, живут группами, часто более крупными чем парная семья, а в этих группах индивидуумы играют различную «социальную роль».

Подобных до-орудийных и доязыковых систем обучаемого социального поведения не может быть у организмов, неспособных к образованию «понятий» (внутренних символов — *intrinsic symbols*). Образование «понятий» может быть продемонстрировано, по крайней мере, у шимпанзе в опытах узнавания (различения) и обучения. Исходя из всего этого, Хеллоуэлл предлагает понятие «протокультуры», которым он обозначает обучаемое поведение у высших приматов ниже человека, включая протогоминидных предков человека.

В стадии протокультуры имеет место пользование орудиями (tool-using), но нет еще изготовления орудий. При этом он определяет изготовление орудий человеком как деятельность, которой человек обучается в социальной среде, при наличии языка, и которая направлена на целесообразное применение в будущем. Однако, наряду с этими верными идеями, Хеллоуэлл считает, что основой эволюции, ее независимым переменным являются социопсихологические условия. Поэтому весь процесс перерастания биологического в социальное базируется на развитии психического «эго»⁷⁰.

Новый уровень функциональной организации и существования достигается благодаря психологической реструктуризации, которая появилась в эволюции гоминидов в результате развития мозга, в связи с прямой походкой и с приспособлением к новым экологическим условиям. «Без этого психологического

⁶⁹ A. I. Hallowell, *Self, Society and Culture in Phylogenetic Perspective; The Evolution of Man, Mind, Culture and Society*, vol. 2 of *Evolution After Darwin*, Chicago, 1961.

⁷⁰ *Evolution after Darwin*, vol. 2, p. 348—351.

фактора, который обнаруживается в способности к развитию внешних форм символизации, культурный уровень приспособления не мог бы ни занять преобладающее место, ни утвердиться в своих характерных формах»⁷¹.

В отличие от тех структурно-функциональных концепций, в которых психика элиминируется, постановка вопроса А. И. Хеллоуэллом, несомненно, более правильна. Его концепция выгодно отличается и от взглядов представителей традиционно-психологической школы учетом функциональной роли и надорганического характера культуры, включая осознание роли труда и изготовления орудий. Он показывает связь между биологической и социальной эволюциями.

Общим с классическим фрейдизмом (а также и с традиционно-психологическим подходом) является у Хеллоуэлла то, что он придает решающее значение в культурном творчестве психическим, «социально-психологическим» факторам⁷². Но само понимание индивидуальной психики базируется на данных современной биологии, физической антропологии, на функциональном понимании роли культуры. Происходит также сочетание психоаналитического и структурно-функционального подходов⁷³. Тем не менее, сохраняется основная идея Фрейда о противоречии между быстрым развитием сексуальности и медленным созреванием человека; это противоречие ведет к возникновению психических комплексов, но сами комплексы не унаследованы⁷⁴.

Такая двуплановость обнаруживается и в других моделях культуры, использующих в той или иной мере психоаналитические идеи. М. Мид и Т. Шварц, например, конструируют модель культуры⁷⁵, базирующуюся на применении некоторых теоретико-множественных и кибернетических принципов к своеобразным сознательно-аффективно-оценочным образованиям —

⁷¹ A. I. Hallowell, *Self, Society and Culture in Phylogenetic Perspective*, in *Evolution After Darwin*, vol. 2, p. 360.

⁷² «Наиболее существенные в этом отношении» (т. е. с точки зрения возникновения культурной формы приспособления) «являются социально-психологические факторы» (*Evolution after Darwin*, vol. 2, p. 328.)

⁷³ В юбилейном сборнике А. И. Хеллоуэлла специально отмечается, что он стремится к сочетанию структуральных методов с психологическим изучением культуры и личности. Его заслугой считается внедрение категории «значения» в культурной антропологии. (См.: *Context and Meaning in Cultural Anthropology*, Ed. Melford E. Spiro, New York, London, p. XIX. XX). Все это — верно. Но у Хеллоуэлла, представителя ослабленного варианта психоанализа, также остается пропасть между социализированными значениями и внутренними психическими структурами индивидуума.

⁷⁴ Здесь Хеллоуэлл положительно отзываясь об ослабленном варианте фрейдизма Г. Рохейма.

⁷⁵ T. Schwarz, M. Mead, *Micro- and Macro-Cultural Models for Cultural Evolution* (1961), in Margaret Mead, *Continuities in Cultural Evolution*, New York, London, 1965, p. 327—335.

«идиоверсиям» («idioverse») ⁷⁶. «Идиоверсия-мультиверсия» отдаленно напоминают архетипы К. Юнга и коллективные представления Э. Дюркгейма (и их индивидуальные преломления). Это — особые духовно-психологические сущности, из которых состоит культура. М. Мид и Т. Шварц подчеркивают, что идиоверсия не означает сведения культуры к индивидуальной психологии. «Каждый индивидуум, вследствие его партиципации к событиям, из которых состоит история его жизни, создает определенные сознательно-аффективно-оценочные конструкторы. Тотальное множество этих конструкторов индивидуума мы называем «идиоверсия». Идиоверсия, упрощенно говоря, аналогична полному генотипу индивидуума... Опытная идиоверсия индивидуума испытывает влияние его «био-идиоверсии» (его генотипического и фенотипического строения) в той мере, в какой она модулирует его опыт... В развивающемся опыте индивидуума эти идиоверсии-конструкторы постоянно формируются, видоизменяются и передаются, будучи активированными в коммуникации и включенными в структурирование событий ⁷⁷.

Итак, идиоверсии — это некие идеальные сущности, из которых складывается культура. К ним М. Мид и Т. Шварц применяют некоторые теоретико-множественные и теоретико-информационные методы исследования.

Пересечения множеств «идиоверсий» образуют различные уровни культуры — культуры статуса, семейные, локальные, ареальные культуры, культуры фазы, периода и т. д. Эти культуры могут быть охарактеризованы по различным признакам. Беря каждый такой признак (включая также историческое время и географическое пространство) в качестве отдельного измерения, можно культуры изобразить как многомерные пространства. Оказывается, что «число измерений этого пространства увеличивается в ходе эволюции (рост, который может быть измеряем в логонах — единицах структурной информации)» ⁷⁸.

Такая модель, очевидно, может быть использована для изучения соотношения микро- и макрокультур. Однако, само понятие «идиоверсии» к полученной модели не относится. Речь идет об изображении культуры с помощью топологического пространства, причем рост информации трактуется как увеличение числа измерений — степеней свободы.

Идею протокультуры развивает также А. Уоллес (университет Пенсильвании). Он предлагает расширить понятие протокультуры, делая его независимым от биологической таксономии

⁷⁶ Термин «идиоверсия» был введен психологом С. Розенцвейгом. Т. Шварц употребляет понятия «идиоверсия-мультиверсия».

⁷⁷ Continuities in Cultural Evolution, p. 330—331.

⁷⁸ Continuities in Cultural Evolution, p. 333.

и обозначая этим всякое обученное поведение (включая птиц и насекомых)⁷⁹. Человеческая культура отличается от протокультуры тремя основными признаками: 1) неизмеримо большее использование внешних символов, делающее возможным звуковой язык, 2) контроль над источниками энергии вне человеческого тела, 3) развитие технологии. Используя способ частичного упорядочения, Уоллес получает следующую последовательность атрибутов культуры у приматов, переходящих в человеческую культуру: территориальность — зоны размещения — стадная организация — устойчивая парная семья — орудия — язык — орудия труда — контролируемое использование огня — культивация и одомашнивание — урбанизм — индустриальная цивилизация⁸⁰. Главное направление эволюции А. Ф. Уоллес рассматривает с количественной точки зрения как усложнение, связывая сложность систем с понятием селективной информации. Но этот количественный критерий остается в данном случае также только интуитивным методологическим принципом.

В понятии «протокультуры» Хеллоуэлла явственно наблюдаются редукционистские черты: социальность и культура считаются чем-то внешним по отношению к эволюционирующему «эго», составляющему истинную основу человеческого существования. Старый фрейдистский тезис получает видоизмененное выражение.

Стремление к материалистической интерпретации сверхорганического обнаруживается в работах прогрессивного американского этнолога Л. Уайта. Материалистическое понимание развития общества, культуры, человеческого миропонимания дано также прогрессивным английским археологом Г. Чайлдом⁸¹.

Стремление Л. Уайта к эволюционному и материалистическому пониманию истории — вне сомнения. Это отмечается и в новейших публикациях советских авторов⁸².

⁷⁹ Anthony F. C. Wallace, *Culture and Personality*, New York, 1962 p. 58.

⁸⁰ *Culture and Personality*, p. 61.

⁸¹ Буржуазные ученые называют как Л. Уайта, так и Г. Чайлда историческими материалистами: «Интересную попытку интерпретировать археологический материал... в марксистских терминах сделал Гордон Чайлд в своей работе «Scotland before Scots» в 1946 году». (Stuart Piggot, *Prehistory and Evolutionary Theory*, in: *The Evolution of Man, Mind, Culture and Society*, vol. 2 of *Evolution After Darwin*, 1961, p. 95). Л. Уайт — «исторический материалист» (D. Bidney, *Theoretical Anthropology*, p. 25).

⁸² С. Н. Артановский правильно считает, что Л. Уайт и его ученики образуют «в известной мере передовую школу в американской этнографии сегодняшнего дня». (С. Н. Артановский, *Марксистское учение об общественном прогрессе и «эволюция культуры» Л. Уайта*, сб.: *Современная*

Концепция культуры Л. Уайта базируется на технологическо-символической интерпретации сверхорганического. Понимание культуры как надорганического Уайт связывает с функционализмом и эволюционизмом. В статье, специально написанной в свое время для «Советской этнографии», Л. Уайт определял культуру следующим образом: «Культура — это организация вне-органических механизмов для осуществления контроля (контроль в смысле усилий организма изменить или свое собственное поведение или окружающие факторы для того, чтобы создать условия, соответствующие выживанию организма)»⁸³. Все «фазы» (т. е. аспекты, параметры) культуры зависят от материально-технической фазы. «Материально-техническая фаза культуры — это базис, на котором покоится вся культура»⁸⁴. Культура выполняет две главные функции. Она обеспечивает, во-первых, добывание пищи, во-вторых, защиту своих членов. Выполнение этих функций достигается с помощью «истории орудий».

Культура подразделяется Л. Уайтом на три основные подсистемы: 1) технологическая, 2) социальная, 3) идеологическая⁸⁵. Э. С. Маркарян, дающий философский анализ взглядов Л. Уайта⁸⁶, возражает как против включения социальных отношений людей в состав культуры, понимаемой как некое более широкое, самодовлеющее целое⁸⁷, так и против использования терминов «общество», «социальное» в отношении животных коллективов. В то же время Э. С. Маркарян считает, что для исторического материализма специфично различение социальной и культурной сферы, а также нераспространение термина «социальное» на животные сообщества.

В связи с этим надо отметить следующее: во-первых, понятие культуры у Л. Уайта непосредственно связано с концепцией надорганического, надбиологического. Другими словами, «культура» имеет специфическое, несколько необычное значение. Оно довольно близко к тому, что мы выразили с помощью понятия «социальная память». Но «культуру» в таком особом значении нельзя критиковать с позиции ее других значений. Во-вторых, разделение социального и культурного вряд ли может быть отличительной чертой исторического материализма.

американская этнография, 1963, стр. 56). Э. С. Маркарян также выделяет «прогрессивное значение», «принципиальность и мужество подлинного ученого» Л. Уайта. (См.: Э. С. Маркарян, Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический материализм, «Вопросы философии», 1966, № 2, стр. 88).

⁸³ Л. А. Уайт, Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии, «Советская этнография», 1932, № 3, стр. 68.

⁸⁴ «Советская этнография», 1932, № 3, стр. 69.

⁸⁵ L. White, The Science of Culture, New York, 1949, p. 364.

⁸⁶ Э. С. Маркарян, Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический материализм, «Вопросы философии», 1966, № 2.

⁸⁷ Там же, стр. 79—80, 86.

Ведь различие социального и культурного встречается также у многих буржуазных ученых. В-третьих, употребление в отношении животных сообществ терминов «общество», «социальное» — это в значительной степени вопрос терминологии. Об этом мы уже говорили в связи с биологическими предпосылками социальной памяти. «Социальная организация» (точнее: квази-социальная) встречается и у высших животных. При таком употреблении термин «социальное» выражает преемственность развития, его количественно-структурную сторону⁸⁸. Качественную же специфику человеческого общества у Л. Уайта выражает «культура» в целом, в которой он решающее значение придает способности к символизации.

Необходимо помнить, что Л. Уайт — не механистический редукционист. В специальной статье о возможности применения методов точных наук в социологии и этнологии, полемизируя с Лундбергом и Ст. Д. Доддом, он возражал механическому переносу моделей физики в социологию. Он писал: «Проблемы социологии, а также этнологии и социальной антропологии — это, по своему существу нематематические проблемы»⁸⁹. В этой статье он скорее тяготеет к другой крайности, недооценивая значение математики в социологии.

Э. С. Маркарян прав, когда он пишет, что «теоретически правильным и методологически плодотворным может быть лишь такое решение этой проблемы» (т. е. проблемы дифференциации «социального» и «культурного» аспектов общей сферы человеческой жизнедеятельности), «при котором соотношение понятий «общество» и «культура» понимается не как соотношение части и целого, а как выражение двух различных сторон, планов рассмотрения органически единого целого, разложимого лишь средствами логического анализа»⁹⁰. Но реализация этой

⁸⁸ По-видимому, при марксистской критике Л. Уайта необходимо более строго различать количественно-структурный и качественно-содержательный аспекты. Мне кажется, что с точки зрения количественно-структурного аспекта несправедливы обвинения Л. Уайта в «энергетизме». (См.: Современная американская этнография, стр. 51—59). Описание человеческого общества с точки зрения используемой энергии (качественно и количественно) является одним из возможных подходов к оценке объективного прогресса. Количество потребляемой на душу населения энергии уже давно используется в Советском Союзе для оценки технического уровня отдельных стран. В наше время, по-видимому, необходим более дифференцированный подход к этому вопросу. Необходимо учитывать, сколько отрицательной энтропии потребляет (или сколько энтропии создает) общество для достижения определенных целей. Прогресс состоял бы, с точки зрения технологии, в том, что одни и те же результаты достигаются с меньшей затратой имеющихся ресурсов отрицательной энтропии. Ср., например, добывание зерна с помощью выжигания лесов, с помощью поднятия целины, сопровождающиеся эрозией почвы, с помощью нормальных севооборотов и применения удобрений; перевозка тонны груза с помощью паровоза и электровоза и т. д.

⁸⁹ L. A. White, *Sociology, Physics and Mathematics*, Reprinted from *American Sociological Review*, Volume VIII, No. 4, August, 1943, p. 379.

⁹⁰ «Вопросы философии» 1966, № 2, стр. 87.

верной идеи связана с известными трудностями. Нам кажется, что для теории познания одним из выходов может быть использование понятия «социальной памяти».

Что же касается Л. Уайта, то у него доминирует символическая интерпретация культуры⁹¹. Исходя из символического понимания культуры, Л. Уайт анализирует связь между культурой и мышлением, используя для этого понятие «minding». «Minding» — это реакция живого организма на вещь или событие во внешнем мире; «minding» охватывает такие явления как действие, реакция, взаимодействие, отношение, значение. Следовательно, «minding» представляет собою некий аналог понятия «отражения» в его применении к живой природе. Поскольку «minding» в данном контексте практически непереводим, используем термин «майндинг».

Л. Уайт указывает на наличие четырех типов «майндинга»⁹².

1. Простейшая реакция организмов, аналогичная взаимодействию в неживой природе (притяжение, отталкивание, нейтральность). Схема:

Организм — событие

2. Условный рефлекс. Схема:

Организм $\begin{cases} \text{событие}_1 \text{ (пища)} \\ \text{событие}_2 \text{ (звонок)} \end{cases}$

3. Шимпанзе использует палку для доставания банана. Схема:

Организм $\begin{cases} \text{событие}_1 \text{ (банан)} \\ | \\ \text{событие}_2 \text{ (палка)} \end{cases}$

Отличие от 2-го типа состоит в наличии «внутренней» связи между событием₁ и событием₂.

4. «Символизация». Схема:

Организм $\begin{cases} \text{событие}_1 \text{ (шапка)} \\ \text{событие}_2 \text{ (слово «шапка»)} \end{cases}$

⁹¹ Символическая интерпретация культуры в какой-то мере преобладает также в работе Г. Чайлда, посвященной эволюции и сущности культуры (G. Childe, *Society and Knowledge. (The growth of human traditions)*, New York, 1956). Г. Чайлд рассматривает здесь также связь между технологией, языком и мышлением, однако он считает специфической чертой человека способность передавать знание — опыт другим представителям своего вида (*Society and Knowledge*, p. 7).

⁹² Leslie A. White, *Four Stages in the Evolution of Minding*, in *The Evolution of Man, Mind, Culture, and Society*, vol. 2, of *Evolution After Darwin*, 1961, p. 239—244.

Эти типы «майндинга» можно сгруппировать в таблицу:

	Организм имеет субординирующее значение	Организм имеет доминирующее значение
Зависит от внутренних свойств	Тип 1	Тип 3
Не зависит от внутрен- них свойств	Тип 2	Тип 4

Тип 3 свойствен обезьянам, собакам и слонам, возможно и другим высшим млекопитающим. Употребления внешнего орудия не необходимо. Животное может использовать в качестве орудия свое тело. (Например, собака идет к пище окружным путем, через открытую дверцу). Отличие этого типа поведения от условного рефлекса состоит в том, что организм на основе внутренних представлений осуществляет контроль над «значением».

4-ый тип «майндинга», символизация, это — «вид поведения, для которого характерно введение чувственно невоспринимаемых значений»⁹³. Его важнейшей формой является членораздельная речь. Он свойствен только человеку⁹⁴.

На основе выделения четырех типов «майндинга» Л. Уайт связывает специфически-человеческое с символизацией. «Как человеческое поведение, так и культура являются выражением и продуктом символизации... «культура» — это наименование потока вещей и событий, зависящих от символизации в внесоматическом контексте»⁹⁵. Человек, родившийся в Тибете или Скандинавии, ведет себя по-разному, его поведение — это функция внесоматического культурного континуума.

Для изучения культуры как внесоматического окружения требуется, по мнению Л. Уайта, новая наука, которая отличается от изучения «майндинга» первых трех типов, при котором исследуется человек как организм.

* * *

Мы рассмотрели некоторые современные концепции надорганизмического в конкретной области знания — в культурной антропологии. (При этом, как уже отметили, мы не касались лингви-

⁹³ Там же, стр. 249.

⁹⁴ Там же, стр. 250.

⁹⁵ Там же, стр. 253.

стико-семиотических интерпретаций надорганического). При этом мы обратили внимание на те конкретные видоизменения в интерпретации надорганического, которые связаны, в первую очередь, с развитием естественно-научных знаний⁹⁶. Современные данные биологии — от генетики и теории эволюции до зоопсихологии и этологии — в значительной степени учитываются буржуазными исследователями культуры. Это обнаруживается, прежде всего, в разграничении генетически-наследуемого и социально-культурно передаваемого в поведении и психике человека. Все больше применяется приспособительно-функциональная интерпретация социально-культурных явлений. Особенно подчеркивается роль символизации в поведении и в передаче социально-культурного опыта. Эти общие черты обнаруживаются у представителей различных методологических школ и философских направлений.

Означает ли это, что традиционные гносеологические, философско-методологические проблемы потеряли свое значение и ныне происходит слияние различных мировоззренческих течений на единой, естественно-научной основе?

Очевидно, это не так. Правда, многие прежние расхождения как бы снимаются, преодолеваются. В ряде случаев исчезает грань между субъективным и объективным идеализмом. Происходит также слияние фрейдизма с другими направлениями.

Представители различных течений используют, например, идеи о функциональной роли коллективных представлений или данные современного языкознания о значении. Довольно часто наблюдается взаимное слияние биологической и социальной моделей. Поэтому необходима осторожность при оценке данной схемы как редукционистской, так биологизирующей социальные явления. Критика, направленная против длительного, начинающая с античности, отождествления общества с индивидуальным организмом, или против гоббсовской схемы «войны всех против всех», в большинстве случаев уже «не работает» против современных редукционистских схем. Кроме того, необоснованные упреки в «биологизации» не только затрудняют раскрытие действительной идеалистической сущности немарксистских концепций, но и мешают использованию данных современной биологии в марксистско-ленинских философских исследованиях.

Водораздел между марксизмом-ленинизмом и всеми немарксистскими концепциями лежит в материалистическом понимании истории. «Надорганическое» — это общее название для многомерных и разнорядковых явлений. Только

⁹⁶ Существует и другой аспект этих видоизменений, связанный с отказом от концепции однолинейной культурной эволюции, с культурным релятивизмом и т. д. Этого аспекта мы не касались, так как он неизбежно ведет к более общим культурологическим проблемам, обсуждение которых в рамках данной статьи нецелесообразно.

на основе материалистического понимания истории возможно раскрытие тех причинно-следственных отношений, на которых базируется единый процесс развития человеческого общества, культуры, психики, сознания и познания. В этом обнаруживается и органическое единство диалектического и исторического материализма. На его основе можно также выяснить положительное содержание надорганического. Одним из возможных подходов к выяснению такого содержания, на наш взгляд, является понятие «социальной памяти», применяемое в целях гносеологического исследования⁹⁷.

*Поступила в редакцию
15 ноября 1969 г.*

⁹⁷ См. настоящий сборник, стр. 31—41.

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ АСПЕКТОВ И ФУНКЦИЙ ИСКУССТВА

Л. Н. Столович

Вопрос о взаимоотношении аспектов и функций искусства — один из важнейших для понимания сущности и специфики художественной деятельности. Его трактовку определяет сам подход к исследованию искусства, о чем свидетельствует история нашей эстетической мысли. На самом деле, ведь преобладание в эстетике 20-х годов социологического подхода к изучению искусства было обусловлено рассмотрением самого искусства как исключительно социально-идеологического явления, а господство в эстетике 30-х — 40-х годов гносеологического подхода очевидно связано с трактовкой искусства как познания. С середины 50-х годов все более и более осознается принципиальная ограниченность как исключительно социологического, так и чисто гносеологического изучения художественных явлений, не говоря уже о вульгарной социологии и вульгарной гносеологии. В результате стремления к синтетическому пониманию искусства появляются попытки охарактеризовать природу и сущность искусства как эстетическую или художественную.¹ Эти попытки вызывали порой нарекания в недооценке познавательного значения искусства или даже в прямом его игнорировании. Однако такого рода обвинения сознательно или неосознанно опирались по существу на формалистическое истолкование самой эстетической функции искусства, которая сводится лишь к доставлению удовольствия и противопоставляется и познанию и воспитанию.

Вместе с тем, простая констатация эстетической или художественной сущности искусства (а такая констатация, первоначально встреченная в штыки, стала затем во многих работах общим местом) еще не давала возможности для обстоятельного анализа структуры художественного произведения. В эстетике,

¹ См.: Л. Н. Столович, Некоторые вопросы эстетической природы искусства, Л., 1955; А. И. Буров, Эстетическая сущность искусства, М., 1956; В. В. Ванслов, Проблема прекрасного, М., 1957.

литературоведении, искусствознании обнаруживаются новые аспекты искусства и в связи с этим делаются попытки подключить к исследованию эстетических и художественных явлений новые отрасли современной науки, в том числе философской. Искусство выступает как информация², как семиотическая система³, как социологический феномен⁴, как ценность.⁵ В трудах М. С. Кагана и А. Натеева утверждается идея многогранности, полифункциональности искусства.⁶

Нет необходимости дискутировать на тему: что лучше, не видеть деревьев за лесом или за деревьями — леса? По-видимому, назрела потребность отмечаемые в эстетической литературе различные аспекты и функции искусства представить в их взаимосвязи и взаимоотношениях. Ниже мы попытаемся воспроизвести взаимоотношения различных аспектов и функций искусства в виде графической модели. Мы просим читателя извинить нас за намеренный схематизм этой модели, которая безусловно упрощает реальное взаимоотношение элементов и связей в художественном явлении, но все же, смеем надеяться, поможет представить их в какой-то мере более наглядно.

Прежде всего отметим существование в искусстве двух важнейших аспектов, составляющих единство противоположностей: отражательно-информационного⁷ аспекта и творческого, поскольку художник не только отражает мир, но и творит его в виде особой художественной реальности. Единство противоположностей творческого и отражательно-информационного аспектов представим в виде «оси», которая выражает природу художественного моделирования, т. к. всякая модель, в том числе создаваемая средствами искусства, является единством отражения познаваемого объекта и в то же вре-

² См.: В. Зарецкий, Образ как информация. — «Вопросы литературы», 1963 г., № 2.

³ См.: Ю. М. Лотман, Лекции по структуральной поэтике, вып. 1 (Введение, теория стиха), Тарту, 1964, стр. 39.

⁴ См.: Ю. Н. Давыдов, Искусство как социологический феномен..., М., 1968.

⁵ См.: А. Г. Харчев, Искусство как ценность. — «Проблема ценности в философии», М.—Л., 1966.

⁶ См.: М. Каган, Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Часть вторая. Диалектика искусства, Л., 1964, стр. 21; Атанас Натеев, Искусство и общество, София, 1961, стр. 6, 12.

⁷ Любая форма сознания, в том числе и искусство, представляет собой отражение в сознании человека объективной действительности. В этом смысле все аспекты искусства можно рассматривать как своеобразные проявления отражения. Однако мы вправе выделить специально такой аспект художественного произведения, который непосредственно обуславливает познавательную функцию искусства, — отражательно-информационный аспект. Понятие «информация» употребляется нами в значении «мигрирующая структура» (см. Я. К. Ребане, Информация как мигрирующая структура. — «Труды по философии», т. XII, Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 225, Тарту, 1969).

мя наглядным воссозданием его некоторых существенных связей.

творческий
аспект

х	м
у	о
д	д
о	е
ж	л
е	и
с	р
т	о
в	ь
е	а
н	н
н	и
о	е
е	

отражательно-информационный
аспект

Помимо этого диалектического противоречия, важно выделить и другое: искусство обладает как психологическим, так и социальными аспектами, ибо в нем воплощается неповторимый духовный мир художника и в то же время социальные проблемы, потребности, идеалы.

творческий
аспект

психологический
аспект

социальный
аспект

отражательно-информационный
аспект

Соединение отмеченных на схеме аспектов образует две пары других. Оценочный аспект можно представить как взаимодействие психологического и отражательного (оценка яв-

ления представляет собой его отражение с точки зрения духовного мира, интересов, потребностей личности); **знаковый** аспект находится между творческим и социальным как выражение в продукте творчества определенного социального значения. Воспитательный аспект является результатом единства социального и отражательного (искусство воспитывает благодаря тому, что отражает действительность сквозь призму социальных идеалов); психологический и творческий аспекты — основной источник эстетического наслаждения, т. е. гедонистического аспекта произведения.

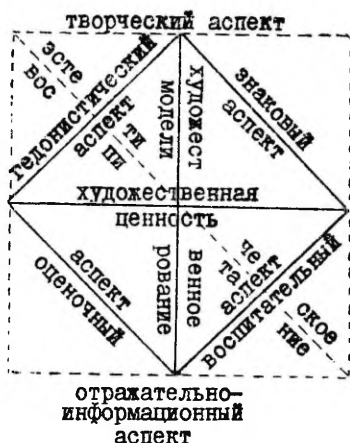

Художественная ценность произведения образуется как раз «на пересечении» всех названных выше аспектов, потому что художественность, художественная ценность искусства обуславливается такими «параметрами», как его познавательное значение, творческое мастерство, богатство выраженного в нем психологического состояния художника, его чувств, мыслей, стремлений, глубина социальных проблем и значительность общественных идеалов. Художественность зависит и от точности эстетической оценки эстетической сущности отражаемых явлений. Она не мыслима без воплощения в форме произведения его содержания, т. е. без знакового аспекта искусства. Художественная ценность произведения предполагает его воспитательные возможности и способность доставлять эстетическое наслаждение. Конечно, роль этих «параметров» не одинакова в различных видах и жанрах искусства, но все они в определенном единстве и целостности участвуют в образовании художественной ценности, выступая как ее критерии.

творческо-
воспитательная
функция

психологический
аспект

познавательно-
оценочная
функция

коммуникативная
функция

социальный
аспект

социально-
воспитательная
функция

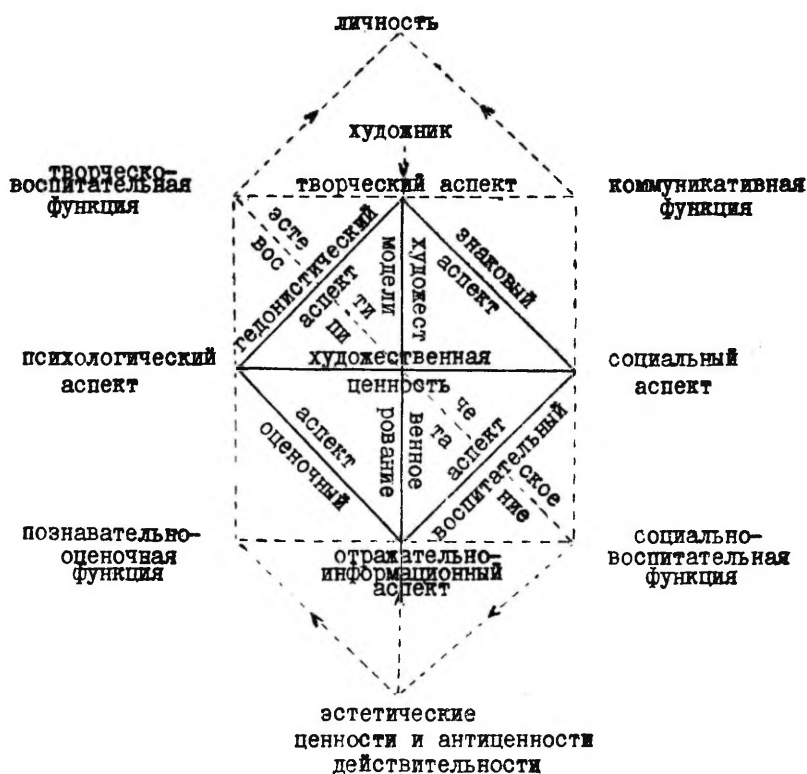
Еще раз подчеркнем, что наша схема в значительной мере условно воспроизводит соотношение различных аспектов искусства. Необходимо иметь в виду, что все эти аспекты в реальном художественном произведении взаимосвязаны друг с другом. Обозначенные на схеме линии, соединяющие и образующие аспекты искусства, можно представить как «артерии», по которым осуществляется взаимосвязь между различными аспектами.

Основные аспекты искусства определяют его главные функции как в общественной, так и в индивидуальной жизни человека: познавательно-оценочная функция искусства осуществляется благодаря таким его аспектам, как отражательный, оценочный и психологический; социально-воспитательная функция опирается на социальный, воспитательный и отражательный аспекты; социальный, знаковый и творческий аспекты обуславливают коммуникативную функцию искусства; психологический, гедонистический и творческий аспекты определяют творческо-воспитательную функцию. Единство социально-воспитательной и творческо-воспитательной функций искусства составляет сущность эстетического воспитания.⁸

Произведение искусства возникает в результате творческой деятельности художника, отражающего объективную действительность в ее эстетических свойствах, эстетических ценностях и антиценностях. Воздействие художника на личность

⁸ О сущности эстетического воспитания в такой его интерпретации более подробно см. в нашей статье: «Социальные функции эстетического воспитания» (сб.: «Art and Society», М., 1968 и в «Трудах по философии», XII. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 225, Тарту, 1969).

человека, воспринимающего произведение искусства, можно представить в виде следующей схемы:

Эстетические ценности действительности воплощаются в искусстве благодаря его познавательно-оценочной функции. Посредством же социально-воспитательной функции формируется ориентация людей в мире эстетических ценностей. Коммуникативная функция искусства связывает личность с социальным аспектом художественных ценностей. Творческий и психологический аспекты искусства, доставляя эстетическое наслаждение, развивают творческие потенции личности через творческо-воспитательную функцию искусства.

Таким образом, мы видим, что искусство представляет собой целостную систему, образуемую его различными аспектами. Обладая этими аспектами, искусство имеет ряд функций, которые как формируют ориентацию личности в отношении общест-

венно значимых эстетических ценностей, так и развивают ее творческие потенции. Сущность искусства не может быть сведена к какому-либо одному его аспекту или функции. Она эстетическая по своей природе и художественная по своей специфике. При этом художественная ценность искусства и образует единство и целостность его многообразных аспектов и функций.

Обрисованное выше понимание сущности, аспектов и функций искусства показывает необходимость взаимодействия эстетики с другими научными дисциплинами при изучении художественной деятельности человека. При исследовании отражательно-информационного аспекта искусства эстетика не может не опираться на философскую гносеологию и теорию информации. Знаковый аспект искусства и его коммуникативная функция предполагают использование семиотических методов исследования. Социальный аспект искусства и его социально-воспитательная функция изучаются эстетикой в связи с социологией и педагогикой. Психологический аспект и творческо-воспитательная функция требуют применения при их исследовании методов психологической науки и таких ее отраслей, как психология творчества и психология личности. Аксиологический подход необходим и для исследования эстетических ценностей действительности, для изучения самой художественной ценности, оценочного аспекта и оценочно-познавательной функции искусства. Вместе с тем, никакие подходы и методы перечисленных выше наук не могут раскрыть специфику художественных явлений, если они абсолютизируются, берутся без учета других подходов и методов, т. к. только комплекс различных научных подходов и методов может помочь эстетике постигнуть сущность художественной ценности, синтетическую по своей природе.

*Поступила в редакцию
30 октября 1969 г.*

ПРОБЛЕМА ДОЗВОЛЕННОГО ПОСТУПКА В ФИЛОСОФИИ КАНТА

Э. Х. Сийман

В философии Канта нет ясности по вопросу о том, как определить границы нравственности, по какому принципу делить все возможные поступки. Допускаются два взаимоисключающиеся вывода: или существуют только поступки нравственные и безнравственные, причем первые определяются нравственным законом и все остальные, которые происходят из других мотивов, являются безнравственными; или же возможны нравственные, безнравственные и нравственно безразличные поступки.

По этому вопросу Кант как этик противоречит Канту как философу религии, ибо возможность морально безразличного защищается в «Метафизике нравов» и категорически отрицается в «Религии в пределах одного только разума».

В «Религии в пределах одного только разума» (1792—1793) Кант утверждает, что «для учения о нравственности вообще очень важно не допускать, насколько возможно, никакой моральной середины ни в поступках (*adiaphora*), ни в человеческих характерах, так как при такой двойственности всем максимумам грозит опасность утратить определенность и устойчивость. Тех, кто придерживается такого строгого образа мыслей, называют *ригористами*»...¹ «Если доброе = а, то противоположное ему есть недоброе. Оно бывает следствием или только отсутствия основания добра = о, или положительного основания, противоположному ему, = —а».² Положение это, кажется, ясно: тот, кто делает своей максимой моральный закон, морально добр, кто руководствуется каким-нибудь иным мотивом, является морально злым, ибо «его образ мыслей в отношении морального закона никогда не индифферентен (никогда не может быть ни тем, ни другим — ни добрым ни злым)».³ Если же человек, руководствующийся потребностями,

¹ И. Кант, Соч. в 6 тт., т. 4, ч. 2, М., 1965, стр. 23.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 25—26.

становится морально злым, то, следовательно, должны быть злыми и сами потребности, вся чувственность человека (такой вывод иногда делается интерпретаторами Канта). Но сам Кант этого никогда не утверждал. Он пишет: «Причину этого злого нельзя ... усматривать в *чувственности* человека и возникающих отсюда естественных склонностях».⁴ Источник зла заключается не в чувственности, а в свободе человека. Именно вследствие свободы человек делает себялюбие принципом всех своих максим и становится морально злым.

Принцип исключения всего среднего между добрым и злым лежит в основе чисто интеллектуального суждения о человеке, «в то время как эмпирическое суждение из *чувственно воспринимаемого действия* (из действительного поведения) можно подвести под принцип: существует нечто среднее между этими крайностями: с одной стороны, нечто негативное — безразличие ко всякому развитию, с другой стороны, нечто положительное — смешение отчасти доброго, отчасти злого. Но последнее есть только суждение о моральности человека в явлении и в конечном суждении подчинено первому».⁵

Но «Метафизика нравов» (1797) свидетельствует об изменении взглядов Канта на этот вопрос. Между крайностями доброго и злого он начинает признавать морально безразличное. Он иронически называет «фантастически-добродетельным» того, «кто не допускает в отношении моральности никаких *безразличных вещей* (*adiaphora*) и на каждом шагу расставляет обязанности, как капканы, и ему не безразлично, питаюсь ли я мясом или рыбой, пивом или вином, хотя и то и другое для меня не вредно; это микрология, и если ее включить в учение о добродетели, то ее господство превратится в тиранию».⁶ О морально индифферентном свидетельствует и следующее высказывание: «Несовершенный долг есть, следовательно, лишь долг добродетели. Исполнение его есть *заслуга* (*meritum*) = + а, но нарушение его не есть тотчас же *погрешение* (*demeritum*) = — а, а есть лишь моральное недостоинство = 0, кроме того случая, когда принципом для субъекта становится неподчинение долгу. Только твердость намерения в первом случае называется, собственно, добродетелью (*virtus*), слабость же во втором — не столько *пороком* (*vitium*), сколько просто *недобродетелью*, отсутствием моральной твердости ...».⁷

О допущении морально безразличного говорит и положение о дозволенном поступке: «Дозволенный поступок (*licitum*) — это такой поступок, который не противоречит обязательности; и эта свобода, не ограниченная никаким противоположным им-

⁴ Там же, стр. 37.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 345.

⁷ Там же, стр. 324—325.

перативом, называется правомочием ...». ⁸ «Поступок, который не предписывается как веление, и не запрещается, только *дозволен*, потому что в отношении его нет никакого закона, ограничивающего свободу (правомочие), и, следовательно, нет никакого долга. Такой поступок называется морально безразличным» ⁹.

Хотя точка зрения Канта о морально безразличном непоследовательна и допускает прямо противоположные выводы, все же положения «Метафизики нравов» кажутся нам более приемлемыми. Признание дозволенного поступка позволяет сделать вывод из учения Канта, что далеко не все взаимоотношения людей можно подвести под мораль. Нравственность необходима, когда требуется обуздание аффектов, страстей человека для того, чтобы учитывать интересы других людей. Когда же склонность, интерес индивида не противоречит долгу, когда ничего не нужно подавлять, начинается сфера морально индифферентного. Потребности, стремление к счастью, если они не противопоставлены долгу, относятся именно к этой нейтральной сфере. Область морали ограничивается лишь долгом, лишь тем, что определяется разумом человека. Моральную ценность имеет поступок, совершенный под влиянием долга. Безнравственным считается поступок, идущий вразрез с долгом. Все другие поступки лишены нравственной ценности, но это не значит, что они не имеют никакой ценности вообще. Ценность склонности как мотива поведения не отрицается в таком случае, потребность не имеет в себе ничего безнравственного, порицательного. Кант отказывается лишь от того, что мораль основывается на потребностях.

Как понимать дозволенный поступок, в этом нет единогласия среди интерпретаторов Канта. Комментатор Канта Я. Бек в книге, выпущенной еще при жизни Канта, отрицает возможность дозволенного поступка в этике. «Только юридическое, — пишет он, — а не этическое законодательство разрешает дозволенные поступки и именно потому, что предписанные поступки являются внешними по юридическому законодательству. Сфера возможных внешних поступков шире, чем та, которую охватывает это законодательство и поэтому существуют поступки, которые лежат за пределами этого законодательства. А так как этическое законодательство является внутренним и само оно заключается в законе как побудительная причина, или произвол, и человек может быть только одним из двух — или морально добрым, или морально злым (закон является побудительной причиной его произвола или нет), так этическое законодательство не разрешает никакого *Adiaphora*». ¹⁰

⁸ Там же, стр. 130.

⁹ Там же, стр. 131.

¹⁰ Jakob Sigismund Beck, *Commentar über Kants Metaphysik der Sitten*, Halle, 1798, S. 69—70.

Против признания дозволенного поступка выступает и М. Моритц в работе, посвященной проблемам долга. Он признает, что отношение Канта к вопросу о дозволенном поступке довольно шаткое, и рассуждает следующим образом. С одной стороны, Кант делит все поступки на два класса в зависимости от того, могут ли они быть обобщены или нет. Но с другой стороны, Кант говорит о дозволенном поступке. Существование дозволенного поступка можно допустить лишь в том случае, когда признается, что за пределами обобщенных и необобщенных поступков имеется еще третья группа. По мнению М. Моритца, Кант не защищает ни то, ни другое положение. Его точка зрения непрочна. Когда же он все-таки говорит о дозволенном поступке, тогда он непоследователен. Ибо два принципа деления просто противостоят друг другу. С одной стороны, все поступки должны делиться на два класса — на обобщенные и необобщенные и, с другой стороны, они делятся на три класса: предписанные, запрещенные и дозволенные. Вторым принципом деления исключает первый, и если допустить дозволенный поступок, нельзя уже определить долг по принципу всеобщности.¹¹

Другие же историки философии соглашались с тем, что в этике Канта за пределами добрых и дурных поступков имеются еще морально безразличные, что чувственность сама по себе не аморальна. В. Виндельбанд пишет: «Если к поступку, соответствующему требованиям нравственного закона, человека побуждает механизм жизни, его личные интересы, то такой поступок хотя и нельзя еще назвать дурным (злым), но все-таки нельзя назвать и добрым: в нравственном смысле он безразличен»¹². Такого же мнения придерживается и Р. Райнигер: «Что происходит из других мотивов (за исключением долга) не должно поэтому еще быть бесценным: оно лишь морально безразлично»¹³. Он продолжает: ««То, что сделано с любовью, совершается всегда по ту сторону добра и зла» — эти слова Ницше в их подлинном смысле относятся к Канту»¹⁴. О признании Кантом морально безразличного пишут и другие критики Канта¹⁵. Дозволенный поступок — одно из противоречий этической системы Канта.

¹¹ См.: Manfred Moritz, Studien zum Pflichtbegriff in Kants kritischer Ethik, Lund, 1951, S. 24—25.

¹² В. Виндельбанд, История новой философии, т. II, СПб, 1913, стр. 95.

¹³ Robert Reiniger, Kant. Seine Anhänger und seine Gegner, München, 1923, S. 179—180.

¹⁴ Ibidem, S. 180.

¹⁵ См.: August Messer, Kants Ethik, Leipzig, 1904, S. 236; Friedrich Zange, Über das Fundament der Ethik. Eine kritische Untersuchung über Kants und Schopenhauers Moralprinzip, Leipzig, 1877, S. 29; Bruno Bauch, Geschichte der Philosophie, V, Immanuel Kant, Berlin u. Leipzig, 1920, S. 140.

Содержание

М. Г. Макаров. Об уровнях категорий	3
Р. А. Вихалемм. О переходе к количественному исследованию в химии	12
М. Х. Вальт. О проблеме непрерывности и дискретности в истории эволюционизма	18
Я. К. Ребане. О биологических предпосылках «социальной памяти» .	31
Р. Н. Блюм. Прогноз в теории революции Маркса и Энгельса . .	71
А. И. Горячева. Проблемы социальной психологии в советской философской и психологической литературе	100
М. Х. Титма. Роль социального происхождения в формировании ценностей профессии	156
Я. К. Ребане. «Надорганическое» и некоторые современные схемы преемственности биологического и социально-культурного . . .	205
Л. Н. Столович. О взаимоотношении аспектов и функций искусства	230
Э. Х. Сийман. Проблема дозволенного поступка в философии Канта	237

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XV

На русском языке

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор Л. Столович

Корректор Л. Аболдуева

Сдано в набор 8. V 1970. Подписано к печати

27/IV 1971 г. Печ. листов 15,25. Учетн.-издат.

листов 16,2. Тираж 500 экз. Типографская бу-

мага фабрики «Кохила». № 2. 60 X 90. 1/16.

МВ-03691. Зак. № 2864.

Типография им. Ханса Хейдемана. ЭССР.

г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. II

Цена 1 руб. 30 коп.

Цена 1 руб. 30 коп.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00289400 6